

ISSN 2303-9744

14+

Научный журнал

«PEM: Psychology. Educology. Medicine»

— • —

№ 3.sp. - 2014

(дайджест-вариант)

[Вариант журнала со сборником трудов н.-п. конференции для
XVI Национального психологического конкурса «Золотая
Психея» по итогам 2014 года]

Абакан - Черногорск, 2014

Спецвыпуск «PEM: Psychology. Educology. Medicine» [ПЭМ: Психология. Эдукология. Медицина] является приложением к научному журналу «**Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири**» и является научно-практическим изданием.
ISSN 2303-9744 • Bulletin on pedagogics and psychology of Southern Siberia • scientific journal.

П97

Приложение к журналу выходит с *03 окт. 2013.*

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации **ЭЛ № ФС 77-56160 от 15.11.2013.**

Периодичность – до 4 номеров в год. Открытый доступ.

Электронная версия журнала (scientific e-journal) на издательской платформе RAE Editorial System

URL: <http://esrae.ru/list/> в свободном доступе по адресу:

URL: <http://pem.esrae.ru/> и <http://bulletinppfdc.1gb.ru/>

Л.Ф. Чупров (гл. редактор), К.Г. Языков (зам. гл. редактора)

Редакционная коллегия

М.В. Воропаев, В.Г. Морогин, Т. Попов, Н.В. Родина,

Е.К. Янакиева

Ответственный секретарь А.С.Щукин.

Выпускающий редактор Л.Ф. Чупров , 2014.

Адрес редакции:

655158 Россия, Хакасия, г. Черногорск,

ул. Калинина, дом 15, кв. 67.

Для авторов Ichpr@rambler.ru (главный редактор журнала),

OtvSec@ya.ru (ответственный секретарь журнала).

Подписано в печать 04.12.2013 (Online)

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2013.

© Авторы сообщений, 2013.

© В.Г. Морогин, Л.Ф. Чупров (составители), 2013.

Запрещается перепечатка статей без разрешения редакции.

При использовании материала ссылка на журнал обязательна.

Журнал зарегистрирован в системе электронного нотариата (www.copytrust.ru) 05.11.2012 г.

Регистрационный номер - 07N-4S-SH.

Об этом номере журнала (вступительное слово главного редактора)

Данный выпуск № 3 электронного научного журнала «PEM: Psychology. Educology. Medicine» подводит итоги двух научных конференций Южной Сибири: международной конференции 2014 года. Это материалы «Международная научно-теоретическая конференция по истории психологии: «500 лет использования понятия «Психология» в литературе, искусстве, науке и практике (по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ Marko Marulic)» и седьмая Всероссийская научно-практическая (очно-заочной) конференция с международным участием: «Этносы развивающейся России: проблемы и перспективы» (Абакан, 4 декабря 2014 года).

В этом разделе № 3 журнала «PEM: Psychology. Educology. Medicine» представлены материалы по психологическим наукам Всероссийской научно-практической (очно-заочной) конференции с международным участием: «Этносы развивающейся России: проблемы и перспективы».

Сетевая версия психологической части конференции расположена по адресам:

Морогин В.Г Информационное письмо о VII Международной научно-практической конференции «Этносы развивающейся России: проблемы и перспективы». - URL: <http://pem.esrae.ru/4-28>

Коллектив авторов Кросс-культурные и этнопсихологические исследования. - URL: <http://pem.esrae.ru/4-29>

Коллектив авторов. Региональные социологические и психологические исследования. - URL: <http://pem.esrae.ru/4-30>

Морогин В. Г. Презентация. Открытая лекция доктора психологических наук, профессора, академика МАПН В.Г. Морогина «Палеопсихология Б.Ф. Поршнева». - URL: <http://pem.esrae.ru/4-31>

Целиком материалы конференций представлены на сайте журнала URL: <http://pem.esrae.ru/4>

Материалы на иностранных (английском, македонском, украинском) языках публикуются в авторской редакции.

Учредитель / гл. редактор журнала Л.Ф. Чупров (Черногорск).

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»

**Сборник трудов седьмой Всероссийской
научно-практической (очно-заочной)
конференции
с международным участием:
«Этносы развивающейся России:
проблемы и перспективы»**

(Абакан, 4 декабря 2014 года)

— • —

**Ethnoses of the developing Russia:
problems and prospects**

— • —

Публикуется по решению Ученого совета Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова

Рецензенты:

Вержибок Галина Владиславовна - кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии МГЛУ (Минский государственный лингвистический университет), Беларусь.

Воропаев Михаил Владимирович - доктор педагогических наук, профессор общеинститутской кафедры истории и теории педагогики института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета, почётный доктор наук НОУ ВСОА (Москва, Россия).

Родина Наталья Владимировна - доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и прикладной психологии ОНУ (Одесский национальный университет) им. И.И. Мечникова (Одесса, Украина).

Этносы развивающейся России: проблемы и перспективы: материалы седьмой Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Абакан, 4 декабря 2014 года) / Под общ. ред. В. Г. Морозина. - Абакан – 224 с. [эл. ресурс] URL: <http://bulletinppfdc.1gb.ru/>

В сборнике представлены материалы докладов на секциях «Кросс-культурные и этнопсихологические исследования» и «Региональные социологические и психологические исследования» седьмой Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Этносы развивающейся России: проблемы и перспективы». В публикуемых статьях обсуждаются методологические, кросс-культурные, психологические и социальные вопросы межэтнических отношений, поднимается проблема осознания человеком своей этнической идентичности, рассматриваемая с позиции различных методологических подходов и теорий, анализируются результаты эмпирических исследований, выполненных в русле обсуждаемых концепций.

О конференции

Предлагаемые вниманию читателей материалы являются своеобразным итогом состоявшейся в городе Абакане седьмой научно-практической конференции. Если предыдущая (шестая) прошла как международная¹, то эта была утверждена как «Всероссийской научно-практической конференции с международным участием».

В трех секциях конференции приняли участие не только студенты и преподаватели Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. Помимо ученых и специалистов из Хакасии, представлявших Абакан, Черногорск, Калинино, Таштып, в той или иной форме приняли участие представители из российских городов Кызыл, Минусинск, Москва, Томск, Чита, Ярославль.

Свои материалы представили ученые из ближнего (Бухара, Киев) и дальнего зарубежья (Болгария, Македония).

В рамках проведенной научно-практической конференции работали три секции: помимо упомянутых выше психологических секций, свои сообщения представили студенты, ученые и специалисты в рамках медицинской тематики секции 3. «Медико-биологические аспекты исследования этнических полиморфизмов в Хакасии».

Состоялось награждение участников I межрегионального конкурса научных работ студентов и молодых ученых «Этнопсихологические исследования: взгляд молодых ученых».

В качестве положительных моментов следует отметить наметившуюся тенденцию к совместной подготовки материалов представителями, как разных регионов России, так и стран. Участие в рецензировании трудов конференции иностранных специалистов.

Оргкомитет благодарит М.М. Бафаева (Бухара, Узбекистан) за качественно проведенную координационную работу при подготовке данной конференции.

В.Г. Морогин, Л.Ф. Чупров.

¹ Этнопсихологические исследования в медицине, социологии и сфере образования: материалы международной научно-практической конференции (Абакан, 14 ноября 2013 года) / под ред. В. Г. Морогина. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2013. – 183 с.

Секция 1:

**Кросс-культурные и
этнопсихологические исследования**

Председатели секции:

Анжиганова Л.В., доктор философских наук, профессор
Ибрагимов Р.Н., доктор философских наук, профессор
Морогин В.Г., доктор психологических наук,
профессор, академик МАПН

Кросс-культурные и этнопсихологические исследования

УДК 304.2

Этническая культура во времени и пространстве

Л.В. Анжиганова. *Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан*

Глобализация подвергла серьезному испытанию идентичности различного уровня: цивилизационного, регионального, государственного, наконец, этнического. Этноты оказались перед историческим выбором: «быть или не быть». Под влиянием глобальных и трансформационных процессов пространственно-временные параметры развития народов существенно изменились. Между тем, осознание этносом *целостности в пространстве* означает, с одной стороны, возможность дифференциации этноса от других этнических и внеэтнических образований (государственных, социально-классовых и прочих). С другой стороны, это позволяет выделять компоненты жизнедеятельности народа, способствующие внутриэтнической интеграции (этническое самосознание, культура, язык, территория, особенности национально-государственного устройства, хозяйственно-экономического уклада и т.д.). Наконец, пространственное самоопределение этноса позволяет ему включиться (или дистанцироваться) в общности более широкого плана (региональные, континентальные, общечеловеческие) без утраты своего этнического «лица».

Обретение *целостности во времени* для народа особенно важно, т. к. это обосновывает его положение как необходимого звена между прошлым и будущим, удовлетворяя главную потребность – *быть, существовать всегда, вечно*.

В процессе формирования этносов, как и любых других социальных систем, лежит *система потребностей*, сложившаяся у народа в каждый конкретный исторический период, но в основных своих параметрах не противоречащая той картине мира, в которой этнос видит себя как целостность.

Поскольку этнос – биосоциальная общность людей, то потребности выживания, адаптации к миру являются в нем наиболее значимыми, определяющими. Главная движущая сила развития народа – потребность ощущать свое *бытие*, и главной ценностью всякого этноса становится *жизнь*. Эта ценность проявляется особенно рельефно, когда народ находится в состоянии кризиса, надлома, точке бифуркации (в состоянии хаоса, возникающего в точке выбора пути развития). Опасность уничтожения извне или самоуничтожения народ понимает почти инстинктивно и начинает вырабатывать механизмы выживания:

1. Ориентация на многочисленное, здоровое потомство как гарант воспроизводства народа.

2. Постоянный психологический прессинг идеи самосохранения народа озвучивается в устном народном творчестве, письменных источниках, религиозных ритуалах.

3. Возвращаются прежние, консервативные, но проверенные временем, структуры и ценности традиционного общества (ценности родной земли, этнической солидарности, народ, род как ценность).

4. Потребность спасения у народа часто проявляется в поиске мессии, который остановит процессы саморазрушения этноса и даст новую силу для его расцвета и вечной жизни.

5. Все это способствует проявлению у представителей этноса ценностей выживания, которые продиктованы невысоким горизонтом ожидания (безопасности, наличия работы, сохранения здоровья, благополучия, включенности в традиционные структуры общности, следование обычаям предков, канонизация традиционного образа жизни и пр.).

Несколько иные потребности, интересы и ценности возникают у народа на этапе его взлета, будь то расцвет этноса за счет собственных ресурсов или, чаще всего, как результат завоевания других народов. Причина такого процесса также, по-видимому, коренится в витальной потребности не только сохранить, но и распространить свое бытие за свои пределы. Сюда же накладывается социально-психологическая потребность быть значимым среди себе подобных, а если позволяют силы, стать самым значимым, великим. Это оборотная сторона все той же потребности жить, но за счет жизни других. Ценности, возникающие на этом этапе, реализуют «модели должного». Они выступают в контексте более широком, чем контекст индивидуальных потребностей: «великая миссия», «цивилизаторская роль», «проявление божественной воли» и пр.

Национальная идеология здесь увенчивается идеей исключительности народа, его права карать и миловать, навязывать свое видение мира через культуру, модернизационные процессы и пр. Особенно ценными качествами становятся честь, долг, доблесть, слава, подвиг, мужество. Общество формирует соответствующие структуры: государство, жречество (Церковь) как манипулятор сознанием подданных, разветвленная, но жесткая социальная структура, ориентация на идеал личности – героя, гения, способной внести свой вклад в величие государства в любой сфере (в военном деле, на политическом поприще, в экономике или культуре). Если на этапе выживания больше уповают на помощь сакральных сил, то в период расцвета народа выражена уверенность в собственных силах, впрочем, в той или иной степени санкционированной свыше («Вся власть от Бога»).

Анализ потребностей и ценностей этноса невозможно осуществить в отрыве от социально-психологического уровня их функционирования. Психологические черты того или иного народа поддаются научному анализу с большим трудом, т.к. по большому счету практически все основные характеристики как положительные, так и отрицательные можно отнести к любому народу.

С другой стороны, процесс возникновения психологических особенностей того или иного народа теснейшим образом связан со спецификой ландшафта, которая накладывает отпечаток на формы проявления национальных установок и стереотипов. Специфическое сочетание природных, социально-экономических, исторических факторов оказывает влияние на формирование психологических свойств этноса, при анализе которых необходим конкретно-исторический подход. Сами психологические черты народа инертны, обладают определенной устойчивостью во времени. Но на разных этапах развития того или иного этноса на первый план выходят различные черты психологии народа.

Вообще же, желание определить какой-либо народ через одну доминирующую характерную черту чаще всего окрашено в тона субъективного восприятия, в свою очередь, определяемого собственной этнической определенностью и личной историей исследователя.

Существенным элементом этнической психологии являются этнические авто- и гетеростереотипы. Это исторически устойчивые представления о наиболее ярких характеристиках своей и других этнических групп, сложившиеся на основе общественного мнения в течение длительного времени. Эти стереотипы носят оценочный, целостный, устойчивый, эмо-

циональный характер, обладают низкой пластичностью под воздействием новой информации.

Естественно, любой образ предмета не отражает всей совокупности его характеристик, более того, известно, что познающий субъект всегда выделяет те свойства объекта, которые отличны от его собственных, что является этнодифференцирующим фактором. Этнические стереотипы, несмотря на серьезную субъективную (в данном случае со стороны этноса) окраску, действительно устойчивы, а значит, имеют повторяющуюся основу, лежащую в реальной действительности, и отражают фактические характеристики этноса, но глазами другого народа. Автостереотипы этносов не совпадают с их образом в представлении других подобных образований.

Следует отметить, что в реальной жизни этнические стереотипы функционируют в трех планах:

- на теоретическом уровне (вследствие работы ученых-историков, антропологов, философов, которые, исследуя этнические общности, вольно или невольно, создают их конкретные образы, в соответствии со сложившейся традицией или собственным личным опытом);

- на уровне общественного мнения (как целенаправленно создаваемом общественными институтами – государством, СМИ, так и формирующимся стихийно под воздействием тех или иных исторических событий);

- на личностном уровне, когда человек ощущает некое напряжение между общественным мнением и опытом личного общения с представителями того или иного народа.

По-особому складывается ситуация, когда этносы сосуществуют рядом друг с другом, и тогда этнический стереотип влияет на восприятие личных качеств человека, определяет отношения людей. Если же нет опыта общения с этносом, то личные характеристики его представителя могут повлиять на восприятие этноса в целом и создание этнического стереотипа.

Этническое мировоззрение всегда идеологично в том смысле, что оно отражает мир через призму этнических (национальных, если объект отражения – отношения государственные, политические) интересов. Этнические интересы в первую очередь отражают стремление этноса обеспечить свою безопасность от мира и внутренних деструктивных процессов,

иначе говоря – сохранить собственную целостность и способность к саморазвитию.

Каждая культура порождает внутри себя определенную эмоционально-психологическую атмосферу, через призму которой воспринимается окружающий мир. Одной из утвердившихся теорий причин сохранения этнических культур является положение об исторической устойчивости дихотомии «свои – чужие», укорененной в самом их ядре. Если на эмоциональном уровне объект воспринимается как «свой», то по отношению к нему агрессия не проявляется, а значит, не срабатывают механизмы защиты. Обычно это происходит, когда «чужое» близко по своему мировоззренческому содержанию, узнаваемо, присутствует в собственном мировоззренческом наследии.

Анализируя этнические процессы в динамике, исследователи приходят к обоснованному выводу, что в структуре этноса есть *некие инвариантные элементы (система ценностей), позволяющие сохранить качественную определенность народа в течение веков, даже тысячелетий, несмотря на сложности существования* (природные, социальные, политические, исторические). При этом важно отметить, что только тогда, когда этнические ценности уходят в подсознательные глубины этнического сознания, тогда они становятся фактором этноидентификации (самоопределения) и сохранения этноса.

Система внутренней интеграции и внешней дифференциации этносов формулируется в мировоззренческих терминах и превращается в некое инвариантное ядро культуры народа. Оно проявляется в архетипах «коллективного бессознательного» этносов, способствует отбору соответствующих культурных феноменов из внешней среды в ходе развития и взаимодействия с другими подобными образованиями. Именно этническое мировоззрение создает уникальный образ данного народа в его внутреннем и внешнем общении.

Этническое мировоззрение можно определить как систему представлений этноса о мире в целом, о себе и своем месте в нем, позволяющую ему идентифицировать себя как целостность во времени и пространстве.

При исследовании культур различных народов, как правило, делается акцент на их своеобразии, отличии друг от друга, более того, часто отстаивается уникальность той или иной этнической культуры во времени и пространстве. Между тем, их специфика состоит не в том, что они говорят о разных вещах, а в том, что говоря об одном и том же, по-своему от-

ражают их. Более того, сама структура этнических культур, как утверждают исследователи, представляет собой единство трех основных компонентов:

- «ядра», формирующегося на протяжении всего этногенеза, удерживающего этническую культуру от распада, определяющего допустимую меру инокультурных заимствований;
- «элементов», составляющих данную культуру: форм права, морали, религии, искусства, науки, философии;
- «защитного пояса» – отработанных механизмов, способов сохранения и развития этнической культуры во времени и пространстве (традиции, обычаи, ритуалы, образ жизни и пр.).

Исследуя этническую культуру как систему, необходимо выделить не только ее элементы, но и попытаться проследить их структурную взаимосвязь, диалектику их взаимодействия.

В ядре этнической культуры, имеющей длительное самостоятельное существование, формируются специальные механизмы передачи информации, которые базируются не столько на апелляции к разуму, сколько на культе социализированных эмоций, где важное значение имеют подражание, заражение и внушение, основанные на внелогическом, эмоциональном усвоении социального опыта. Исторический материал дает основание утверждать, что практически нет народов, не страдавших этноцентризмом – стремлением ощущать себя центром, вокруг которого вращается мир. Однако такое положение было оправдано и объяснимо в условиях, когда этносы жили относительно изолированно, обладали неполной информацией друг о друге, служившей появлению и закреплению этнических стереотипов.

Элементы этнической культуры как системы (мораль, религия, право, философия, виды искусства, наука) развиваются неравномерно, среди них выделяется *доминанта* – один или несколько элементов культуры, где наиболее полно реализовался духовный потенциал народа. Доминанта создает уникальное «лицо» народа. Существование той или иной доминанты, в конечном счете, определяется ядром культуры, взаимосвязь между нею и другими элементами этнической культуры подвижна, и со временем их зависимость и соподчиненность могут меняться.

Любая культура есть не просто конгломерат различных элементов, подчинённых линейной связи, но *содержательное единство*, где составные части подчинены основополагающим принципам и выражают основные ценности данного народа. Элементы системы взаимосвязаны и взаи-

мозависимы, и если меняется смысловое содержание доминанты, то неизбежно подвергается трансформации содержание других элементов. На содержание ядра этнической культуры решающее влияние оказывает цель этнического развития, которая в предельной форме может быть выражена в стратегиях: *выживание и/или развитие*.

История убеждает, что любой этнос тогда обретает прочность, способность к развитию, когда он определяет цели собственного развития. И наоборот, всякий раз, когда народ утрачивает цели, он теряет творческий активный заряд. Наиболее ярким примером последнего можно считать период кризиса, «эпохи перемен» – закономерной стадии развития любой системы. Культура – открытая, живая динамичная система, которая постоянно стоит перед выбором альтернативных ориентаций, и сколь бы ни был болезненным кризис, он является необходимым условием жизни любой культуры, фактором, обеспечивающим ее созидательное развитие.

История развития человечества представляет яркую мозаику непохожих друг на друга культур: одни достигли высот в области науки, другие – искусства, третьи дали основы права, четвертые – философии.

Ядро культуры обладает высокой устойчивостью не только из-за своих имманентных свойств (укорененности в естественные факторы онтогенеза и этногенеза, в «коллективное» и индивидуальное бессознательное), но и потому, что защищено особым «защитным поясом», состоящим из социальных, нравственных и интеллектуальных традиций, представляющих основную сторону образа жизни населения. Значение «защитного пояса» не может быть понято примитивно-прямолинейно – только как «железный занавес», препятствующий инокультурному влиянию. С одной стороны, «защитный пояс» действительно защищает «ядро» от трансформаций и разрушения, с другой, обеспечивает адаптационные механизмы, позволяющие культуре приспособиться к меняющимся условиям бытия этноса. Наиболее яркие в этом смысле примеры современности – поведение исламской культуры в богатых Арабских Эмиратах, Кувейте, где соседствуют образцы научно-технического прогресса и жесткие исламские традиции. Классическим образцом можно считать также так называемые страны – «золотые драконы», где модернизация не трансформировала характер, привычки, традиции этносов, но использовала их, сформировав качественно новый тип производства и управления, с учетом особенностей «защитного пояса» культуры.

Механизм формирования «защитного пояса» культуры сложен, зависит от множества, в том числе и временных, факторов:

- чем более зрелая, самодостаточная культура, тем более изощренные механизмы защиты она вырабатывает;
- исторические условия проживания (мера интенсивности и длительности влияния извне) также могут привести к жесткой системе защиты;
- устоявшиеся ментальные образцы взаимодействия «своих – чужих», определяющих степень взаимодействия с внешним миром.

Этническая культура интуитивно иерархизирует законы возникновения, развития и функционирования мира и отдельных его элементов; в ней создаются этнические представления о красоте, гармонии (или безобразии и неупорядоченности) этого мира, которые должны отвечать определенным требованиям, заложенным в самой картине мира этноса. Культура этноса вырабатывает различные стратегии функционирования народа (выживания или развития). В этнической культуре разрабатываются критерии соответствия возрастных, половых характеристик и социального статуса. Культура народа репрезентативна, поскольку ее основные идеи и принципы активно воздействуют на социум, т.к. в ней жестко формулируются цели и смысл социального действия, средства его достижения. Этническая культура определяет наиболее эффективный в данных условиях тип властных отношений и модель социальной мобильности.

В этнической культуре постулируется идеальная модель социума, в которой, по-видимому, могут быть представлены следующие моменты:

- тип сопряженности общества с природно-космическими процессами и действием сакральных сил;
- жесткая устойчивость или возможная мобильность его социальных структур;
- место закона, права или традиций в механизмах стабилизации и развития общества;
- соотношение ценностей этнической и социальной солидарности;
- представление о перспективах и стратегических целях развития общества;
- понимание места и роли социального кризиса в развитии социума.

Этническая культура позволяет народу увидеть себя во времени – в истории: на ранних стадиях она может быть представлена в мифопоэтиче-

ской и генеалогической форме, затем – в философской. В ней осуществляются операции этноидентификации и этнодифференциации на уровнях этноса и личности, когда этническое мировоззрение задает для этого определенные «пространство» и «предпочтительные модели». В этнической культуре формируются *системы ценностей* выживания и развития, способствующие существованию народа во времени. Сама этническая культура на переломных этапах («этнического надлома» и возрождения) становится самостоятельной ценностью для народа. Этнос создает свой «моральный кодекс», включающий и общечеловеческие нормы нравственности. Общение этноса на всех уровнях (начиная с Космоса и заканчивая межличностным) регламентировано и освящено этническими традициями.

Таким образом, этническая культура выполняла решающую роль в сохранении и развитии этноса. Однако в условиях мировых катаклизмов XX века (мировых войн, социальных экспериментов, глобализации) серьезной деформации подверглись базовые основания этнических культур:

- мир из единого и живого, комфортного и «лучшего из миров» превратился в пространство неразрешимых противоречий и тотальной опасности как для общности, так и конкретного человека;
- жизнь перестала быть атрибутивным свойством мира и человека, она конечна, ограничена и часто бессмысленна;
- человек не несет ответственности не только за космические процессы, но и за собственную жизнь: об этом говорят превышающие все пределы суициды, особенно в молодежной среде, преступления, алкоголизм, наркомания;
- выпадение человека из природной ритмичности (благодаря модернизации общественной и личной жизни) привело к резкому и опасному снижению физического, а значит и психического, здоровья человечества;
- отрицание онтологического статуса закона справедливости резко снизило планку общественной и личной нравственности;
- разрушилось целостное пространство жизни человека: семья – род – община – этнос – мир перестали быть единой связующей его нитью;
- творчество перестало быть естественным процессом в жизни каждого человека, но уделом немногих;
- позитивное мировосприятие ушло в самые глубины коллективного бессознательного, на поверхности общественного сознания

ния оно проявилось в относительном безразличии к судьбе родной земли и этноса, но стало проявляться в выраженном этническом *неврозе неполноценности или неврозе своеобразия*;

- представители индустриальной цивилизации утратили целостность тела, души, сознания, что, естественно, проявилось в индивидуальных неврозах как следствии формирования экзистенциального вакуума;

- многие этносы утратили чувство этнической целостности и солидарности, что проявилось в невротических реакциях повышенной мнительности и конфликтности и т.д.

- наконец, этническая культура перестала быть естественным животворящим пространством существования этноса и каждого человека, отношение к ней стало на одном полюсе отрицательным (как к примитивной и отсталой), в лучшем случае – безразличным, на другом – «полем последней битвы» немногочисленной этнической интеллигенции.

В то же время, несмотря на существенные потери и противоречия, этническое возрождение народов России последнего десятилетия XX – начала XXI вв. показывает, насколько сильны в индивидуальном и коллективном бессознательном этнические и общечеловеческие архетипы. Это проявляется, в первую очередь, в том, что возрождение этнической культуры (языка, традиций, обычаев, праздников с их выраженным сакральным содержанием) становится проблемой и болью практически всех этносов страны.

Нет необходимости перечислять конкретные и зримые достижения в этой области. Серьезные позитивные перемены происходят и в этническом самосознании, в первую очередь, выраженные в доминировании и значимости таких ценностей как *родная земля и народ*. Однако главным позитивным достижением последних лет, на наш взгляд, можно считать то, что все больше представителей этносов видят себя *лично ответственными* за возрождение этнической культуры как важнейшего фактора сохранения и возрождения народов. Это проявляется, в частности, в том, что:

- инициативой самих народов стало создание новых студий, творческих коллективов, развивающих национальную культуру с приобщением к опробованным мировым образцам;

- в активном участии в массовых мероприятиях как гражданского, культурного, так и сакрального характера;
- в серьезной озабоченности в сохранении преемственности развития этнической культуры, в том числе, через освоение и присвоение ее молодежью.

Таким образом, современное состояние этнической культуры народов России можно характеризовать как многообещающий процесс *начала оздоровления этносов* через восстановление этнических культур. Этот процесс развивается в рамках неотрадиционализма как ресурса развития этнической культуры.

Исследование такого сложного явления как культура требует выделения ее универсальных свойств, этапов развития как целостной системы в пространстве и во времени, при этом важно «не утонуть» в конкретике составляющих ее этнических культур. С другой стороны, за уникальными свойствами каждой этнической культуры необходимо увидеть определенные закономерности и этапы ее развития в едином общечеловеческом контексте.

В первом случае требует анализа проблема возникновения, функционирования и развития культуры как общечеловеческого феномена. *В генетическом аспекте культурой принято считать все созданное самим человеком из природного материала, сопровождающееся процессом нарастающего господства над природой и осмысления мира и самого себя, выраженного в формирующемся мифологическом сознании.*

Анализ такого явления как культура человечества во времени и пространстве требует особой смелости в силу сложности и многогранности объекта исследования. Выходом из этой «патовой ситуации» может стать выделение какого-либо из аспектов ее развития, например, мировоззренческих оснований развития культуры в процессе ее взаимодействия с природой.

В целом развитие культуры как целостности *во времени*, на наш взгляд, прошло четыре крупных периода:

- возникновение и развитие культуры совпадает с процессом зарождения человеческого общества, когда культурой становится все то, что создано человеком в отличие от природы; с другой стороны, сама природа (в первую очередь природа самого человека) становится тем первичным пространством, в котором разворачивается культурная, собственно человеческая деятельность;

- по мере развития человеческого общества культура все больше обособляется в особую открытую самоорганизующуюся систему со своими собственными законами и перспективами развития, оттесняя природу на периферию жизненного пространства человечества; культура становится практически единственным фактором самоопределения и самореализации личности;

- культура, возникнув на единых природных основаниях и в силу этого разработав общие мировоззренческие принципы, зафиксированные в архетипах коллективного бессознательного, мифологии, религии, философии, по мере развития все больше дифференцировалась по этническим и социальным критериям и создала «многоцветную мозаику» общечеловеческого культурного пространства;

- во второй половине XX века проявилась ситуация, которая в рамках синергетической парадигмы может быть охарактеризована как пребывание в точке бифуркации, когда развитие общества за счет уничтожения природного компонента жизненного пространства ведет к реальной опасности самоуничтожения; в этих условиях культура может стать как фактором уничтожения, так и самосохранения человека, общества и природы.

Анализ развития культуры человечества как целостности в *пространстве* сталкивается с проблемой корреляции культурных матриц (кодов) сообществ различной степени взаимной включенности друг в друга, существующих «здесь и теперь». Процесс взаимодействия культур в условиях глобализации и порожденных, в том числе ею, социальных трансформаций приводит к новым противоречиям:

- общечеловеческая культура, интенсивно складывающаяся в условиях глобализации, нивелирует этнокультурные различия;

- несовпадение культурных и цивилизационных матриц различных народов, включенных в региональные и государственные образования, приводит к тому, что в каждом регионе складывается свое, уникальное этнокультурное пространство;

- региональное этнокультурное пространство испытывает на себе влияние исторических, демографических, политических, социально-экономических и собственно этнокультурных факторов;

- наконец, этническая культура, находясь под прессом всех вышеперечисленных факторов, оказывается наиболее уязвимой в условиях социальных трансформаций, порожденных не только глобализацией, но и состоянием собственной *целостности*.

Процесс глобализации воспринимается по-разному: от стремления ускорить этот процесс и придать ему необратимый характер до категорического неприятия и желания вернуться в эру господства традиции.

Глобализация усилила интерес к традиции как механизму сохранения этнической идентичности. Появились тенденции, возрождающие этнический традиционализм как «ответ» на вызов глобализации.

Этнический традиционализм – это ориентация индивидуального, группового или общественного сознания на традиционные, т.е. устойчивые, исторически апробированные ценности, формы жизнедеятельности, социальные отношения.

Основные характеристики этнического традиционализма:

- абсолютизация и консервация этнических ценностей, форм жизнедеятельности, социальных отношений;
- отказ от принятия инноваций извне и изнутри социума;
- непротиворечивое единство уровней общественного и индивидуального сознания (рациональный, эмоциональный, подсознательный, религиозный).

В то же время выявилось немало приверженцев этнического модернизма.

Этнический модернизм – ориентация общественного сознания этноса на достижение уровня наиболее развитых народов. Модернизация, как правило, проводится с использованием опыта, накопленного передовыми странами при их технологической, политической и финансовой поддержке.

Определить уровень развитости государств с различным способом культурной и политической организации, специфической экономикой и образом жизни непросто. В науке до сих пор нет единого подхода к определению различных параметров и развитости страны в целом. В том случае, если за основу принимается экономическая сфера, то вопрос достаточно прост. Практически развитостью в настоящее время считается уровень государств западной культуры. Если же рассматривать развитость с других позиций: удовлетворен ли человек своей жизнью? счастлив ли он? – то все становится еще сложнее.

Ценностями этого мира считаются постиндустриальные технологии, наличие развитой демократии в форме правового государства, высокий уровень жизни населения, доступность образования, массовой культуры, медицинской помощи и т. д. В процессе модернизации в настоящее время участвует несколько групп стран восточной культуры, которые к концу XX в. добились значительных технологических сдвигов. Успехи стран т.н. «золотых драконов» (Япония, Южная Корея, Гонконг, Тайвань, Китай) исследователи связывают с умением сочетать модернизацию и исторически сложившиеся устойчивые, апробированные ценности, формы жизнедеятельности, социальные отношения, т.е. традиции.

Этнический неотрадиционализм – это ориентация индивидуально-группового или общественного сознания на ревитализацию традиционных ценностей, форм жизнедеятельности, социальных отношений этноса в модернизационные процессы для обретения этносом целостности во времени и в пространстве.

К проявлениям этнического неотрадиционализма могут быть отнесены актуализация моноэтнических браков, повышение ценности родного языка, рост популярности «своих» имен либо имен на двух языках, этнической атрибутики в одежде и причёске, национальной кухни, возрождение этнопедагогики, усиление кланово-родовой идентификации, распространение неошаманизма, осовремененных форм язычества и традиционных верований и проч.

Этнический неотрадиционализм также представлен на различных уровнях: рациональном, эмоциональном, на уровне подсознания, религиозном уровне.

В отличие от этнического традиционализма, они находятся в противоречивом отношении друг к другу. Достаточно часто мы сталкиваемся с различными вариантами: традиции возрождаются т.н. акторами этнического возрождения, исходя из рациональных причин – мобилизации народа и повышения уровня этнической солидарности. Часть участвующих в религиозных ритуалах не испытывают эмоциональной сопричастности, другие – не верят в сакральный смысл происходящего...

Таким образом, этнический неотрадиционализм в конечном счете направлен на сохранение и развитие этнической идентификации.

Этническая идентификация означает осознание своей принадлежности к определенной этнической общности, значимость членства, разделяемые этнические чувства, ее оценка в сравнении с другими.

Основой этнической идентификации является совокупность таких объективных этнодифференцирующих признаков, как общность языка, общие черты материальной и духовной культуры, а также субъективных характеристик (особенности национального характера, автостереотипы, наличие разделяемых членами группы представлений об общем территориальном и историческом происхождении, религия, отличающая членов одной этнической группы от другой).

Возможности сохранения многообразия культур, поддержания равновесия между миром традиционных, этнических и миром современных культур в условиях формирования единого информационно-коммуникативного пространства могут быть созданы, по мнению специалистов, с помощью разработки соответствующей государственной культурной политики, основанной на этническом неотрадиционализме.

Основные функции этнического неотрадиционализма в этих условиях могут быть:

- сохранение этнической идентификации;
- закрепление этнической солидарности;
- адаптация к модернизационным процессам.

В конечном счете, этнический неотрадиционализм ведет к обретению этносом целостности во времени и пространстве, возрождению и конструированию неэтничности. Однако это явление крайне противоречиво и требует серьезного осмысления на уровне феномена и конкретных явлений.

Этнический неотрадиционализм проявляется в различных формах.

1. *Этнополитический неотрадиционализм* проявляется в символах власти (герб, гимн и пр.), формах политического устройства.

2. *Этноэкономический неотрадиционализм* выражен в активизации форм и способов традиционной хозяйственной деятельности.

3. *Этноэкологический неотрадиционализм*, как традиционно бережное отношение к родной земле, всегда было связано с ее сакрализацией.

4. *Этнокультурный неотрадиционализм* проявляется в ревитализации культурных символов, традиций, ритуалов.

5. *Этноконфессиональный неотрадиционализм* отражается в стремлении восстановить традиционную религию в возможно более полном объеме – как формы общественного сознания, культовой практики, религиозных отношений, социальных институтов.

6. *Этнопедагогический неотрадиционализм* востребован в процессе социализации личности на основе традиционных ценностей, как на уровне семьи, так и в системе образования.

Этнический неотрадиционализм проявляется также в повседневности. Национальная пища, одежда, нормы поведения в быту, традиции отношений между полами и представителями различных возрастов, традиции гостеприимства и пр. все больше востребованы народом.

Анализ этнического неотрадиционализма как ресурса формирования целостности этноса во времени и пространстве, повышения его субъектности, позволяет, помимо серьезных достижений, которые мы представили выше, отметить и существенные противоречия в его проявлении.

Этнический неотрадиционализм пока носит скорее *символический противоречивый характер*, оставаясь на поверхности сознания большинства членов народа, само же культурное наследие характеризуется неполнотой (а порой и прямым искажением) проявления традиции.

Тем не менее, в своей главной цели – в стремлении адаптировать традицию к новой социальной реальности – этнический неотрадиционализм представлен как реальный феномен социальной жизни этносов и социокультурного пространства регионов

© Л.В. Анжиганова, 2014.

© «PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

159.923.2

Этнический менталитет как компонент психического склада этноса

М.М. Бафаев, Ш.Ш. Останов. *Бухарский государственный университет, Бухара*

Современное общество является полиэтническим, и повседневное сосуществование и необходимость успешного взаимодействия представителей разных культур актуализируют потребность в переосмыслении сущности этнического менталитета, поиске новых подходов к его оценке, спо-

собствующих эффективному взаимодействию представителей разных культур.

Актуальность исследования социально-психологических особенностей этнического менталитета связана с нынешним обострением межэтнических отношений, кризисными явлениями в развитии самосознания и культуры. Интерес исследователей к проблеме психологии этнических различий, менталитета и межэтнического понимания продиктован насущными потребностями современной действительности. Понимание этнических особенностей своего народа, интерес к культуре и ценностям других народов способствует осознанию равноправия различных культур, важности места и роли каждого народа в историческом развитии, помогает выработать взаимоуважительные принципы межкультурного общения и взаимоотношений, преодолеть межэтнические барьеры.

Несмотря на обилие этнопсихологических исследований, по нашему мнению, менее изученным в социальной психологии остается один из основных компонентов психологического склада этноса – его менталитет. Этнический менталитет – это система взаимосвязанных образов, которые лежат в основе коллективных представлений этноса о мире и о своем месте в мире. Эти устойчивые образы оказывают значимое влияние на конфигурацию других компонентов психического склада этноса. Этнический менталитет играет исключительно важную роль в процессе формирования, структурирования (на генетическом, геносоциальном и социальном уровнях) и развития психического склада этноса, выполняет функцию обеспечения его стабильности.

Основной функцией этнического менталитета является функция обеспечения стабильности психического склада этноса; к другим специфическими ментальным функциям относятся: функция сохранения культурных и гносеологических стереотипов и целеориентирующая функция.

Структурирование психического склада этноса позволит нам определить специфику понятия «этнический менталитет» и отделить это понятие от таких часто отождествляемых с ним понятий как, например, «национальный характер», проследить связи между менталитетом и этими элементами, и наконец, осмыслить сущность понятия «этнический менталитет», которое невозможно без понимания места и роли менталитета в структуре психологического склада этноса.

Понятие «психический склад этноса» – наиболее общая его психологическая характеристика, ведь классическим определением этноса является следующее: «этнос есть исторически сложившаяся устойчивая

общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявившегося в общности культуры» [1, с. 100] или, если упрощенно, «этнос – это группа людей, связанных общностью экономической жизни, территории, языка, психического склада» [2, с. 63]. Понятие «психический склад этноса» как его наиболее общая психологическая характеристика пересекается, а часто и отождествляется с такими понятиями как «национальный психический склад», «психический облик нации», «национальная психология», «психология нации», «национальная психика». Методологической базой дефиниции психического склада этноса послужили труды этнопсихологов и, прежде всего, отечественного этнопсихолога В.Г. Крысько [1; 2; 3]. Перечисляя системообразующие компоненты психологии нации, В.Г. Крысько упоминает об этническом самосознании, этнических интересах и ориентациях, этническом характере и темпераменте, этническом складе ума, этнических чувствах, традициях и привычках [1, с. 135; 3, с. 186-187].

Одним из базовых компонентов психологии общества В.Г. Крысько считает менталитет общества [3, с. 74]. Вполне логично предположить, что если менталитет общества является базовым компонентом психологии общества, то этнический менталитет является базовым компонентом психологии этноса. Необходимо отметить, что этнический менталитет считают важнейшим компонентом этнопсихики ряд таких отечественных этнопсихологов, как Т.Г. Стефаненко, И.Г. Дубов, В.С. Кукушкин, Л.Д. Столяренко и др. Во-вторых, одним из системообразующих элементов этнопсихики являются этнические стереотипы. В.Г. Крысько упоминает о этностереотипах поведения как о составной части этнических традиций и привычек. На наш взгляд, такое сужение этнических стереотипов лишь до стереотипов поведения является вряд ли оправданным. К этому следует добавить, что важную роль этностереотипам как элементам этнопсихики отводили такие отечественные этнопсихологи как Т.Г. Стефаненко, Е.П. Белинская, Ю.В. Платонов, З.В. Сикевич и др.

Таким образом, психический склад этноса можно определить следующим образом: это – неповторимое в своей индивидуальности сочетание свойств каждого конкретного этноса, образующее устойчивое единство, и отражающее то общее, что есть у ее этнической общности в следующих системообразующих элементах: этнический менталитет, этнический склад ума, этнический темперамент и характер, этностереотипы, этнические чувства, интересы и ориентации, этническое самосознание, традиции и обычаи.

Необходимо отметить, что в реальной действительности в жизнедеятельности этноса все этнопсихологические особенности выступают как нерасчленимое целое, поэтому разделение психического склада этноса возможно лишь в абстракции, как методический прием, необходимый для их более детального изучения.

Литература

1. Крысько В. Г. Этнопсихология и межнациональные отношения: Курс лекций. – М., 2002.
2. Крысько В. Г. Словарь-справочник по социальной психологии. – СПб., 2003.
3. Крысько В. Г. Социальная психология в схемах и комментариях: Учеб. пособие. – СПб., 2003.
4. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. – М., 2003.
© М.М. Бафаев, Ш.Ш. Останов, 2014.
© «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

УДК 159.923.2; 159.9

Формирование этничности ценностно-потребностной сферы личности в подростковом возрасте

Н.В. Василец. *Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан*

Вопросы изучения этносов сегодня очень актуальны, однако, в условиях современной полиэтнической среды, когда личность не может формироваться только в пространстве своей этнической культуры, реальную этническую принадлежность человека определить очень сложно.

Согласно ст. 26 Конституции РФ, человек может сам определять свою этническую принадлежность, и в моно-этнических семьях проблем с самоопределением не возникает. В поли- этничной семье у ребенка возни-

кает дилемма: а к какому этносу он принадлежит? Очень важен этот вопрос при проведении этно-ориентированных научных исследований. Поскольку в научных исследованиях этносов формирование выборки происходит на основе самоидентификации респондентов, нередко происходит подмена самого предмета исследования, так как в условиях современной полиэтничности человек сам не всегда знает свою истинную этническую принадлежность. В результате, исследуя группу людей, самоидентифицирующихся как русские, нельзя быть уверенным в том, что исследуется русский этнос. Для того чтобы хоть как-то прояснить вопрос определения этничности человека, необходимо понять, каким образом она формируется, что оказывает на этот процесс наибольшее влияние.

Согласно учению примордиализма, этничность есть объективная данность, изначальная характеристика человека. Иными словами, это нечто, с чем человек рождается и чего не может выбирать. Она неизменна, как пол или раса. Этничность является органическим образованием – вещью, которая запечатлена в человеке и от которой он не может избавиться.

Конструктивизм исследует этничность как результат деятельности социальных факторов в конкретных исторических условиях. Такая этничность не наследуется генетически, ей научаются, то есть, человек обретает ее в процессе социализации.

С точки зрения концепции ценностно-потребностной сферы личности и этноса эти два подхода являются составными частями одного целого – этничности человека: этнические архетипы коллективного бессознательного передаются ребенку в готовом виде при рождении, а в процессе социализации происходит сознательная идентификация человека с определенным этносом. То есть, в учении примордиализма речь идет о понятии «этническая идентичность», познание которой происходит в процессе индивидуации. А конструктивизм оперирует понятием «этническая идентификация», которая формируется в процессе социализации, а затем становится автоматизированным бессознательным стереотипом социального поведения [В.Г. Морогин, К.В. Морогина, 2012].

Идентичность и идентификацию можно охарактеризовать через структуру и содержание общественных и родовых ценностей различных этносов, применяя для этого автоматизированный компьютерный комплекс методик, разработанный в рамках концепции ценностно-потребностной сферы личности и этноса (В.Г. Морогин). Данный комплекс позволяет определить не только содержание ценностей, приобретенное в процессе

идентификации, но и врожденные потребности, представляющие собой ценностное содержание этнической идентичности. В результате тестирования определяются две ценностные иерархии: врожденная и приобретенная в процессе социализации. Формально обе иерархии представлены одними и теми же ценностями, но положение этих ценностей в двух иерархиях может оказаться прямо противоположным, в зависимости от родового и приобретенного в процессе социализации потребностного содержания.

Исследования показывают, что основным фактором, определяющим этничность ребенка, является семья и семейные ценности. В идеале этническая идентичность и этническая идентификация человека должны совпадать, но это возможно лишь в ситуации, когда несколько поколений семьи являются носителями коллективного бессознательного только одного этноса и проживают в условиях своей этнической культуры. На сегодняшний день такие семьи – явление, увы, уникальное.

Основным и очень важным этапом формирования ценностно-потребностной сферы личности является подростковый возраст. Именно в этот период происходит критическая переоценка приобретенного содержания ценностей и его внутреннее согласование с неосознаваемыми врожденными потребностями. Идентификацию нельзя рассматривать без учета идентичности, поскольку это две части единого целого. Идентичность выступает своего рода опорой для личностного становления, для определения своего места в этом мире. Поскольку этническая идентичность не осознается, но «запечатлена» в человеке, то в процессе этнической идентификации она играет очень существенную роль. Так как изначально процесс идентификации – это преимущественно сознательный процесс, то очень важно, чтобы у подростка в этот период были достойные ориентиры – вот почему так важно знать родословную и свои корни. Только имея достаточно информации, подросток сможет безболезненно выстроить свою индивидуальное содержание ценностей и пройти процесс идентификации. Если же ориентиры выбраны неверно, скорее всего, генетически унаследованное содержание ценностей войдет в противоречие с приобретенными в процессе социализации потребностями, что выразится в форме внутриличностного конфликта.

Уже общепринятым считается мнение, что подростковый возраст является самым сложным и трудным. Именно с этим возрастом связано наибольшее количество социальных проблем: от мелких правонарушений до суицидов. Такое поведение есть не что иное, как внешнее проявление

внутриличностного конфликта подростка. Можно предположить, что это напрямую связано с проблемами в современной семье.

Действительно, подросток на перепутье, он ищет ценностные ориентиры, которые, прежде всего, заложены в семье и родителях. Если этот процесс идет естественным путем, то есть, подросток знает своих предков, их этническую принадлежность и жизненную мотивацию, он, сопоставляя себя с ними, определяет свое место, и в семье, и в обществе. Процесс идентификации протекает успешно и особых проблем, традиционно связываемых с подростковым возрастом, не наблюдается, личность подростка формируется гармонично. Если же семья неполная, либо не выполняет своих основных функций и подросток не имеет ориентиров для самоопределения, процесс идентификации затрудняется, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Переданные ему генетически архетипы коллективного бессознательного рода не находят отклика в процессе социализации, вследствие чего формируется внутриличностный конфликт, выражающийся в девиантном поведении.

Смешанные браки приводят к размыванию антропотипа и психотипа этносов, поэтому, сегодня при определении этничности нельзя опираться только на эти признаки. Этничность каждый человек определяет для себя сам, то есть, идентификация играет решающую роль, но этнические архетипы передаются при рождении, а значит, этническая идентичность, переданная генетически, обязательно влияет на этот процесс. Для уменьшения вероятности возникновения внутриличностных конфликтов на этой почве необходимо, чтобы человек имел четкие сознательные ориентиры. В повседневном общении с матерью и отцом, знакомясь с судьбами и характерами предков, на уровне неосознанного чувствования человек выберет то, что ближе к его внутренним врожденным установкам. Только в этом случае процесс этнической самоидентификации приведет к формированию гармоничной личности.

В этой связи ситуация с современной семьей отображает истинный масштаб национальной катастрофы: по неофициальным данным лишь четверть подростков воспитываются в полных семьях родными родителями. Официальной статистики по этому вопросу нет. При оценке благополучия ребенка учитывается масса разных критериев – от материального положения семьи, до наличия возможности посещать различные кружки или спортивные секции. Основной же критерий благополучного и гармоничного формирования личности ребенка – воспитание в полной семье родными родителями – в официальной статистике вообще не фигурирует. А это

значит, что лишь четверть подростков имеют возможность бесконфликтного формирования собственной ценностно-потребностной сферы личности и успешной этнической самоидентификации, но официальные органы власти даже не рассматривают этот критерий.

Если не изменить политику государства и не принимать целенаправленных мер по сохранению целостности семьи, то вскоре станет некорректным ставить вопрос об изучении отдельных этносов, поскольку отнесение себя к определенному этносу для большинства населения уже сегодня является очень условным.

Литература

1. Бучек А.А. Полиэтническая среда и ее влияние на этническое самосознание личности [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. N 5(19). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 23.09.2013). 0421100116/0053.
2. Василец Н.В., Морогин В.Г. Этничность ценностно-потребностной сферы личности // Этнопсихологические исследования в медицине, социологии и сфере образования. Материалы Международной научно-практической конференции. Абакан, 14 ноября 2013 года. Абакан: ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2013. С. 8-11.
3. Гармаева Т.В. Особенности этнической идентичности младших школьников и подростков, проживающих в мегаполисе [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. N 2(10). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 21.09.2013). 0421000116/0015.
4. Морогин В.Г. Ценностно-потребностная структура идентификации и идентичности // Этносы развивающейся России: проблемы и перспективы: материалы пятой Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Абакан, 14-15 декабря 2012 г.) / под общ. ред. В.Г.Морогина. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им.Н.Ф.Катанова», 2012. С. 3-10.
5. Морогин В.Г., Морогина К.В. Язык как отражение родовой подструктуры ценностно-потребностной сферы этноса // Этносы развивающейся России: проблемы и перспективы: материалы пятой Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Абакан, 14-15 декабря 2012 г.) / под общ. ред. В.Г.Морогина. –

УДК 316; 159.922.6

Регрессионный анализ ценностно-потребностных индикаторов тревоги у представителей этнически однородной и смешанной популяций юношеского, зрелого и пожилого возраста

А.С. Давыдов. *Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Минусинск*

Переживание тревоги тесно связано с состоянием индивидуальной системы потребностей и ценностей человека. Ролло Мэй [4] полагал, что внутриличностный конфликт и тревога вызывается фрустрацией потребностей, связанных с ценностями, жизненно важными для существования личности. Хорни, Салливан, Маурер [4] пришли к выводу, что сама по себе фрустрация не может быть причиной конфликта, скорее следует поставить вопрос: каким жизненно важным ценностям угрожает фрустрация?

Таким образом, чтобы диагностировать тревогу и обнаружить обусловивший её конфликт, необходимо:

- определить ценностно-потребностную структуру личности;
- выявить наиболее важные ценностные зоны;
- проверить, подвергаются ли они фрустрации.

Выполнить указанные задачи позволяет «Система экспериментально-психологического исследования ценностно-потребностной сферы личности (ЦПСЛ)», созданная проф. В. Г. Морогиным [2]. Она представляет собой комплекс экспериментально-психологических методик тахистоскопического предъявления, субъективной оценки времени экспозиции, попар-

ного проективного сравнения личностно значимых ценностей, а также исследования ассоциативных реакций на эти ценности, разработанных для изучения содержания родовой и общественной подструктур ЦПСЛ.

Каждая из этих подструктур включает в себя 8 экспериментально выделенных ценностно-потребностных зон:

1. Гедонистическая зона (Гед) – потребности, реализующие принцип удовольствия;

2. Зона безопасности (Без) – потребности, отражающие субъективную необходимость защиты от различных неблагоприятных воздействий;

3. Эго-зона (Эго) – потребности, определяющие индивидуальное стремление и амбиции, доминирование эгоистических интересов;

4. Экзистенциальная зона (Экз) – потребности, детерминирующие общественное и политическое поведение и определяющие отношение личности к властным институтам;

5. Аффилиативная зона (Афф) – потребности в межличностных взаимодействиях, обусловленных стремлением занять определённое положение среди других;

6. Когнитивная зона (Ког) – интеллектуальные и познавательные потребности, отражающие направленность на активную умственную деятельность;

7. Ритуальная зона (Рит) – потребности, связанные с традициями и отпращиванием официальных ритуалов, детерминирующие конформное поведение человека;

8. Трансцендентальная зона (Тра) – потребности личностного роста, ориентирующие на творческое и духовное самосовершенствование.

Методика позволяет для каждой зоны количественно определить 6 индикаторов ценностно-потребностной сферы личности (ЦП-индикаторы).

В методиках тахистоскопического предъявления используется два ценностно-потребностных индикатора:

- «Т» - количество опознаваемых ценностей при одновременном их предъявлении (методика «тахистоскоп»);

- «К» - количество опознаваемых ценностей при последовательном их предъявлении (методика «калейдоскоп»).

Методики попарного проективного сравнения личностно значимых ценностей также содержат два ЦП-индикатора:

- «з» - количество выборов наиболее значимых ценностей;
- «д» - количество выборов наиболее доступных ценностей.

Методика субъективной оценки времени экспозиции ценностей позволяет диагностировать один ценностно-потребностный индикатор: «э» - время экспозиции ценностей, которое испытуемый определяет по своим «внутренним часам».

В методике оценки времени ассоциативной реакции на личностно значимые ценности используется один индикатор: «а» - время, которое затрачивает испытуемый на формулирование ассоциации для предъявляемой ценности.

Каждый из этих 6 индикаторов может быть количественно зафиксирован в каждой из 8 ценностно-потребностных зон и обозначен комбинацией символа, его обозначающего, и первых трех букв названия соответствующей зоны ЦПСЛ, например: тЭкз, кБез, дАфф, зКог, эРит, аГед. Таким образом, всего в исследовании фигурировало 48 возможных ценностно-потребностных индикаторов тревоги.

Регрессионный анализ проводился с целью выявления, какие ценностно-потребностные индикаторы и в какой степени позволяют определять тревогу у представителей различных этнических групп в молодом, зрелом и пожилом возрасте.

Вся выборка испытуемых была разделена на две группы:

- этнически однородная – «русские» (и отец, и мать принадлежат к русскому этносу);
- смешанная популяция – «метисы» (хотя бы один из родителей принадлежит к этносу, отличному от русского).

Вторая группа менее однородна по этническому составу, чем первая, что подтвердилось и статистическими показателями вариативности исследуемых переменных: среднее значение σ в моноэтнической группе – 3,29, в смешанной – 4,22.

Выборка представлена сотрудниками КГБОУ СПО «Красноярский краевой колледж культуры и искусства» и членами их семей, а также студентами очного и заочного отделений, добровольно согласившимися участвовать в эксперименте.

Объем экспериментальной группы 102 испытуемых, в том числе:

- 74 – моноэтнических (русских), 28 – этнически смешанных (метисов);

- 37 – молодых, 15-25 лет (25 русских, 12 метисов); 32 – зрелого возраста, 35-45 лет (27 русских, 5 метисов); 33 – пожилых, старше 55 лет (22 русских, 11 метисов).

Было установлено [3], что для молодого, зрелого и пожилого возраста существуют уникальные комбинации ценностно-потребностных индикаторов тревоги. Теперь требуется выяснить, можно ли выделить подобные комбинации в отношении моноэтнических и смешанных групп.

В качестве экспериментальных гипотез были выдвинуты следующие предположения:

- состояние тревоги у русских и метисов в каждой возрастной группе определяется уникальным набором ценностно-потребностных индикаторов;
- наиболее универсальным индикатором тревоги является ценностно-потребностная зона безопасности.

Первым шагом статистического исследования был корреляционный анализ ценностно-потребностных индикаторов и общей тревоги (фОбщ) по каждой возрастной группе как в целом, так и отдельно для русских и метисов с целью выявления статистически достоверных корреляционных связей. Затем проводился регрессионный анализ в отношении только тех индикаторов, которые статистически значимо коррелируют с показателем тревоги, поскольку проведение полного статистического исследования всех 48 возможных ЦП-индикаторов практически трудно осуществимо и имеет мало смысла.

В группе «молодых» от 15 до 25 лет обнаружена корреляция общей тревоги с ценностно-потребностными индикаторами тЭкз, кБез, тРит, кГед. Однако регрессионный анализ показал, что общая тревога достоверно определяется ($p < 0,05$) только тремя ценностно-потребностными индикаторами. Усиление тревоги провоцируют тЭкз и кБез (коэффициенты регрессии 2,54 и 2,37 соответственно), а тРит – её уменьшение (коэффициент регрессии -2,36). Уравнение регрессии: $f_{Общ}(\text{все.мол.}) = 122,56 + 2,54t_{Экз} - 2,36t_{Рит} + 2,37k_{Без}$.

У русских участников эксперимента молодого возраста выявлена корреляция общей тревоги с ценностно-потребностными индикаторами тЭкз, кБез, тРит, кГед. Регрессионный анализ показал, что общая тревога определяется ($p < 0,05$) всеми четырьмя ценностно-потребностными индикаторами. Усиление тревоги обусловлено тЭкз и кБез, коэффициенты регрессии 2,73 и 2,25, а её уменьшение – тРит и кГед, коэффициенты ре-

грессии -2,56 и -1,59. Формула регрессии: фОбщ (рус.мол.) = 125,63 + 2,73тЭкз - 2,56тРит - 1,59кГед + 2,25кБез.

В группе молодых метисов общая тревога коррелирует с ценностно-потребностными индикаторами кБез, кЭкз, кРит. С помощью регрессионного анализа обнаружена прямая зависимость увеличения показателей тревоги с ростом кБез ($p < 0,01$, коэффициент регрессии 1,94), и их уменьшения с ростом тРит ($p < 0,05$, коэффициент регрессии -2,97). Значимое влияние кЭкз на общую тревогу не установлено. Формула регрессии: фОбщ (мет.мол.) = 141,93 + 1,94кБез - 2,97кРит.

В целом у русских и метисов зрелого возраста с общей тревогой коррелирует лишь ценностно-потребностный индикатор тКог. Регрессионный анализ показывает отрицательную зависимость от него общей тревоги в возрасте от 35 до 45 лет с коэффициентом -3,11. Формула регрессии: фОбщ (все.зре.) = 155,38 - 3,11тКог.

У русских зрелого возраста установлена корреляция кГед, дАфф, дКог с общей тревогой. Но согласно данным регрессионного анализа статистически значимо ($p < 0,05$) тревога зависит только от дКог (коэффициент регрессии 3,14). С ростом данного ценностно-потребностного индикатора тревога уменьшается. Формула регрессии: фОбщ (рус.зре.) = 136,40 - 3,14дКог.

Если регрессионный анализ проводить по каждому коррелирующему индикатору в отдельности, то только один ценностно-потребностный индикатор кГед связан с ростом общей тревоги ($p < 0,05$). Формула регрессии: фОбщ (рус.зре.) = 114,39 + 1,86кГед.

В группе метисов зрелого возраста выявлена корреляция трёх ценностно-потребностных индикаторов кБез, зЭго, зРит с общей тревогой. Но статистически значимые результаты ($p < 0,05$) получены только при проведении регрессионного анализа отдельно по кБез (обратная зависимость) и группе зЭго-зРит (прямая зависимость). Формулы регрессии: фОбщ (мет.зре.) = 182,35 - 4,46кБез; фОбщ (мет.зре.) = 76,68 + 8,53зЭго + 2,41зРит.

В целом в группе пожилых людей возраста старше 55 лет с общей тревогой коррелирует только ценностно-потребностный индикатор кТра. Регрессионный анализ даёт прямую зависимость с коэффициентом 2,02 ($p < 0,05$). Формула регрессии: фОбщ (все.пож.) = 133,97 + 2,02кТра.

У пожилых русских с общей тревогой коррелирует ценностно-потребностный индикатор аГед. Регрессионный анализ выявил прямую

зависимость с коэффициентом регрессии 0,45. Формула регрессии: фОбщ (рус.пож.) = 138,62 + 0,45аГед.

У пожилых метисов установлена корреляция с общей тревожной ценностно-потребностного индикатора дБез. Регрессионный анализ выявил обратную зависимость с коэффициентом регрессии -1,49. Формула регрессии: фОбщ (мет.пож.) = 147,29 - 1,49дБез.

Результаты регрессионного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1. Данные регрессионного анализа ценностно-потребностных индикаторов тревоги

Независимые переменные	фОбщ (зависимая переменная)							
	Русские				Метисы			
	Мол (тЭкз-тРит-кГед-кБез)	Зре (кГед)	Зре (кГед-дАфф-дКог)	Пож (аГед)	Мол (кБез-кЭкз-кРит)	Зре (кБез)	Зре (зЭго-зРит)	Пож (дБез)
Intercept	125,63	114,39	136,40	138,62	141,93	182,35	76,68	147,29
тЭкз	+2,73 0,32 p=,017							
тРит	-2,56 -0,28 p=,035							
кГед	-1,59 -0,34 p=,034	+1,86 0,39 p=,045						
кБез	+2,25 0,39 p=,019				+1,94 0,58 p=,006	-4,46 -0,89 p=,038		
кРит					-2,97 -0,52 p=,028			
дБез								-1,49 -0,64 p=,048
дКог			-3,14 -0,48 p=,012					
зЭго							+8,53 0,58 p=,022	
зРит							+2,41 0,45 p=,036	
аГед				+0,45 0,51 p=,018				

Полученные результаты могут быть интерпретированы следующим образом:

Обратная зависимость общей тревоги от ценностно-потребностного индикатора tРит означает, что рост роли потребностей, связанных с конформным поведением, соблюдением традиций и ритуалов, снижает общую тревогу. В самом деле, конформизм вызывает одобрение той части общества, в которой такие формы поведения сформированы или поддерживаются, что способствует усилению ощущения принадлежности и, как следствие, защищённости. Даже в пословицах и поговорках закреплена такая связь коллектива и ощущения силы и безопасности: один в поле не воин, веник сломать труднее отдельных прутьев. Общество формирует у человека зависимость от него самого: хочешь быть в безопасности, объединяйся; соблюдай наши правила, будь как все, и мы тебя защитим. А поскольку молодёжь наиболее склонна к принадлежности какой-либо группе, именно в молодом возрасте проявляется зависимость снижения общего страха от соблюдения традиций, обычаев, этикета, субординации. Эти ценности преобладают у более, чем 70% молодых испытуемых. Та часть молодёжи, которая кажущемуся им чем-то неопределённым государству предпочитает конкретные малые общественные группы (а те могут и противопоставлять себя государству), испытывает меньшую тревогу, так как доверяет своей группе больше, чем государству.

Обратная зависимость общей тревоги от ценностно-потребностного индикатора kГед показывает, что общая тревога снижается при усилении потребности в получении удовольствия. Чем меньше выражена потребность в получении удовольствия, тем больше удовлетворённость своим существованием, которая вряд ли возможна в состоянии опасности. Человек в основном стремится удовлетворять свои потребности: если чувствует угрозу, пытается обеспечить безопасность; испытывая необходимость в соблюдении традиций, обычаев, субординации, скорее всего, не будет противиться данным требованиям; нуждаясь в обществе, государстве, старается жить по установленным им правилам. Однако, вместе с потребностью в получении удовольствия, человек обладает способностью отказывать себе в ее удовлетворении, если эта поведенческая форма находит поддержку общества и государства. Например, увлекаясь работой или получением дохода, люди могут годами не брать очередной отпуск, ради интересного дела отказывают себе во сне, а формируя идеальную фигуру – в пище. Нет, кажется, никакого удовольствия, от которого человек не способен отказаться, если для него существуют иные, более значимые ценности. Есть случаи отказа даже от наркотиков, хотя достоверно известно, что употребляющие их получают небывалое наслаждение. А ведь по-

давящее большинство злоупотребляющих табаком, алкоголем, наркотиками приобретают зависимость именно в молодом возрасте. Вероятно, они-то и испытывают страх, который может быть обусловлен опасением лишиться объекта зависимости. По мнению А. Маслоу отказ от достижения насущной цели, от удовлетворения жизненно важной потребности угрожает психологическому благополучию человека. [1] У таких молодых людей потребность в удовольствии низка, ведь они её легко удовлетворяют с помощью наркотических веществ, а легко доступное особой ценности не представляет. А те, у кого потребность в получении удовольствия высока, способны вместо «чистого» удовольствия получать его опосредованно: от общения, творчества, принадлежности к определённой группе, удовлетворительных взаимоотношений с окружающими и т.п. А удовлетворённость достижением жизненно важных целей, которые представляют истинную ценность, снижает общий страх.

Прямая зависимость общей тревоги от ценностно-потребностного индикатора тЭкз говорит о том, что тревога увеличивается при росте значимости потребности личности удовлетворять требования общества и государства. В настоящее время молодые россияне склонны воспринимать государство как фантастическую дойную корову, которую можно почти не кормить, но молока от неё получать вдоволь. От него ждут повышения зарплаты, пенсии, стипендии, различных социальных выплат, снижения налогов, лучшей защиты, обучения, медицинского обслуживания, не задумываясь над тем, что государство – не всемогущий бог, а всего лишь одна из форм управления обществом, которую приняли живущие на определённой территории народы. Такое отношение к государству у молодых людей вызвано тем, что им необходима внешняя сила, которая обеспечит всё необходимое, что они не способны получить самостоятельно. Отчётливо проявляется недоверие к государству, ставятся под сомнение те ценности, которые являются наиболее значимыми для 78% молодёжи: правда – двоякая, справедливость – недостижима, закон – что дышло, правосудие даёт сбой. Те, кто ощущает потребность в государственной защите, ожидают обмана. Чем сильнее эта потребность, тем более значителен обман, более высок страх неполноценности защиты. Молодые люди, которым не хватает правды, справедливости, законности, действительно не смогут чувствовать себя в безопасности. Таким образом, чем выше потребность в помощи государства, тем менее человек уверен в своих силах и чувствует себя более беззащитным, что способствует усилению общей тревоги.

Прямая зависимость общей тревоги от ценностно-потребностного индикатора КБез отражает тот очевидный факт, что общая тревога растёт при усилении потребности в защите от различных неблагоприятных воздействий. Очевидно, что потребность в безопасности напрямую свидетельствует о том, что человек субъективно ощущает угрозу своему существованию. Она закреплена на генетическом уровне, так как лишь в последние десятилетия люди поверили в своё могущество, которое, однако, ежедневно ставится под сомнение средствами массовой информации. Потребность в безопасности у людей молодого возраста почти в половине случаев (44%) определяется такими ценностями, как уверенность и здоровье, то есть рост неуверенности и снижение здоровья способствуют повышению общей тревоги. Молодые люди, ощущая потребность в безопасности, понимают, что не обладают достаточными возможностями для того, чтобы обеспечить себе защиту, что их безопасность во многом зависит от взрослых. Поэтому с ростом потребности в безопасности растёт и их тревога.

Обратная зависимость общей тревоги от ценностно-потребностного индикатора тКог означает, что рост интеллектуальных и познавательных потребностей уменьшает общую тревогу. В современном мире широко распространено мнение о том, что знание способствует процветанию. Не только молодые, но и люди зрелого возраста стремятся получить более высокое или даже дополнительное образование. Это связано в том числе и с законодательно закреплённым требованием иметь образование определённого уровня, соответствующее профессиональным обязанностям. Работник, чтобы не потерять место, вынужден получать образование, даже несмотря на то, что значительный опыт работы вполне позволяет справляться с должностными обязанностями. Он отчётливо сознаёт, что иначе существует угроза понижения жизненного уровня в связи с потерей работы, а поиски новой связаны с опасностью «остаться за бортом», так как достаточно высокий уровень безработицы создаёт прецеденты выполнения той же работы за меньшую оплату. В зрелом же возрасте возникает необходимость в дополнительных расходах на содержание и обучение детей. Поэтому стремление к удовлетворению познавательных потребностей вызывает снижение страхов в связи с верой в то, что это позволит достичь большего благополучия, обеспечит возможность дать детям лучшее образование и оснастить всем необходимым. Обратную зависимость общей тревоги от ценностно-потребностного индикатора тКог можно также объяснить тем, что человек в основном боится необъяснимого. А тот, кто

больше знает, обладает способностью находить объяснение непонятым фактам и явлениям и таким образом уменьшает свой страх.

Прямая зависимость общей тревоги от ценностно-потребностного индикатора кТра свидетельствует о том, что тревога растет при усилении потребности личностного роста. Эти потребности являются наименее конкретными и недостаточно четко определёнными. Каждому известно, как удовлетворить свои потребности в удовольствии, безопасности, индивидуальности, общении, знаниях, соблюдении ритуалов и традиций, взаимоотношениях с обществом и государством. Однако далеко не все осознают, в чём заключаются их потребности личностного роста. Можно определить, какие требования в данной области выдвигают культура, социальное окружение. Но есть ещё и генетически обусловленные склонности. С возрастом они всё больше осознаются путём размышлений, проб и ошибок, на основании жизненного опыта, интуиции. И чем в большей степени проявляются в сознании глубоко скрытые родовые потребности, ориентирующие на творческое и духовное самосовершенствование, тем более возрастает неопределённость: как удовлетворить эти потребности, в чём конкретно они заключаются, что непосредственно необходимо сделать и как убедиться, что цель достигнута? Такая неопределённость вызывает тревогу. Она усиливается ещё и достоверно осознаваемым уменьшением жизненных сроков, оставшихся для реализации потребностей личностного роста.

На основе полученных в исследовании фактов и их интерпретации можно сделать вывод, что выдвинутые гипотезы подтвердились:

1. Состояние тревоги у русских и метисов в каждой возрастной группе определяется уникальным набором ценностно-потребностных индикаторов:

- у русских молодого возраста – тЭкз, тРит, кГед, кБез;
- у русских зрелого возраста – дКог, кГед;
- у русских пожилого возраста – аГед;
- у метисов молодого возраста – кБез, кРит;
- у метисов зрелого возраста – кБез, зЭго, зРит;
- у метисов пожилого возраста – дБез.

2. Только в молодом возрасте у русских и метисов есть единственный общий ценностно-потребностный индикатор тревоги – кБез, остальные – уникальные:

- у русских молодого возраста усиливают тревогу потребности экзистенциальной зоны (+2,73) и зоны безопасности (+2,25); снижают ее потребности ритуальной (-2,56) и гедонистической зон (-1,59);
- у русских зрелого возраста рост тревоги обусловлен потребностями гедонистической зоны (+1,86), ее снижение – когнитивной (-3,14);
- у русских пожилого возраста незначительная роль в усилении тревоги принадлежит потребностям гедонистической зоны (+0,45). Потребностей, уменьшающих тревогу у пожилых русских, не выявлено;
- у метисов молодого возраста усиление тревоги связано с зоной безопасности (+1,94), снижение – с ритуальной зоной (2,97);
- у метисов зрелого возраста рост тревоги обусловлен потребностями эго-зоны (+8,53) и ритуальной зоны (+2,41), ее снижение – зоной безопасности (-4,46);
- у метисов пожилого возраста не выявлено зон, ответственных за усиление тревоги, ее снижение связано с зоной безопасности.

3. Только в молодом возрасте и у русских, и у метисов выявлены общие влияющие на тревогу зоны – безопасности и ритуальная, но у русских потребности безопасности усиливают тревогу, а у метисов – снижают; у русских ритуальная ценностно-потребностная зона определяет уменьшение тревоги, а у метисов – её рост.

4. Зоной, определяющей тревогу и в молодом, и в зрелом, и в пожилом возрасте у русских является гедонистическая, а у метисов – зона безопасности.

5. Наиболее универсальным индикатором тревоги является зона безопасности, так как она влияет на тревогу и у русских (в молодом возрасте), и у метисов (в молодом, зрелом и пожилом возрасте).

Литература

1. Маслоу А. Мотивация и личность. М. [и др.]: Питер, 2003. - 351 с. - (Мастера психологии). ISBN 5-318-00616-7.
2. Морогин В. Г. Теория и методы исследования ценностно-

потребностной сферы личности // Гуманитарные науки и образование в Сибири. № 3. Новосибирск, 2009. С.12-28.

3. Морогин В. Г., Давыдов А. С. Возрастные особенности ценностно-потребностных индикаторов состояний тревоги // PSIXOLOGIYA, ILMIY JURNAL (10) 2-son 2013-yil, С. 28-42, ISSN 2181-5291.

4. Мэй Ролло. Смысл тревоги. М.: Класс, 2001. - 379 с. (Библиотека психологии и психотерапии. 89; Вып.; Психология для жизни). ISBN 0-671-82302-7 (USA)

© А.С. Давыдов, 2014.

© «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

УДК 316.346.3

Деформации и инверсии ценностей

Р.Н. Ибрагимов. *Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан*

Одним из важнейших критериев эффективности функционирования больших общественных систем является мотивационный фон, смысло-жизненные установки индивидуальных и групповых субъектов, включенных в эти общности. Проблема «хороший закон – плохое исполнение», препятствующая претворению в жизнь усилий российского государства и становлению институтов гражданского общества, порождается, в частности, деформацией и окончательной инверсией отдельных ценностей и их систем у тех, кто претворяет законы в жизнь, и тех, кто должен подчиняться их предписаниям.

Самое время прислушаться к персонологической парадигме: общество, производя сталь и мясо, компьютеры и шмотки, производит личность определенного типа. А не наоборот. Если общество хочет издохнуть, оно и производит личностный тип своего могильщика. Производя сталь и мясо, компьютеры и шмотки.

Выявить, что за тип такой производит общество, можно разными методами. Самый надежный – по последствиям. Если всё рушится и ничего не работает – будьте уверены, Социальный Могильщик уже в массовом

производстве, Он уже действует. Для действия ему не надо выходить на демонстрации и баррикады, хотя он может позабавиться и этим.

Социальный Могильщик просто сидит на своём месте, и вместо исполнения закона выискивает в нём «дырки», вместо строгого выполнения технологии дорожного строительства пускает втихаря гравий «налево». Кстати, Могильщик горазд на шумные маскировочные и очковтирательные мероприятия.

Тип личности определяется характерным подбором *ценностей*. Подробный экскурс в аксиологию здесь не планировался, но одно уточнение всё же логически необходимо. Главный предрассудок, по поводу которого хотелось бы высказаться – это та легкость, с которой мы порой перескакиваем с ценности как психического феномена к ценности как социальному факту. Мы порой без всяких тормозов заявляем о памятнике воину-освободителю или о свободе слова как о ценностях. А потом сильно удивляемся, когда на памятнике обнаруживаем свастику, а свободу слова попирают не только власти, но и сами журналисты.

Ценность – это безусловно психический феномен, социальным же феноменом становится лишь в результате гласного или негласного договора ценителей. То есть – условным.

Осознание и переживание значимости какого-либо предмета – Родины, футбольной команды, своего кота, победившего в дворовой схватке. Часто – себя. Субстратом гордости является неискоренимый ценностный характер мировосприятия человека. Мы обречены уделять усиленное внимание одним вещам и ослабленное – другим. Ровное отношение ко всему, учит аксиология, свойственно только трупам.

Аксиологические деформации и инверсии являются неотъемлемой составляющей внутреннего мира человека, но при этом они 1) направлены на социальную действительность и 2) во многом порождаются этой действительностью. То есть инверсия является социальным фактом и как причина, и как следствие. Человечество, конечно, накопило определенный социокультурный опыт социальной регуляции путем стигматизации опасных явлений с последующими санкциями. В истории такая направленная стигматизация (интенция) носила название «грех».

Однако логика исторического процесса состоит в регулярном забвении этой логики, в пренебрежении социокультурным опытом. Та же аргументация, в которой обвиняли «азиатский» коммунизм – чем скромнее потребности, тем проще они удовлетворяются – имеет хождение и в современном обществе. Чем меньше «обвинителей в гордости», тем меньше

гордецов; чем слабее стигматизация лести, тем чаще лесть будет называться коммуникативной стратегией.

Не стала исключением и социология, чья позитивистская «родовая травма» до сих пор сказывается на спектре исследовательских проблем. Распространенность аксиологических инверсий, их локализация, «сгущение» в отдельных социальных институтах, общностях и группах, эволюция деформаций в окончательно инверсированный вид – это комплекс вопросов, имеющих стратегическое значение, не получивших, к сожалению, фронтального освещения в научной литературе.

Актуальность социологической составляющей проблематики аксиологических инверсий усугубляется тем, что сами они обладают мощным социогенетическим потенциалом, порождают устойчивые социальные практики, общности и даже институты. Их участие в процессах эрозии общественной нравственности благодаря такой морфологической кристаллизации носит систематический и сознательный характер, что многократно усиливает социально-деструктивную роль пеккантивных интенций.

Превращение окказиональных, статистически случайных деформаций в устойчивые и необратимые инверсии – особая проблема и, соответственно, особое направление исследования, требующее применения сложных методологических подходов.

Детализация проблемы морфологии аксиологических инверсий предполагает деление предметного поля и тематическое распределение, что также имеет методологически неоднозначный характер. Имеет ли смысл выделять из феномена рессентимента инвидиональную и виндиктальную деформации, или, как считал М. Шелер, рессентимент един и всякое его деление искусственно?

Несомненно одно: эмпирическому исследованию следует подвергнуть наиболее социально-опасные аксиологические инверсии. К таковым наиболее очевидно относится иракундальная инверсия – отрицательная разновидность пассионарности. Иракундальная инверсия, на языке морали гневливость – это социально-нравственная основа экстремизма; приобретаемая застарелые и необратимые формы, она закрепляет и усиливает насильственный фон общественной жизни.

Еще одна антиценность – инвидиональная аксиологическая инверсия. Зависть – это отрицательный модус одного из важнейших социализаторов, а именно – подражания, мимезиса. И если моду как социальный институт еще можно считать удачным морфологическим инвидиональным

«громоотводом», то роль зависти, например, в социальных революциях заставляет отказаться от благодушного тона.

Престижная мотивация, как правило, не проблематизируется в социологическом дискурсе, традиционно увязываясь с такими феноменами, как имидж, репутация, чувство собственного или сословного достоинства, статусное самосознание. В этом смысле гордость – это *эмоциональное оформление освоенной ценности*. Освоенная ценность, в свою очередь – это сама личность и то, к чему она ощущает свою причастность. Точнее М. Штирнера не скажешь: освоенная ценность – это «Единственный и его достояние». Между тем, все перечисленное есть стадии или особенности оформления тиффузиальной инверсии (гордыни), которая, помимо конструктивных проявлений, имеет массу уродливых и экстремальных форм, вроде шовинизма или синдрома «синей мигалки».

Многообразное социально-морфологическое выражение приобрела фальсеологическая информационная инверсия. Преднамеренное введение в заблуждение, имитативные практики стали содержанием множества социально-коммуникативных связей. Часть из них носит легальный, систематический и даже легитимный характер.

Близкой к предыдущей, но особой и специализированной проблемой является гипокритическая инверсия – лицемерие, которое при определенных условиях способно отвечать функции обеспечения социальной солидарности. Стремление примкнуть к социальному победителю – весьма распространенный мотив кооптации в общности, начиная от политических партий и заканчивая аудиториями болельщиков. Но та же инверсия – главная причина ненадежности и эфемерности социальных единств.

Аваритарная аксиологическая деформация (алчность) также имеет в своем активе социально-конструктивную функцию, поскольку является мотивационным фундаментом глобального «общества потребления». Однако ее конечная стадия, аваритарная инверсия, в просторечии – «халява» – уже показала экономическим кризисом 2008 года, чем грозит перенасыщение «рынка мотиваций» преферентными интенциями.

Понятие досуга, ставшее базовым для предметной области социологического знания, до сих пор несет в себе отголоски стигматизации, поскольку эпитеты «досужий», «праздный» применялись для уличения в еще одном грехе – лени. Понимаемая слишком узко – как бездействие – лень, а точнее – пигрициарная интенция, таким образом, депроблематизируется, лишается своей актуальности как социальное явление.

Литература

1. Богослов Г. Собрание творений: В 2 т. Т. 1. - Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 832 с.

2. Гордыня и гордость – атрибуты человеческой природы [Электронный ресурс] // Христианская мысль: Библия и культура. Христианство и социология. Русская религиозная мысль. Христианская антропология. Христианская культурология. Том VII. - СПб.: Новое и старое, 2005. - URL: <http://christosocio.info/content/view/686/42/> (дата обращения: 14.04.2012).

3. Гофман И. Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью. Часть 1. Стигма и социальная идентичность. Часть 2. Контроль над информацией и социальная идентичность (главы 3-6) [Электронный ресурс]; пер. М.С. Добряковой. 1963. - URL: http://www.ereading.org.ua/bookreader.php/145155/Gofman__Stigma._Zametki_ob_upravlenii_isporchennoii_identichnost'yu.pdf (дата обращения: 18.03.2012).

4. Колесник В. Психологический портрет гордеца [Электронный ресурс]. 2009. - URL: <http://kievchurch.org.ua/Library/ArticlesTruth/2009-2010/853.aspx> (дата обращения: 27.04.2012).

5. Кузьмина Т.А. Внутренний мир гордого человека. Исследование внутреннего состояния гордеца по учению святых отцов [Электронный ресурс]. 2006. - URL: <http://www.dorogadomoy.com/d455gor.html> (дата обращения: 27.05.2012).

6. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции [Электронный ресурс]. 2002. - URL: <http://flogiston.ru/library/leontev> (дата обращения: 11.05.2012).

7. Тарусин М. Средний класс и стратификация российского общества [Электронный ресурс]. 2005. - URL: <http://www.polit.ru/article/2005/02/02/mid/> (дата обращения: 14.04.2012).

8. Уайт Е. Советы родителям, учителям и учащимся относительно христианского воспитания: Пер. с англ. – Заокский: «Источник жизни», 2010. – 512с.

9. Хорни К. Невроз и личностный рост. Борьба за самоосуществление; перевод Е. И. Замфир. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа и БСК, 1997. — 318 с.

10. Шёк Г. Зависть. Теория социального поведения. – М.: ИРИСЭН, 2008. – 544 с.

11. Штирнер М. Единственный и его собственность. – Харьков: Основа, 1994. – 560 с.

12. Щербатых Ю.В. Психологический анализ понятия «грех гордыни» // Экономический кризис России: социально-экономический, правовой и гуманитарный аспекты // Материалы региональной межвузовской научно-практической конференции. Воронеж: МГЭИ, 2009. – С. 376-379.

© Р.Н. Ибрагимов, 2014.

© «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

УДК 37.012.1

Современные кросс-культурная и этнопсихология: новые тенденции в методологии комплексных и междисциплинарных исследований²

В.А. Мазилев. *Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль*

Резюме. Статья посвящена оценке перспектив использования междисциплинарных исследований в психологической науке в современных условиях. Различаются мультидисциплинарные, междисциплинарные и трансдисциплинарные исследования. Формулируются подходы, позволяющие повысить эффективность междисциплинарных исследований. Хотя данной проблематике уделяется значительное внимание исследователей, проблема на настоящий момент не решена. Теория комплексных психологических исследований как научная концепция, отражающая специфику психологического исследования, еще не разработана. Причина этого состоит в том, что исследователи стремятся, как правило, разработать принципы организации и процедуры такого

² Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 12-06-00320

рода исследований. Возможна разработка методологии и теории проведения комплексных психологических исследований, исходя из понимания предмета психологической науки. Утверждается, что в настоящее время наиболее адекватным пониманием предмета психологии является его трактовка как субъективного мира человека.

Ключевые слова: психология, междисциплинарные исследования, мультидисциплинарные исследования, трансдисциплинарные исследования, эффективность психологического исследования, предмет психологии, субъективный мир человека.

Этническая и кросс-культурная психологии в настоящее время переживают в нашей стране период бурного и интенсивного развития. Периоды интенсивного роста иногда могут вызывать рост диспропорций внутри дисциплины. Как справедливо отмечает Е.Н. Резников, «как на Западе, так и в России проводятся многочисленные исследования по этнической и кросс-культурной психологии. Вместе с тем методологических и теоретических работ, связанных с обобщением эмпирических исследований, выдвиганием новых концепций по этнической и кросс-культурной психологии, явно недостаточно. Такую ситуацию в данном научном направлении фиксируют исследователи из разных стран» (Резников, 2006, с. 108). Необходимо отметить, что дело не только в отставании теории от потока эмпирических исследований. Представляется, что в недостаточной степени осознано, что этнопсихологические и кросс-культурные исследования носят в значительной степени междисциплинарный характер. Во всяком случае создается впечатление, что со стороны психологической науки особенного интереса к разработке современных технологий междисциплинарных исследований в области этнопсихологии не проявляется. Одним из немногих исключений в данном вопросе является только что процитированная работа Е.Н. Резникова. Исследователь пишет: «Этническая психология является междисциплинарной наукой. Она тесно связана с общественными и психологическими науками. При проведении исследований по этнической психологии традиционно формировались межпредметные связи как с внешнепсихологическими, так и с внутривнутрипсихологическими научными направлениями» (Резников, 2006, с. 18-19). Е.Н. Резников справедливо ставит вопрос о недостаточной доле междисциплинарных исследований: «Исходя из тенденций развития мировой науки, выражающихся в

снижении удельного веса дисциплинарных исследований и увеличении количества междисциплинарных научных работ, нам представляется перспективным проведение междисциплинарных исследований по этнической психологии» (Резников, 2006, с.26). Обратим внимание на то, что анализу самого междисциплинарного подхода и методам междисциплинарного исследования внимания не уделяется - предполагается «по умолчанию», что они остаются неизменными. Однако, это не так. Возникают новые варианты междисциплинарных подходов, складывается собственно сфера дисциплинарности. В который раз можно констатировать, что в который раз наша психология отстает – прежде всего потому, что не уделяет должного внимания методологической культуре исследований (и более широко - необходимой методологической проработке исследуемых вопросов).

Как справедливо отмечают Л.И. Киященко и В.А. Моисеев, «в переживаемое нами время перед философией науки и собственно наукой встали сложные задачи, которые требуют объединения многих дисциплин. Оформляется сфера междисциплинарности. Возникли экологические, технологические, биоэтические и т.п. направления научного исследования, которые требуют согласованных действий и достижения взаимопонимания, установления единых норм поведения. Такого рода теоретико-практические объединения выступают естественным основанием для возникновения и выяснения особенностей функционирования междисциплинарности как одной из форм постнеклассической науки. К указанным особенностям мы также относим следующие. Междисциплинарность как форма объединения современного научного знания возникает как непосредственная реакция на «злободневные», требующие безотлагательного, как правило, в режиме актуального времени решения проблемы. Далее, ситуация неопределенности, и можно сказать загадочности, возникает по сути самого «предмета». Он как бы уже есть, иначе как бы возникло междисциплинарное общение? Но его же еще нет – он лишь только может возникнуть по ходу и в результате контингентного соглашения на основе формирующегося взаимопонимания, в свою очередь влияющего на особенности междисциплинарного общения, где присутствует встреча различных языков, не только дисциплинарно организованных и не только документированных (письменных)» (Киященко, Моисеев, с.16-17).

Подчеркнем, что проблема междисциплинарных исследований представляет собой проблему и для философии науки, и для философии, и для конкретных дисциплин.

Обратим внимание на то, что использование термина «междисциплинарность» предполагает более или менее четкое представление о дисциплинарности. Не имея возможности здесь обсуждать этот вопрос, отметим, что дисциплинарность понимается нами вслед за М.К. Петровым, выделяющим восемь составляющих любой дисциплины.

В известной статье «Эпистемология междисциплинарных отношений» выдающийся швейцарский эпистемолог Ж. Пиаже (Piaget, 1972) различает следующие формы взаимодействия дисциплин:

- мультидисциплинарность как одностороннее дополнение одной дисциплины другой;
- собственно междисциплинарность как взаимодействие дисциплин;
- трансдисциплинарность как построение интегральных структур (например, физика не только неживой природы, но физика живого и социальная физика).

Представляет значительный интерес типология когнитивных систем, выделенная И.Т. Касавиным, развивающим идеи Ж. Пиаже. И.Т. Касавин в связи с этим отмечает: «Уточняя эту типологию, мы выделяем три соответствующие типа когнитивных систем. Во-первых, речь идет о мульти (или поли-) дисциплинарных системах знания: биофизика, физическая химия, геоботаника, социальная семиотика, общая теория социальной коммуникации и т.п. Такие системы характеризуются использованием некоторой дисциплинарной онтологии и методов для работы в другой дисциплине или их группе» (Касавин, 2010, с. 21). В рамках мультидисциплинарных систем, согласно И.Т. Касавину, сохраняется определенная четкость междисциплинарных границ, и такая четкость, предполагающая различие предметов, методов и результатов взаимодействующих дисциплин, выступает условием успеха. Так, например, морфология пластов в геологии, с одной стороны, и региональное распределение флоры в палеоботанике, с другой, являются предметами исследования независимых дисциплин, соединение которых позволяет уточнить эволюцию геологических отложений в рамках геоботаники.

«Результатом второго типа взаимодействия дисциплин являются междисциплинарные системы знания, такие как космические исследования, страноведение, науковедение, политология» (Касавин, 2010, с. 21). Их отличает объединение дисциплин для создания новой онтологии и методов для работы с ее объектами. Данные системы знания характеризуются значительно меньшей четкостью дисциплинарных границ. Геогра-

фия, социология, экономика, гражданская история, языкознание, история культуры, политическая наука дополняют друг друга, к примеру, в рамках страноведения или исследования международных отношений. Они взаимодействуют в целях создания целостной «картины социально-региональной реальности», которая, в свою очередь, дает семантическую интерпретацию фактов в каждой отдельной ресурсной дисциплине, обеспечивая их относительную интеграцию даже при отсутствии разработанной «теории страноведения» или «теории международных отношений» (Касавин, 2010, с.2 1).

«Наконец, в-третьих, в трансдисциплинарных системах знания выдвигаются претензии на абсолютную универсальность онтологии и методов, утративших дисциплинарную определенность» (Касавин, 2010, с. 22). Таковы, согласно И.Т. Касавину, теория систем, теория самоорганизации, теория информации, теория катастроф. В этих случаях наблюдается принципиальное игнорирование дисциплинарных границ. Естественно, эти теории возникли как обобщение некоторых дисциплинарных представлений в биологии, химии, математике. Однако затем они оторвались от своих истоков и стали развиваться на своей собственной теоретической основе, проходящей проверку использованием в других областях знания (Касавин, 2010).

Представляются чрезвычайно важными следующие рассуждения И.Т. Касавина. Как отмечает автор, эпистемология м-исследований (междисциплинарных исследований) относительно слабо разработана. «В общем виде ясно, что м-исследования предполагают альтернативность эмпирической интерпретации, что приводит к резкому расширению сферы фактов по сравнению с д-исследованием (дисциплинарным исследованием)» (Касавин, 2010, с. 13). Особому характеру междисциплинарной эмпирии сопутствует, по Касавину, и необходимость политеоретического описания, а также интерактивный перевод с языка одной дисциплины на другую. Этот никогда не заканчивающийся перевод идет в поисках постоянных уточнений и кажется подлинным воплощением тезиса У. Куайна о невозможности радикального перевода. «Неустранимость из исследований диалога характеризуется выраженной несимметричностью при обмене результатами; одна из дисциплин периодически берет на себя креативную, нормативную или коммуникационную функцию. Учитывая то обстоятельство, что м-взаимодействие идет в условиях методологической несоизмеримости и дополнительности, невозможности унификации методов, то подлинной м-коммуникацией может быть только неформальный дискурс. И

если в этом случае можно говорить о научных результатах, несводимых к д-результатам, то таковые обладают не столько объектной, сколько коммуникативной природой, т.е. говорят не столько об исследуемом объекте, сколько об условиях и формах его исследования» (Касавин, 2010, с. 13-14). На наш взгляд, это имеет непосредственное отношение к междисциплинарным исследованиям в психологии. В этом случае есть существенное преимущество, т.к. в психологии есть возможность опираться на разработки в области коммуникативной методологии. Кроме того, отмеченные выше трудности позволяют снять разработку методологии и теории проведения междисциплинарных психологических исследований, исходя из понимания предмета психологической науки, в частности, такой широкой трактовки как субъективного мира человека.

Остановимся далее на более общих вопросах междисциплинарных исследований в современной психологии, учитывая, что эти проблемы значимы не только для этнопсихологии, но и других отраслей психологической науки, а также то, что в некоторых областях психологии (например, в социальной психологии) эти проблемы проработаны несколько глубже, чем в этнической психологии и кросс-культурной психологии.

Не имея возможности в рамках настоящего текста (в силу ограниченности его объема) дать сколь-нибудь развернутую картину современных исследований в разных областях психологии, ограничимся общей схемой, которая сложилась в социальной психологии. Социальная психология несомненно относится к числу отраслей психологии, которые интенсивно и динамично развиваются. «Социальная психология рассматривает личность прежде всего в контексте всех разнообразных социальных связей и включенности в различные социальные группы как на макроуровне, так и на уровне малых групп» (Роцин, 2002, с. 62). При этом акцент делается на «процессах взаимодействия и взаимовлияния личности и тех групп и связей, в которые она включена. Упоминание макроуровня означает, что речь идет не только о малых группах, но и о психологических аспектах взаимоотношений личности с большими социальными группами и обществом в целом» (Роцин, 2002, с. 62).

Как справедливо отмечает А.Л. Журавлев, «структура (или строение, состав) социальной психологии в каждый исторический период ее развития есть результат взаимодействия двух противоположных, но тесно связанных процессов а) дифференциации, т.е. разделения, дробления социальной психологии на составные ее части, разделы; б) интеграции ее с другими и не только психологическими отраслями науки, причем инте-

грации социальной психологии как в целом, так и отдельными составляющими ее частями» (Журавлев, 2002, с. 7). Нельзя не согласиться с А.Л. Журавлевым и в том случае, когда он замечает, что «структуру современной социальной психологии невозможно понять, не рассмотрев процессы ее интеграции в системе других наук» (Журавлев, 2002, с.8). Журавлев выделяет два основных контура интеграции, характерных для современной социальной психологии: внешний и внутренний.

А.Л. Журавлев поясняет, что внешний психологический контур интеграции относится к ее объединению с многочисленными психологическими отраслями, на стыке с которыми возникли самостоятельные подотрасли — части социальной психологии. Например, социальная психология личности, согласно А.Л. Журавлеву, сформировалась как результат интеграции социальной психологии с психологией личности, а социальная психология труда – социальной психологии с психологией труда и т.д. Можно констатировать, что в итоге такой интеграции к концу 90-х годов XX века уже оформилось порядка 10 подотраслей социальной психологии (Журавлев, 2002). Процесс интеграции социальной психологии с другими психологическими отраслями интенсивно продолжается: в настоящее время формируется социально-экономическая, социально-экологическая, социально-историческая и другие подотрасли социальной психологии. Внутренний социально-психологический контур интеграции относится к развитию самой социальной психологии и проявляется в процессах объединения разделяющихся составных частей социальной психологии, появившихся в результате процессов ее дифференциации, о которых шла речь выше (Журавлев, 2002). Автор отмечает, что, во-первых, внутренняя интеграция касается одновременного применения теоретического, эмпирического и практического методов анализа социально-психологических явлений, что неизбежно порождает комплексные типы исследований в социальной психологии, например теоретико-экспериментальные, экспериментально-прикладные и т.п. (Журавлев, 2002). Во-вторых, отмечает автор, внутренняя интеграция ярко проявляется в одновременном изучении различных взаимосвязанных объектов социальной психологии, например: личности и малых трудовых групп (бригад) в организации, малых групп в больших социальных группах, личности (например, лидера) в большой социальной группе (например, партии или общественном движении) и т.д. В-третьих, наиболее очевидным направлением внутренней интеграции является объединение тех частей социальной психологии, которые дифференцировались по видам жизнедеятельности людей и сферам обще-

ственной жизни. В результате возникло множество интересных, а главное, полезных научно-практических направлений... (Журавлев, 2002). В настоящее время процесс структурирования социальной психологии явно не завершен, и мы регулярно становимся свидетелями закономерного рождения новых составных ее частей (Журавлев, 2002).

Для темы нашей статьи важно акцентировать выводы, которые можно сделать из цитированной работы известного отечественного социального психолога. Выводы касаются того, что для современной социальной психологии и психологии в целом актуальны исследования по методологии комплексных и междисциплинарных исследований, поскольку именно такие изыскания составляют в современной психологической науке значительную часть. В рамках настоящей статьи мы сосредоточимся на обсуждении общих вопросов методологии междисциплинарных и комплексных исследований в психологии, не замыкаясь на специфике социальной психологии или этнической психологии.

В настоящее время организация комплексных психологических исследований сталкивается со значительными трудностями, вследствие чего комплексные исследования и разработки оказываются существенно менее эффективными, чем это предполагалось. Подчеркнем фундаментальный характер данной проблемы, от ее решения зависит эффективность осуществления как комплексных исследований в рамках психологии (взаимодействие между отраслями психологической науки), так и организация междисциплинарных исследований (взаимодействие психологии с другими науками). Хотя данной проблематике уделяется значительное внимание исследователей, проблема на настоящий момент не решена. Теория комплексных психологических исследований как научная концепция, отражающая специфику психологического исследования, еще не разработана. Причина этого состоит в том, что исследователи стремятся как правило разработать принципы организации и процедуры такого рода исследований. Предполагаем, что возможна разработка методологии и теории проведения комплексных психологических исследований, исходя из понимания предмета психологической науки.

Эффективность комплексного исследования в психологии в значительной мере обусловлена степенью концептуального совпадения понимания и трактовки предмета психологии в научно-исследовательских подходах в тех предметных областях, которые будут взаимодействовать в данном исследовании, что фактически не учитывается в представленных в настоящее время концепциях комплексных исследований в психологии.

Следовательно, методологические основания (и основанная на них теория) должны раскрывать способ трактовки предмета, представленный в научных подходах, реализующихся в комплексном исследовании. Новизна подхода состоит в том, что в нем реализуется разработка методологии и теории проведения комплексных психологических исследований, исходя из понимания предмета психологической науки.

Развитие науки, как хорошо известно, представляет собой сложный процесс, включающий в себя и дифференциацию, и интеграцию знания. В настоящее время насчитывается большое количество самостоятельных научных дисциплин. От того, какое место занимает психология в системе наук, в большой степени зависит решение двух очень важных вопросов: 1) что психология может дать другим наукам, 2) в какой степени психология может использовать результаты исследований в других науках.

Нет возможности в настоящем тексте проследить эволюцию представлений о классификации наук и месте психологии внутри этой классификации. Отметим только, что это весьма интересный и перспективный сюжет. Поэтому перенесемся сразу в XIX век.

В XIX столетии большой популярностью пользовалась классификация наук, разработанная создателем философии позитивизма, французским ученым Огюстом Контом (1798-1857). В классификации Конта психологии вообще места не нашлось. Отец позитивизма полагал, что психология не стала еще положительной наукой, а находится (согласно закону трех стадий) на метафизической ступени. Для первой половины XIX столетия эта констатация была в целом справедливой, хотя попытка заменить психологию френологией воспринимается как исторический курьез.

Обратим внимание на следующий факт. Фридрих Эдуард Бенеке (1798–1854), немецкий психолог и философ, ныне практически забытый, утверждал, что вся философия должна основываться на эмпирической психологии. Близких взглядов придерживался и Вундт, полагавший, что психология имеет уникальный предмет – это единственная наука, изучающая непосредственный опыт субъекта, поэтому именно она должна лежать в основе научного знания. Такого рода позиция получила название психологизм. Психологизм в конце XIX столетия был подвергнут резкой критике со стороны, в частности, таких выдающихся представителей психологической науки как Уильям Джемс, Гуго Мюнстерберг, Вильям Штерн. С тех пор многое изменилось: психология выделилась в самостоятельную науку, в значительной степени стала "положительной". Классификации наук и впоследствии составлялись неоднократно. При этом почти все ав-

торы недвусмысленно указывали на особое, центральное положение психологии среди других наук. Многие известные психологи и на новом этапе высказывали мысли о том, что психология в будущем займет ведущее место в структуре человеческого знания, что психология должна явиться основой для наук о духе. Классификации наук разрабатывались и в XX столетии. Одной из наиболее популярных явилась классификация наук, разработанная отечественным философом и науковедом Б.М. Кедровым (1903-1985). Согласно Кедрову, классификация наук имеет нелинейный характер. Кедров выделяет три группы научных дисциплин: естественные, социальные и философские. Схематически это можно представить в виде треугольника, вершины которого соответствуют естественным (верхняя), социальным (левая) и философским (правая).

Психология имеет тесные связи со всеми тремя группами наук, поэтому располагается внутри треугольника. Расположение психологии внутри треугольника не симметрично по отношению к его вершинам, а смещено в сторону философских наук, т.к. человеческое мышление (один из существенных разделов психологии) изучается не только психологией, но и философией и логикой. Психология, таким образом, имеет связи со всеми группами научных дисциплин, причем наиболее тесные с философией.

Несколько по-иному подошел к вопросу об определении места психологии в системе наук выдающийся швейцарский психолог Жан Пиаже (1896-1980). Традиционно вопрос о связи психологии с другими науками рассматривали в аспекте того, что психология может получить от других наук. Такая постановка вопроса была логичной, поскольку психология одна из самых молодых наук («математика существует уже 25 веков, а психология едва один век!» (Пиаже, 1969, с.128)). В докладе на XVIII Международном психологическом конгрессе (1966 год, Москва) Пиаже поставил вопрос в ином «направлении»: что может дать психология другим наукам? Ответ Пиаже знаменателен: «Психология занимает центральное место не только как продукт всех других наук, но и как возможный источник объяснения их формирования и развития». Пиаже отмечает, что испытывает чувство гордости по поводу того, что психология занимает ключевую позицию в системе наук. «С одной стороны, психология зависит от всех других наук и видит в психологической жизни результат психохимических, биологических, социальных, лингвистических, экономических и других факторов, которые изучаются всеми науками, занимающимися объектами внешнего мира. Но, с другой стороны, ни одна из этих наук не возможна без логико-

математической координации, которая выражает структуру реальности, но овладение которой возможно только через воздействие организма на объекты, и только психология позволяет изучить эту деятельность в ее развитии» (Пиаже, 1969, с.152). Плодотворное будущее психологии он видит в разворачивании междисциплинарных связей.

Как известно, и классификация Пиаже и классификация Кедрова подвергались критике, причем критике подвергались в первую очередь основания классификации и последовательность в их реализации (Пиаже, 1969; Роговин, 1969). Обратим внимание на глубокий и пронизательный вывод выдающегося швейцарского психолога: «Несколько лет назад, во время одной дружеской беседы в Академии наук в Москве, Кедров сделал глубокое замечание, над которым я очень много размышлял: «У вас есть тенденция психологизировать эпистемологию, тогда как мы склонны, наоборот, эпистемологизировать психологию». Он был прав, подчеркивая эту двойственность тенденций, но я все более и более убеждаюсь в том, что как одна, так и другая тенденция имеют законные основания для существования, и они даже необходимо дополняют друг друга» (Пиаже, 1969, с. 154).

Б.Г.Ананьев в работе «Человек как предмет познания» рассмотрел связи психологии с другими научными дисциплинами. Анализ этих связей в рамках разработанной Ананьевым концепции комплексного человекознания позволил сделать вывод, что психология синтезирует достижения других наук (Ананьев, 1969, 1996). Известный отечественный психолог Б.Ф.Ломов в книге «Методологические и теоретические проблемы психологии» отмечал: «Важнейшая функция психологии в общей системе научного знания состоит в том, что она, синтезируя в определенном отношении достижения ряда других областей научного знания, является интегратором всех (или во всяком случае большинства) научных дисциплин, объектом исследования которых является человек. Как отмечал Ананьев, именно в этом состоит ее историческая миссия, с этим связаны перспективы ее развития. Психология осуществляет интеграцию данных о человеке на уровне конкретно-научного знания. Более высокий уровень интеграции - это, конечно, задача философии» (Ломов, 1984, с. 19). Ломов отмечает, что взаимодействие психологии с другими науками осуществляется через отрасли психологической науки: с общественными науками через социальную психологию, с естественными - через психофизику, психофизиологию, сравнительную психологию, с медицинскими науками - через медицинскую психологию, патопсихологию, нейропсихологию и др., с педагогическими -

через психологию развития, педагогическую психологию и др., с техническими - через инженерную психологию и т.д. Важным фактором дифференциации психологии являются именно отношения с другими науками (Ломов, 1984). Сегодня, в начале второго десятилетия XXI века мы можем констатировать, что психология несомненно приобрела статус самостоятельной научной дисциплины, хотя реально ведущего центрального положения среди других наук пока еще не получила. Приходится констатировать, что прогнозы и надежды в целом не оправдались: статус психологии вовсе не так высок, а влияние на другие дисциплины не так сильно, как это следует из определения психологии как науки, имеющей особое положение среди других.

Важным событием явилась публикация статьи А.Л.Журавлева «Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии» (Журавлев, 2007). Работа посвящена чрезвычайно актуальной методологической проблеме, т.к. в психологии традиционно важное место принадлежит междисциплинарным исследованиям. А.Л.Журавлев отмечает: «В настоящее время приоритетными в большой мере становятся междисциплинарные исследования, и это касается не только психологии или социо-гуманитарных наук, но и всей науки в целом» (Журавлев, 2007, с.15). Междисциплинарные исследования имеют для психологии особое значение, т.к. «... сама проблема психического изначально является междисциплинарной. В ее исследовании у психологической науки нет и не может быть монополии: феномен психики по своей объективной природе предполагает междисциплинарность его изучения» (Журавлев, 2007, с.17). Чрезвычайно актуально выделение уровней, на которых может быть реализовано междисциплинарное исследование: «В психологической науке междисциплинарность реализуется в исследованиях нескольких, как минимум, трех уровней. Первый – внутриспсихологический – подразумевает исследования тех проблем, которые возникают на границах различных психологических направлений и отраслей» (Журавлев, 2007, с.17). В первом уровне могут быть выделены подуровни: «Внутриспсихологический уровень, в свою очередь, может быть разделен на два подуровня. Во-первых, это отраслевой, а точнее, внутриотраслевой уровень, к которому можно отнести исследования на границах разных научных разделов, направлений, проблем или тем, но внутри конкретной отрасли психологии. Во-вторых, это межотраслевой уровень исследований, сформировавшийся на границах самых разных отраслей психологии» (Журавлев, 2007, с. 18). Второй уровень – внешнепсихологический уровень междисциплинарности подразумевает

исследования, пограничные с другими науками: медициной, физиологией, техническими науками, лингвистикой, историей, экономикой, социологией, наукой управления, политологией, этнологией и т.д. (Журавлев, 2007, с. 20). «Необходимо обратить внимание и на третий уровень междисциплинарности, имеющий некоторую специфику, характерную именно для психологии: она не только успешно функционирует на границах с другими науками, но и отдельные ее отрасли полностью «внедрились» в ряд наук, реально став их структурными составляющими и специальностями (в этом принципиальное отличие психологии). Имеются в виду следующие отрасли психологической науки: инженерная психология (психология!) как техническая специальность, клиническая психология как медицинская, социальная психология как социологическая, психофизиология как медицинская и биологическая специальность. Четыре отрасли – это, несомненно, уже закономерность, которая утвердилась в качестве таковой за последние два десятилетия. И перспектива состоит в том, что выделенная тенденция будет развиваться и нарастать» (Журавлев, 2007, с.21). Данный аспект важен, поскольку позволяет не только лучше понять современное состояние психологической науки, но и выстраивать перспективные прогнозы дальнейшего развития науки, важность чего переоценить невозможно.

Исследователь делает глубокие выводы, касающиеся особой роли междисциплинарных исследований в области психологии. Междисциплинарность в психологии неизбежна, принципиально междисциплинарными, по сути, являются попытки понять природу психического. «Многочисленные попытки понять природу психического привели к осознанию необходимости решения как минимум трех фундаментальных проблем: психофизической, психофизиологической и психосоциальной. Это же основные направления научного анализа психики, составляющие, по Б.Ф.Ломову, систему ее измерений» (Журавлев, 2007, с. 27). «Однако с уверенностью можно утверждать, что даже решение всех трех классических для психологии проблем не приведет к полному или хотя бы приемлемому для сегодняшнего времени пониманию природы психического. С этой целью наряду с ними крайне важно разрабатывать и учитывать результаты исследования целого ряда других проблем, например: психоэволюционной, психологической, психогенетической, психоморфологической и т.д., содержание которых далеко не исчерпывается тремя более известными и выделенными выше проблемами. С некоторой вероятностью можно предположить, что в перспективе названные и некоторые другие (например, пси-

хохимическая) станут наиболее актуальными направлениями исследований природы психического» (Журавлев, 2007, с. 28-29).

В работе А.Л. Журавлева рассматриваются также, что очень важно, трудности и ограничения, с которыми сталкиваются междисциплинарные исследования. Может создаться впечатление, что психология «обречена» только на междисциплинарные исследования. Автор анализирует трудности и ограничения междисциплинарных исследований в области психологии. Он утверждает, что:

1. Неправомерно понимание, что междисциплинарные исследования – единственная форма исследований в психологии.
2. Неизбежны издержки, то есть негативные для психологии следствия междисциплинарных исследований (например, редукция психического к непсихическому).
3. Существуют сложности и трудности междисциплинарных исследований.

Междисциплинарные исследования всегда дают плюралистичное (в смысле множественное) знание, однако степень этой плюралистичности может быть чрезвычайно высокой, что вызывает сложности в интеграции полученного знания; междисциплинарные исследования нередко характеризуются низкой совместимостью используемых языков разных наук, а повышение уровня взаимного понимания представителей этих наук требует либо явного упрощения языков, либо занимает много времени; программы междисциплинарных исследований включают разные методы, но нередко различного уровня их разработанности, что объективно зависит от состояния конкретной науки, при этом одни методы по различным причинам становятся главными в программе, а другие – вспомогательными и т.п.; - все это приводит к получению результатов разной степени точности и надежности, и многое другое» (Журавлев, 2007, с.32).

Отметим, что проблемы междисциплинарных исследований обсуждаются и в зарубежной современной психологии, в междисциплинарности просматриваются перспективы развития психологического знания (Valsiner, 2007). По вышеприведенным материалам можно сделать некоторые обобщения, существенные для темы нашего исследования.

Будущее и перспективы развития психологии напрямую зависят от ее междисциплинарных связей.

Взаимодействие психологии с другими науками осуществляется через отрасли психологической науки.

Психология синтезирует достижения других наук.

Психология осуществляет интеграцию данных о человеке на уровне конкретно-научного знания.

Могут быть выделены наиболее перспективные зоны для организации междисциплинарных исследований: с общественными науками через социальную психологию, с естественными - через психофизику, психофизиологию, сравнительную психологию, с медицинскими науками - через медицинскую психологию, патопсихологию, нейропсихологию и др., с педагогическими - через психологию развития, педагогическую психологию и др., с техническими - через инженерную психологию и т.д.

Наиболее эффективными междисциплинарными подходами можно считать те, которые были осуществлены в конце XX - начале XXI столетия и привели к формированию отраслей психологии. Имеются в виду следующие отрасли психологической науки: инженерная психология (психология!) как техническая специальность, клиническая психология как медицинская, социальная психология как социологическая, психофизиология как медицинская и биологическая специальность.

Междисциплинарность в психологии неизбежна, принципиально междисциплинарными, по сути, являются попытки понять природу психического.

Неправомерно понимание, что междисциплинарные исследования – единственная форма исследований в психологии.

Неизбежны издержки, то есть негативные для психологии следствия междисциплинарных исследований (например, редукция психического к непсихическому).

Чрезвычайно важной является идея уровней междисциплинарности психологии.

Психология осуществляет интеграцию данных о человеке на уровне конкретно-научного знания.

Могут быть выделены долгосрочные перспективы для организации и проведения междисциплинарных исследований. Необходимо разрабатывать и учитывать результаты исследования целого ряда других проблем, например: психозволюционной, психоисторической, психогенетической, психоморфологической и т.д., содержание которых далеко не исчерпывается тремя более известными (психофизической, психофизиологической и психосоциальной) проблемами. Можно предположить, что в перспективе названные и некоторые другие (например, психохимическая) станут наиболее актуальными направлениями исследований природы психического.

Могут быть выделены сложности и трудности междисциплинарных исследований (плюралистичность знания, что вызывает сложности в интеграции полученного знания; междисциплинарные исследования характеризуются низкой совместимостью используемых языков разных наук; программы междисциплинарных исследований включают разные методы, но нередко различного уровня их разработанности и т.д.).

Другим важнейшим направлением исследований по проблематике настоящей статьи выступили исследования, посвященные разработке проблемы предмета психологии. Идея о необходимости введения в контекст разработки проблемы методологии комплексных и междисциплинарных исследований предмета психологии не является очевидной, поэтому необходимы дополнительные пояснения. На наш взгляд, популярность редукционизма в психологии непосредственно связана с ограниченным пониманием предмета психологии. Остановимся на этом вопросе более подробно. Главная методологическая проблема современной психологии – выработка нового понимания предмета психологии. Это необходимо для сохранения единого предметного поля психологии. Эта мысль также нуждается в пояснении. Попытаемся это сделать. И исследователь в области психофизики, и исследователь в области трансперсональной психологии представляют одну науку – психологию. Сейчас складывается впечатление, что это представители совершенно разных наук, т.к. все у них разное. Поэтому понимание предмета психологии должно быть таким, чтобы в нем нашлось место как для одного, так и для другого. Только такое понимание даст возможность объединить наработки психологов разных школ и направлений. Без такого понимания невозможно обобщение накопленных в психологии огромных массивов знаний. Это очень сложная задача. Она, кстати, общая для отечественной и для мировой психологии (при всем различии подходов к исследованию психики). Соотнесение и упорядочение имеющегося материала на основе нового понимания позволят психологии стать фундаментальной наукой.

Ситуация с предметом вообще является источником постоянных недоразумений. Действительно, в современной психологии мы имеем дело с «многоступенчатым» предметом («декларируемый», «рационализированный», «реальный»). Важно подчеркнуть, что, «закрывая» эту проблему, то есть, не придавая ей большого значения (как часто и происходит), мы лишаемся надежды на установление какого-либо взаимопонимания в психологии. Чтобы последние утверждения не показались излишней драматизацией ситуации, попробуем ее пояснить. Для иллюстрации вос-

пользуемся работой классика психологии XX столетия Ж. Пиаже (Пиаже, 1966). Ж.Пиаже в главе, посвященной проблеме объяснения в психологии, замечает: «В самом деле, поразительно, с какой неосторожностью многие крупные психологи пользуются физическими понятиями, когда говорят о сознании. Жане употреблял выражения «сила синтеза» и «психологическая сила». Выражение «психическая энергия» стало широко распространенным, а выражение «работа» даже избитым. Итак, одно из двух: либо при этом в скрытой форме подразумевают физиологию и остается только уточнять, а вернее, измерять, либо говорят о сознании и прибегают к метафоре из-за отсутствия всякого определения этих понятий, сопоставимого с понятиями, которыми пользуются в сфере физических законов и физической причинности. В самом деле, все эти понятия, прямо или косвенно предполагают понятие массы или субстанции, которое лишено всякого смысла в сфере сознания» (Пиаже, 1966, с.190). Ж. Пиаже продолжает: «... понятие причинности не применимо к сознанию. Это понятие применимо, разумеется, к поведению и даже к деятельности; отсюда и разные типы причинного объяснения, которые мы различаем. Но оно не «подведомственно» сфере сознания как такового, ибо одно состояние сознания не является «причиной» другого состояния сознания, но вызывает его согласно другим категориям. Из семи перечисленных нами форм объяснения только абстрактные модели [...] применимы к структурам сознания, именно потому, что они могут абстрагироваться от того, что мы называем реальным «субстратом».

Причинность же предполагает применение дедукции к подобному субстрату, и отличием субстрата как такового от самой дедукции является то, что он описывается в материальных терминах (даже когда речь идет о поведении и деятельности). Более того (и это является проверкой наших предположений), трудности теории взаимодействия возникают именно от того, что она пытается распространить сферу действия причинности на само сознание» (Пиаже, 1966, с. 190). А это означает, что реальный предмет оказывается «разорванным» между двумя сферами, поэтому не стоит удивляться, что «одушевляющая связь» (Гете) также разрывается и «подслушать жизнь» (как всегда и бывает в таких случаях) не удастся. Остается заботиться о том, чтобы психическое в очередной раз не оказалось эпифеноменом: «Все это поднимает, следовательно, серьезную проблему, и для того, чтобы решение, состоящее в признании существования двух «параллельных» или изоморфных рядов, действительно могло удовлетворить нашу потребность в объяснении, хотелось бы, чтобы ни один из этих

рядов не утратил всего своего функционального значения, а, напротив, чтобы стало понятным по крайней мере, чем эти разнородные ряды, не имеющие друг с другом причинного взаимодействия, тем не менее дополняют друг друга» (Пиаже, 1966, с. 190).

Конечно, Декарт сделал для психологии много, создав методологическую возможность для появления современной психологии. Но абсолютизировать его вклад, вероятно, все же (в начале третьего тысячелетия) не стоит: дуализм позволил психологии стать наукой, но в настоящее время он мешает стать подлинной наукой - не только самостоятельной, но самобытной (учитывая уникальность ее предмета). Психическое и физиологическое, таким образом, оказываются и в современной психологии разорванными, разнесенными. Дело даже не в том, что в этом случае возникает искушение, которое, как показала история психологической науки, было чрезвычайно трудно преодолеть на заре научной психологии: искушение причинно объяснить одно за счет другого. В современной науке научились противостоять такому искушению. Ж. Пиаже в уже цитированной нами работе отмечает: «Эти непреодолимые трудности толкают большинство авторов к тому, чтобы допустить существование двух различных рядов явлений, один из которых образован состояниями сознания, а другой сопровождающими их нервными процессами (причем всякое состояние сознания соответствует такому процессу, а обратное было бы неверно). Связь между членами одного из рядов и членами другого ряда никогда не является причинной связью, а представляет собой их простое соответствие, или как обычно говорят, «параллелизм» (Пиаже, 1966, с. 190). Здесь один шаг до признания психического эпифеноменом. Требуется усилие, чтобы удержаться от этого шага: «В самом деле, если сознание - лишь субъективный аспект нервной деятельности, то непонятно, какова же его функция, так как вполне достаточно одной этой нервной деятельности» (Пиаже, 1966, с. 188). Дело в том, что подобного рода разрыв между психическим и физиологическим на две «параллельные» сферы произведен таким образом, что делает психическое безжизненным, лишенным самодвижения (в силу постулируемой простоты психического). Поэтому психическое необходимо подлечит «объяснению», за счет которого психика и должна получить «движение»: оно будет внесено извне, за счет того, «чем» именно психическое будет объясняться («организмически» или «социально», принципиального значения в данном случае не имеет). Иначе при этой логике и быть не может (ведь предполагается, что предмет «внутренне простой»!). Это представляется роковой ошибкой. На самом

деле психическое существует объективно (как это убедительно показано еще К.Г.Юнгом), имеет собственную логику движения. Поэтому известное правило Э.Шпрангера «psychologica - psychological» (объяснять психическое через психическое) является логически обоснованным: если психическое имеет свою логику движения, то объяснение должно происходить «в пределах психологии» (для того, чтобы сохранить качественную специфику психологического объяснения). Напомним, что Э. Шпрангер, будучи учеником В. Дильтея, заслугой последнего полагал освобождение психологии от тирании естественнонаучного мышления. Обратим внимание, что подход Юнга к объяснению психической реальности кардинально отличается от редукционистского объяснения. Достаточно сравнить традиционный редукционистский подход с юнговским методом амплификации (Юнг, 1994). Амплификация – часть юнговского метода интерпретации. «С помощью ассоциации Юнг пытался установить личностный контекст сновидения; с помощью амплификации он связывал его с универсальными образами. Амплификация предполагает использование мифических, исторических и культурных параллелей для того, чтобы прояснить и обогатить метафорическое содержание символов сновидения... Говоря об амплификации, Юнг сравнивает ее с плетением «психологической ткани», в которую вплетен образ» (Сэмьюэлс, Шортер, Плот, 1994). Как мудро заметил в свое время Уильям Джемс, психика «заранее приурочена» к условиям жизни, поэтому, возможно, «логика объяснения» должна быть не причинно-следственная, «сводящая», а иная...

Все трудности, которые зафиксированы в работе Ж. Пиаже, имеют общее «происхождение»: современная научная психология неудачно определяет свой предмет. Как нам представляется, новое понимание предмета, свободное от вышеуказанных недостатков, сделает проблему редукционизма в психологии неактуальной. С другой стороны ясно, что традиционная трактовка предмета закрывает дорогу для эффективных междисциплинарных исследований, к примеру, с физиологией. То же можно сказать и об отношениях с другими дисциплинами (например, с социологией, с культурологией и т.д.).

Не имея возможности из-за ограниченности объема статьи дать обоснование реализуемого подхода, кратко остановимся лишь на базовых положениях, установленных в предыдущих исследованиях автора:

1. Развитию интеграционных процессов в психологической науке препятствует недостаточная разработанность коммуникативной методологии и соответствующего понятийного аппарата. В работе по-

казано наличие предтеории как предварительного (часто не формулируемого исследователем, поэтому не получающего отражения в текстах) знания, предшествующего проведению научного исследования (Мазиллов, 1998). Реконструкция реального содержания предтеории является обязательным условием для конструктивного соотнесения психологических концепций.

2. Было проведено исследование, посвященное разработке основ коммуникативной методологии, направленной на создание модели, позволяющей реально соотносить различные психологические концепции (Мазиллов, 2007, 2004). Были сформулированы основные направления использования коммуникативной методологии, что создало реальную базу для осуществления интегративных процессов. Наиболее важные результаты этого этапа исследований состояли в том, что была предложена конкретная технология соотнесения различных психологических концепций, описана методика определения реального и мнимого спектра значений основных психологических понятий в свете разрабатываемого уровневого подхода.

3. Другим важным заданием явилась разработка методологии, ориентированной на интеграцию психологического знания, и вспомогательного методологического аппарата, создающие основы для построения конкретной технологии осуществления интеграции психологического знания (Мазиллов, 2008).

4. Было показано, что необходим уровневый подход к пониманию предмета психологии. Выявлены уровни (декларируемый, рационализированный, реальный) предмета, определены функции, который должен выполнять концепт «предмет психологии» в структуре психологического знания. Было показано, что ограниченное понимание предмета психологии, характерное для современной науки в целом, ведет к затруднениям в организации междисциплинарных исследований и неизбежно приводит к редукционизму в той или иной форме (Мазиллов, 2012, 2013, 2014).

5. Была разработана когнитивная методология, в которой предусмотрено включение частных методологических концепций: предмета психологии, ее метода, психологической теории, объяснения в общее методологическое пространство, что открывает новые перспективы, в частности, для проведения комплексных исследований. Важным методологическим основанием при разработке теории комплексных психологических исследований является концепция интегра-

тивной когнитивной методологии, общей методологии психологии, в которой отдельные методологические категории соотнесены в едином смысловом пространстве. Именно в их концептуальном соотнесении видится новый резерв методологических исследований и разработок.

6. Было показано, что эффективность комплексных психологических исследований определяется в значительной мере тем, насколько близким является понимание предмета в научных подходах различных отраслей психологии. Это делает необходимым учет различий в понимании предмета в различных областях психологии при организации комплексного исследования.

В области предмета психологии основные результаты исследований могут быть представлены следующим образом. Разработаны формальные требования к предмету психологии, уточнены функции, которые выполняет предмет психологии, определены основные характеристики предмета. Разработан подход, позволивший осуществить конкретизацию уровневого понимания предмета психологии. Разработано широкое понимание предмета психологии, позволяющего нередукционистски соотносить различные области предметного пространства психологии. Осуществлено содержательное наполнение конструкта «внутренний мир человека» с учетом формальных требований к предмету психологии.

Ввиду особенной важности данного направления исследований для нашего проекта остановимся на этом вопросе более подробно. По нашему глубокому убеждению, необходима разработка концепции предмета. Проблема предмета психологии существует, это (на наш взгляд) важнейшая методологическая проблема, которая и сложна, и запутанна. Сложность «объективна», т. к. это сложность самого объекта науки. Вероятно, психика («психе») это самое сложное из того, что должен постичь человек (и, как нам представляется, в очень значительной степени еще только предстоит постичь). Запутанность, напротив, проистекает из причин «субъективных». Существует множество контекстов, в которых разными субъектами познания употребляется термин предмет психологии. Он используется в разных случаях с разными целями, что порождает множество пониманий и трактовок. Нежелание психологического сообщества как-то упорядочить и разобраться с этими вопросами только усугубляет серьезность проблемы.

Запутанность, кстати, начинается с того, что предмет науки и ее объект тесно «связаны»: напомним, что сам предмет определяется через объект (лат. *Objectum* – «предо мной»). Тем не менее, в ряде языков (в том

числе, к примеру, в русском или в немецком) возможность развести предмет и объект существует. Насколько можно судить, понятие «предмет» (разумеется, в интересующем нас гносеологическом смысле) было введено австрийским философом Р. Амезедером в 1904 году) для того, чтобы обозначить некоторую целостность, выделенную из мира объектов в процессе человеческой деятельности и познания. Амезедер разграничивал предмет и объект: единую теорию объекта можно создать путем сложения предметных срезов (Баронене, 2002).

В отечественной методологии науки сложилось разграничение предмета и объекта науки: объект науки – это часть, объективно существующий фрагмент действительности, предмет – это объект, интерпретированный в понятиях той или иной науки. Это разграничение (при всей его условности) представляется полезным для психологии: отсюда, в частности, следует, что человеческая психика является (или может являться) объектом многих наук (психология не обладает монополией на исследование психики), но каждая из наук выделяет в психике свой предмет, соотносимый с системой понятий этой науки. Для психологии это оборачивается парадоксом: фактически, чтобы выделить предмет психологии (а это чаще всего так или иначе трактуемая психика) в объекте психики, его прежде нужно задать. (Мы полагаем, вслед за Юнгом, что психология еще не в полной мере осознала этот парадокс: «Порой мне даже кажется, что психология еще не осознала объемности своих задач, а также сложной, запутанной природы своего предмета: собственно «души», психического, *psyche*. Мы еще только начинаем более или менее ясно осознавать тот факт, что нечто, понимаемое нами как психическое, является объектом научного исследования» (Юнг, 1994, с. 12–13). Здесь лишь заметим, что психика может исследоваться разными науками, поэтому при организации комплексного междисциплинарного исследования важно учитывать различия в трактовке предмета.

Прежде всего, отметим, что предметов может быть много. Понимания (трактовки) предмета различаются в зависимости от того, с какими целями выделяется предмет науки. Не претендуя на полноту, выделим несколько целей, в соответствии с которыми может задаваться трактовка предмета психологии.

1. Предмет задается, чтобы конституировать психологию как науку. Примером может послужить физиологическая психология Вундта как наука о непосредственном опыте. Вундт вводит понятие непосредственного опыта в качестве предмета психологии для того,

чтобы провозгласить психологию самостоятельной наукой, отличной от философии.

2. Предмет задается, чтобы определить область исследований. Это наиболее часто встречающийся случай. Когда в качестве предмета психологии полагают, к примеру, сознание или поведение, используют понятие предмет для того, чтобы указать область исследования.

3. Дифференциация предмета с целью уточнения исследовательских позиций (и достижения необходимых идеалов научности). Так, например, Ф. Brentano выделяет в сознании в качестве предмета исследования акты сознания (противопоставляя их содержанию, которое, по его мнению, предметом психологии не является), а Э. Титченер из сознания в качестве предмета психологии оставляет лишь психические процессы, элиминируя предметность, которую он квалифицирует как ошибку стимула.

4. Предмет науки выступает как средство опредмечивания проблемы. В качестве примера можно привести И.П. Павлова, увидевшего в условном рефлексе все богатство душевной жизни, или М. Вертгеймера, который в стробоскопическом эффекте («фи»-феномене) усмотрел реальность существования феноменального поля.

Другим моментом, осложняющим рассмотрение проблемы предмета психологии, является принципиальная множественность подходов к анализу предмета психологии. На этом стоит остановиться более подробно. Не ставя задачи дать исчерпывающее перечисление, укажем, что возможны различные подходы к анализу предмета психологии.

Возможен теоретический анализ предмета. На наш взгляд, это одна из основных задач методологии психологической науки. Одним из первых в новейшей истории отечественной психологии на необходимость такого анализа указал И.П. Волков (Волков, 2003). По нашему мнению, теоретический анализ предмета психологии должен дать ответ на вопрос, каковы функции предмета психологии в современной науке, какими должны быть основные характеристики и параметры предмета психологии. Отметим, что этот подход к анализу предмета при всей его актуальности разработан в наименьшей степени. Попытка такого анализа была предпринята нами ранее в ряде работ (Мазилев, 2005, 2006, 2007) и ниже (в рамках настоящего текста) мы остановимся на перспективах этого подхода более подробно.

Возможен содержательный анализ предмета психологии. Это наиболее распространенный и наиболее разработанный подход. Каждое оригинальное направление в психологии создает свое понимание предмета (что включается в предмет и как он рассматривается). В истории психологии (с легкой руки Brentano (Brentano, 1874) это определяется выражением «с точки зрения»: «с эмпирической точки зрения», с «точки зрения бихевиориста» и т. д.

Возможен анализ с точки зрения философии науки, когда психологические вопросы определения объекта и предмета трактуются исходя из общенаучного подхода. Примером может служить анализ, осуществленный известным методологом науки Э.Г. Юдиным (Юдин, 1978).

Возможен сравнительно-исторический подход к анализу предмета психологии. Это ретроспективный анализ, который направлен на то, чтобы зафиксировать изменения в понимании и трактовках предмета психологической науки на разных этапах ее развития). Этот подход широко представлен в историко-психологической литературе (Ярошевский, 1985) и др.

Несомненно, что, обсуждая проблему предмета психологической науки, стоит учитывать многообразие подходов. Кроме того, хорошо известно, что могут существовать различные способы задания предмета. И.Н. Карицкий, например, выделяет следующие способы экспликации предмета психологии: декларативный; постулирующий; дидактический; описательный; как совокупности предметов исследования и т. п. (Карицкий, 2004).

Специальная работа, посвященная предмету психологии, опубликована В.И. Гинецинским. «Для любой отрасли знания, в том числе психологии, определение собственного предмета, т. е. соотносимого с ней фрагмента действительности, аспектов и уровней его рассмотрения, составляет центральную задачу. Эта задача не имеет раз и навсегда найденного решения, она постоянно уточняется (видоизменяется) по мере развития самой науки» (Гинецинский, 1994, с. 61). Обсуждая вопрос об определении предмета психологии, автор отмечает: «Для определения предметной области психологии в общем можно воспользоваться пространственным представлением о положении этой области среди предметных областей других наук. Тогда для того чтобы определить предмет психологии, нужно очертить внешние (экстернальные) границы ее предметной области и показать ее внутреннюю (интернальную) расчлененность, поскольку сама психология может быть представлена также как совокупность (система) входящих в нее частных, научных дисциплин. Прочерчивание внешних и

внутренних границ предметной области психологии вместе с тем являет собой пример неявного (имплицитного) определения предмета. Поэтому в дополнение к ним следует предложить и вариант явного (эксплицитного) его определения. В качестве такового может выступать характеристика содержания понятий, которые используются для ее наименования в целом. Таким образом, мы приходим к разграничению трех вариантов определения предмета психологии: имплицитное экстернальное, имплицитное интернальное и эксплицитное» (Гинецинский, 1994, с. 61).

Не станем здесь сопоставлять различные способы задания предмета. Для нас важно подчеркнуть, что и сами процедуры задания предмета могут быть существенно различны.

Вывод, который следует из вышеизложенного: современная методология психологической науки пока не уделяет необходимого внимания анализу предмета психологии. Практически отсутствует теоретический анализ (поэтому, в частности, вместо классификаций мы вынуждены довольствоваться перечислениями, которые не являются исчерпывающими).

Как уже упоминалось, одним из первых на необходимость теоретического анализа предмета психологии указал И.П. Волков. Возникает вопрос, почему в психологии (как в отечественной, так и в зарубежной) практически отсутствуют работы по теоретическому исследованию предмета? Для того чтобы понять, почему так произошло, потребовался бы пространный историко-философский и историко-психологический экскурс. К сожалению, в рамках настоящей работы это невозможно, поэтому придется ограничиться несколькими краткими соображениями.

Теоретический анализ предмета, на наш взгляд, предполагает в первую очередь выявление функций, которые должен выполнять предмет психологической науки, а также его основные характеристики.

Представляется, что речь может идти о следующих функциях.

1. Конституирование науки. Это главная функция предмета. Именно понятие предмета науки делает возможным существование какой-то области знания в качестве самостоятельной научной дисциплины, независимой и отличной от других (Мазилов, 1998).

2. Обеспечение работы «машины предмета». Имеется в виду, что предмет должен обеспечивать возможность движения в предметном поле психологической науки и за счет внутрпредметных соотношений и исследовательских процедур производить рост предметного знания.

3. Обеспечение функции предметного «операционального стола» (М. Фуко), который бы позволял реально соотносить результаты исследований, выполненных в разных подходах и школах.

4. Дидактическая функция, связанная с построением содержания учебных предметов (Подробно об этом см. Гинецинский, 1994)). Назовем основные характеристики предмета.

1. Предмет должен существовать реально, должен не быть «искусственно» сконструированным (для того, чтобы быть предметом науки в подлинном смысле слова), т.е. он должен быть не свойством каких-то других предметов, а исследоваться должна психическая реальность (иными словами, предмет должен иметь онтологический статус).

2. Предмет должен быть внутренне достаточно сложным, чтобы содержать в себе сущностное, позволяющее выявлять собственные законы существования и развития, а не сводить внутренне простое психическое к чему-то внеположному, обеспечивая тем самым редукцию психического.

3. Понимание предмета должно быть таково, чтобы позволить разрабатывать науку психологию по собственной логике, не сводя развертывание психологических содержаний к чуждой психологии логике естественного или герменевтического знания.

Понимание психического исключительно как свойства материи делает невозможным изучение психического как реальности, объективно существующей. «Замыкание» психического на физиологию (имеются в виду попытки, совершаемые с упорством, достойным лучшего применения) лишает психического самодвижения, энергетических характеристик. Поэтому становится абсолютной неизбежностью обнаружение «причин» в биологии, в социуме, в логике. В результате получается, что психическое лишается собственных законов: на психическое переносятся либо механические (химические, термодинамические, синергетические и пр.), либо герменевтические закономерности. Но главное, все же, в том, что психологическое при таком подходе неизбежно сводится к непсихологическому. Между тем известное требование Эдуарда Шпрангера («psychologica-psychological») по-прежнему актуально для психологии. Не стоит и говорить о том, что пока психическое понимается как отражение, не существует реальной возможности соотношения исследований, в которых изучается, скажем, реагирование на тот или иной сигнал, и, к примеру, трансперсо-

нальные феномены, хотя они, несомненно, относятся к различным проблемным полям одной науки – психологии.

Ситуация с предметом вообще является источником постоянных недоразумений. Важно подчеркнуть, что, «закрывая» эту проблему (как часто и происходит), мы лишаемся надежды на установление какого-либо взаимопонимания в психологии. Представляется, что проблема предмета сейчас центральная для психологии. Причем необходимы не только конкретные исследования, обсуждающие ту или иную трактовку предмета, но разработка собственно концепции предмета.

Напомним, что проблема предмета имеет еще одну сложность. Выше мы уже затрагивали этот момент, попробуем дать дополнительные пояснения. В течение многих лет наша психология пребывала в состоянии раздвоенности. Поясним это. Официальным предметом психологии была психика (психе). Назовем это декларируемым предметом. Как показывает анализ, предмет психологии имеет сложное строение. Фундамент его составляет исходное, базовое понимание «психе». Как это часто бывает с фундаментальными допущениями, они могут и не осознаваться исследователем, а их место может занимать та или иная «рационализация». Таким образом, происходит разделение предмета на декларируемый («психе»), рационализированный и реальный. Декларируемый предмет (точнее, та или иная его трактовка) важен для психологии, в первую очередь, потому, что неявно, но действительно определяет возможные диапазоны пространств психической реальности. То, что в пределах одного понимания безусловно является психическим феноменом, достойным изучения, при другом представляется артефактом, случайностью, либо нелепостью, жульничеством и как бы не существует вовсе. Например, трансперсональные феномены представляют несомненную реальность для сторонника аналитической психологии и «совершенно невозможное явление» для естественно-научно-ориентированного психолога, считающего психический феномен исключительно «свойством мозга». Между декларируемым и рационализированным (в том случае, когда он есть) предметами складывается такое отношение: он («рационализированный») «оформляет», фиксирует ту или иную трактовку «психе». Реальный предмет – это то, что в действительности подлежит изучению (бесконечное число вариантов в системе «сознание/бессознательное – деятельность/поведение»).

Нам уже приходилось писать, что беспристрастный анализ может выявить удивительную картину. К примеру, исследователь-психолог считает, что занят изучением психики (декларируемый предмет). Рационали-

зированным предметом может быть отражение (наш исследователь изучает, к примеру, восприятие – «целостное отражение предметов, ситуаций и событий, возникающее при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные поверхности...») (Психология: словарь, 1990, с. 66). Отметим, что на уровне рационализированного предмета вся многомерность психики (и духовное, и душевное) оказывается редуцированной до отражения. Но самое интересное впереди. Ведь изучается-то на самом деле реальный предмет. А в качестве реального предмета выступают либо феномены самосознания в той или иной форме, либо, вообще, поведенческие (в широком смысле) феномены. Но это только предмет науки. В исследовании психолог, как известно, имеет дело с предметом исследования. Предмет исследования должен соответствовать предмету науки... Можно сказать, что он конструируется предметом науки.

В настоящее время совершенно очевидно, что трактовка психического как только отражения не соответствует современному уровню психологических знаний, создает непреодолимые трудности в развитии психологии. Необходимо новое широкое понимание предмета, позволяющее включить в сферу исследований психическую реальность во всех ее проявлениях. По нашему мнению, создать такое понимание можно на основе концепции предмета психологии, что мы считаем наиболее важной задачей методологии психологической науки на современном этапе ее развития. И исследователь в области психофизики, и исследователь в области трансперсональной психологии представляют одну науку – психологию. Сейчас складывается впечатление, что это представители совершенно разных наук, т.к. все у них разное. Поэтому понимание предмета психологии должно быть таким, чтобы в нем нашлось место как для одного, так и для другого. Только такое понимание даст возможность объединить наработки психологов разных школ и направлений. Без такого понимания невозможно обобщение накопленных в психологии огромных массивов знаний. Это очень сложная задача. Она, кстати, общая для отечественной и для мировой психологии (при всем различии подходов к исследованию психики). Соотнесение и упорядочение имеющегося материала на основе нового понимания позволят психологии стать фундаментальной наукой. В решении этой проблемы можно выделить два аспекта, а точнее, два этапа ее решения. Первый этап – формальное описание предмета (какие функции он должен выполнять, каким критериям соответствовать). Второй этап – содержательное наполнение концепта «предмет психологии». В этом направлении работа проводится. Представляется, что наиболее удачным

является термин «внутренний мир человека». Именно он позволяет, на наш взгляд, осуществить содержательное наполнение, вместив всю психическую реальность в полном объеме. Многие методологические проблемы психологии порождаются нерешенностью главной – выработкой нового понимания предмета. Противостояние парадигм, различия между естественнонаучной и гуманистическими ориентациями в психологии и т.п. – эти важнейшие проблемы являются следствиями нерешенности основного вопроса психологии. Проблема предмета – это действительно, если перефразировать классика, основной вопрос всей, в особенности новейшей психологии. Без ее решения трудно надеяться на качественный прогресс комплексных исследований. Обратим внимание, что такое наполнение позволяет преодолеть традиционные для психологии затруднения. В последние годы появляются новые подходы к изучению индивидуальности. На наш взгляд, представляется интересной попытка рассмотрения внутреннего мира человека как основы индивидуальности. Перспективность такого подхода связана с тем, что позволяет «навести мосты» между психическими процессами, с одной стороны, и индивидуальностью и личностью, с другой. Не секрет, что при традиционном понимании предмета психологии они в значительной степени оказываются «разорванными», а от «приговаривания» слова психика особенного «сближения» обычно не происходит. Более того, сегодня совершенно ясно, что академическая психология, являясь «наследницей по прямой» картезианского дуализма, не может объяснить активности психики. Если это еще как-то удастся сделать в сфере познания, то в области психологии индивидуальности затруднения становятся практически непреодолимыми.

Соотнесение и упорядочение имеющегося материала на основе нового понимания предмета как внутреннего мира человека является важным этапом на пути становления психологии фундаментальной наукой и, с другой стороны, необходимым условием для осуществления эффективных комплексных исследований.

Не подлежит сомнению, что и исследования в области социальной психологии личности – с учетом стратегий построения через внешний и внутренний контуры психологической интеграции (по А.Л.Журавлеву) – получают новые дополнительные перспективы развития.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модек», 1996. 384 с.

2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1969. 339 с.
3. Баронене С. Г. Особенности объекта и исследовательской позиции в гуманитарном исследовании // Гуманитарное исследование в образовании: опыт, размышления, проблемы. - Томск, 2002, с. 232–244.
4. Волков И.П. Перспективы развития теоретической и практической психологии в России: Возродить научные исследования по предмету психологии // Вестник Балтийской Академии, вып.3, 1996, с. 6–13.
5. Гинецинский В. И. Предмет психологии: дидактический аспект. М.: Изд. Корпорация Логос, 1994. 200 с.
6. Журавлев А.Л. Предмет и структура социальной психологии // Социальная психология. М.: Per Se, 2002, с. 5-9.
7. Журавлев А.Л. Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Под ред. А.Л.Журавлева, А.В.Юревича. М.: ИПРАН, 2007, с. 15-32
8. Касавин И.Т. Междисциплинарные исследования в контексте рефлексии и габитуса // Междисциплинарность в науках и философии [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.Т. Касавин. – М. : ИФРАН, 2010. С. 15-28.
9. Киященко, Л.П. Философия трансдисциплинарности [Текст] / Л.П. Киященко, В.И. Моисеев; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2009. – 205 с.
10. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
11. Мазилев В. А. Научная психология: тернистый путь к интеграции // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. - Ярославль, 2003, с.205-237
12. Мазилев В. А. Психология на пороге XXI века. Ярославль, 2001. 112 с.
13. Мазилев В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль, 1998. 356 с.
14. Мазилев В.А. О предмете психологии // Методология и история психологии: Научный журнал. Т.1. Вып. 1, 2006, с.55-72
15. Мазилев В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль, 2007. 352 с.
16. Мазилев В. А. Утраты и обретения: Еще раз о предмете научной психологии // Психология и практика: Ежегодник Российского Психологического Общества. Т. 4, выпуск 5 / Отв. ред. А. В. Карпов, В. А.

Мазиллов. Ярославль: ЯрГУ, МАПН, Российское Психологическое Общество, 1998, с. 49–54.

17. Мазиллов В.А. Методология современной психологии: актуальные проблемы [Текст] // Сибирский психологический журнал. 2013. № 50. С. 8-16.

18. Мазиллов В.А. Актуальные методологические проблемы современной психологии [Текст] // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал, № 2, том 2 (психолого-педагогические науки), 2013, с. 149-155

19. Мазиллов В.А. Психологическая наука: разработка коммуникативной методологии [Текст] // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал, № 1, 2010, с. 146-151

20. Мазиллов В.А. Методология отечественной психологической науки: основные направления исследований и разработок [Текст] // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал, № 3, том 2 (психолого-педагогические науки), 2010, с. 174-191

21. Мазиллов В.А. Парадигмы и принцип соизмеримости теорий в психологии // Психология XXI столетия. Новые возможности // Сб. по материалам ежегодного Конгресса «Психология XXI столетия. Новые возможности» под ред. Козлова В.В. – Новосибирск, Ярославль, МАПН, 2013, с.25-35

22. Мазиллов В.А. Интеграция психологического знания. Методологические проблемы. Ярославль: МАПН, 2008. 122 с.

23. Пиаже Ж. Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм // Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. Вып.1, 2. М.: Прогресс, 1966, с. 157–194.

24. Пиаже Ж. Психология, междисциплинарные связи и система наук // XVIII Международный психологический конгресс. 4-11 августа 1966 года. М., 1969. 168 с.

25. Психология: словарь / Под общ.ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. Изд. второе. М.: Изд. полит. лит., 1990. 496 с.

26. Роговин М.С. Введение в психологию. М., 1969. 384 с

27. Роцин С.К. Социально-психологические представления о личности в зарубежной психологии // Социальная психология. М.: Per Se, 2002, с. 61-66.

28. Сэмьюэлз Э., Шортер Б., Плот Ф. Критический словарь аналитической психологии К. Юнга. М.: ЭСИ, 1994. 184 с.

29. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности:

Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978. 392 с.

30. Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, 1994. 406 с.

31. Юнг К. Г. Аналитическая психология. СПб., 1994. 132 с.

32. Юревич А. В. Объяснение в психологии // Психологический журнал, № 1, 2006, с. 97–106.

33. Ярошевский М. Г. История психологии. 3-е изд., дораб. М.: Мысль, 1985. 575 с.

34. Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte. Bd. 1. Leipzig: Duncker&Humblot, 1874. 278 S.

34. Piaget J. The epistemology of interdisciplinary relationship // Interdisciplinarity. Problems of teaching and research in universities. P., 1972

35. Valsiner Y. Becoming Integrative in Science: Rebuilding Contemporary Psychology through Interdisciplinary and International Collaboration // Integrative Psychological and Behavioural Science, 2007, 41, p.1-5

© В.А.. Мазиллов, 2014.

© «PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

УДК 159.922.4 (075.8)

Некоторые методологические основания исследований в области этнопсихологии

В.А. Мазиллов *Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль*

В.Г. Морозин. *Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан*

Резюме: В статье обсуждаются важнейшие методологические вопросы, связанные с предметом психологической науки. Обсуждаются различные подходы к проблеме предмета. Утраты рассматриваются как обретения, поскольку движение к более глубокому пониманию психического есть явный прогресс. Предлагается взгляд на историю психологии как на обретение наукой своего под-

линного предмета. Предмет психологии должен способствовать исполнению ряда важных функций. Во-первых, он должен выполнять роль «операционального стола» (М. Фуко), который бы позволял реально соотносить результаты исследований, выполненных в разных подходах и школах. Во-вторых, он все же не должен быть «искусственно» сконструированным, а существовать реально, для того, чтобы стать предметом науки в подлинном смысле слова. В-третьих, он должен быть внутренне достаточно сложным, чтобы содержать в себе сущностное, позволяющее выявлять собственные законы существования и развития, а не сводить внутренне простое психическое к чему-то внешнеположному, обеспечивая тем самым редукцию психического. В-четвертых, понимание предмета должно быть таково, чтобы позволить разрабатывать науку по собственной логике, не сводя развертывание психологических содержаний к чуждой психологии логике естественного или герменевтического знания.

Ключевые слова: этнопсихология, психология, научная психология, предмет психологии, утраты, обретения, развитие науки, внутренний мир человека.

Summary: The article discusses the most important methodological issues related to the subject of psychology. Various approaches to the problem of the subject. The article discusses how the loss of acquisition, as the traffic to a deeper understanding of mental progress is obvious. Takes a look at the history of psychology as a science of its acquisition of a genuine item. The subject of psychology must fulfill a number of important functions. Firstly, it should serve as "an operational table" (Michel Foucault), which would allow us to really relate the results of studies carried out in different approaches and schools. Secondly, it should still not be "artificially" constructed, and there is real, in order to be the subject of science in the true sense of the word. Third, it must be internally complex enough to contain essential, allowing to identify their own laws of existence and development, rather than a simple set of internal mental to something externality, thereby reduction mental. Fourth, the understanding of the subject should be such as to allow science to develop its own logic, keeping the deployment of psychological contents alien to the logic of natural or hermeneutic knowledge.

Keywords: psychology, scientific psychology, the subject of psychology, loss, finding, development of science, man's inner world.

Вряд ли стоит долго говорить, что исследования в области этнопсихологии зависят от целого ряда более общих, в том числе и методологиче-

ских вопросов. В самом деле, то, как будет интерпретироваться культурное своеобразие того или иного этноса, существенно зависит от общих представлений об архитектонике психического.

Есть и собственно методологические, мировоззренческие вопросы. К таким в первую очередь относится проблема предмета психологической науки. Не является секретом, что духовности есть место в пределах далеко не каждой трактовки предмета психологии. И если духовность не включается в понимание предмета, трудно ожидать, что в такой психологии получат разработку механизмы, реализующие психические способности и возможности. Поэтому внутреннюю картину происходящего при попытках осуществления духовно-нравственного воспитания представить вряд ли удастся.

Отсюда, исследовательская работа и, в значительной степени, практическая деятельность в области этнопсихологии, оказываются тесно связанными с методологическими вопросами психологии и в первую очередь с проблемой предмета психологии. В ряде работ уже было показано, что многие методологические проблемы психологии являются производными от решения главной – проблемы предмета психологии (Мазиллов, 1998, 2013).

Герман Эббингауз в 1908 году в «Очерке психологии» заметил, что эта дисциплина «имеет длинное прошлое, но краткую историю» (Эббингауз, 1911, с. 9). Что касается длинного прошлого, то, как хорошо известно, в основном оно было «вписано» в философию, поскольку магистральная линия развития психологии исторически была связана именно с этой областью знания. Хотя нельзя не отметить того, что при желании уже в античности можно обнаружить известное «разделение» внутри психологического знания: Аристотель предпочитает использовать рассуждения о душе (*logos peri psyche*), Платон говорит о «психагогии» как об искусстве управления людьми, которое должно опираться на определенное знание человеческой души. Как справедливо указывает И. Брес, «психагогия» соседствует у Платона с «рассуждениями о душе» (Брес, 1988). К сказанному стоит добавить знаменитое сократовское «познай самого себя». Уточним, что тогда, естественно, не было ни психологии как науки (философское знание охватывало все аспекты души – выделять особый, психологический не было никакой нужды), ни самого слова – психология. Оно, как опять же хорошо известно, появилось куда позднее. Следовательно, при желании в этой дифференциации (при отсутствии общего термина – психология) можно увидеть одно из первых проявлений проблемы, которая

выйдет на первые роли значительно позднее. Тем не менее, проблема возникла. Формулировать ее можно по-разному: «психология и жизнь», или (что точнее) – «психология: наука и жизнь».

В конце XX столетия многие видные психологи как в нашей стране, так и за рубежом вновь в полный голос заговорили о кризисе в психологии. Подчеркивается, что кризис носит глубокий, принципиальный, явно методологический характер. Наиболее яркие проявления кризиса просматриваются именно в диссоциациях между научной психологией и психологией практической, между научной психологией и концепциями, ориентированными на самопознание (см. Мазилев, 2013, 2012).

Однако оказывается, что это еще не самая суровая оценка положения дел в современной психологии. Выясняется, что в третьем тысячелетии может быть поставлен под сомнение сам факт существования науки под названием «психология». Профессор университета Париж-V Ивон Брес пишет: «Каждого, кто в конце XX века захочет истолковать наличие в западной культуре такой отрасли знания, как психология, подстерегают две ошибки: ошибка «научная» и ошибка «философская» (Брес, 1988, с. 123). Научная ошибка состоит в том, что наличие университетских учебных курсов принимается как подтверждение факта существования психологии как науки. «Действительно, за все эти сто лет, которые отделяют нас от чисто символической даты открытия Вундтом первой лаборатории экспериментальной психологии в Лейпциге в 1879 году, современная психология ни по своему предмету, ни по своим методам, ни особенно по своим результатам не проявила себя как наука» (Брес, 1988, с. 123). Философская же ошибка «будет заключаться в том, что на основании этого различия мы объявим о несостоятельности или незаконности психологии и ограничимся знаниями о человеке, содержащимися в философии и литературе, признавая недействительным всякий «научный» подход к изучению человека» (Брес, 1988, с. 123).

Так все же, можем ли мы считать психологию наукой? Несомненно, да. Для обоснования однозначно утвердительного ответа было бы полезно вспомнить некоторые «исторические» эпизоды. К сожалению, здесь нет возможности обсуждать их сколь-нибудь подробно. Как известно, возможность эмпирической психологии была обоснована Христианом Вольфом. Вольф, будучи философом, пытался провести разграничение между теоретическим и эмпирическим, результатом чего явилось разделение психологии на рациональную и эмпирическую. Отметим лишь, что слово «эмпирическая» не должно вводить в заблуждение: об эмпирическом исследо-

вании речь, разумеется, ни у Вольфа, ни даже в более позднее время – в первой половине XIX столетия – не шла (Мазиллов, 1998, 2007).

Выделение психологии в самостоятельную дисциплину, произошедшее во второй половине XIX столетия, имело целый комплекс причин: как внутренних, так и внешних. К последним необходимо, в частности, отнести критику психологии И. Канта и О. Конта. Не имея возможности останавливаться на этом вопросе, отмечу лишь, что научная психология сформировалась как дисциплина эмпирическая, элементаристская, каузальная, «конструктивная» (стремящаяся объяснить целое через организацию элементов, «построить» его), основанная на принципах психофизиологического параллелизма.

Фактически само становление научной психологии сопровождалось жесткой критикой. В том же 1874 году, когда были опубликованы вундтовские «Основы физиологической психологии», появилась книга Ф. Brentano, в которой была изложена альтернативная программа построения психологии. Brentano настаивал на интенциональном характере психического. На самом деле главная мысль, которую содержал труд Brentano, можно сформулировать проще: Brentano протестовал против «конструктивно-го» и элементаристского характера психологии, утверждая, что психические явления необходимо изучать в их целостности (Brentano, 1874). Особенно стоит обратить внимание на то, что Brentano уделяет особенное внимание классификации психических феноменов (Brentano, 1925). На наш взгляд, Brentano был первым, кто предложил типологический подход к построению научной психологии. Кризис психологии может быть понят как непрекращающиеся попытки найти такое понимание предмета психологии, которое было бы научным и одновременно не несло бы в себе «неоправданных ограничений» (М.С. Роговин, Г.В. Залевский).

История психологии – история поисков предмета психологии. Как справедливо заметил М.Г. Ярошевский, цитируя автора статьи в «Британской энциклопедии»: «Бедная, бедная психология. Сперва она утратила душу, затем психику, затем сознание и теперь испытывает тревогу по поводу поведения» (Ярошевский, 1996, с. 5). Вместе с тем все эти утраты можно рассматривать и как обретения, поскольку движение к более глубокому пониманию психического есть явный прогресс: вместе с каждой утратой очередного предмета становится ясно, что, конечно же, психическое есть только что «утраченное», но и, несомненно, нечто сверх того. Поэтому правомерен взгляд на историю психологии как на обретение наукой своего подлинного предмета.

В настоящее время в психологии наблюдается своего рода «методологическая передышка», выражающаяся, в частности, в том, что вопросы, связанные с трактовкой предмета психологии, по сути, перестали обсуждаться. В значительной степени это связано с усилением разработки конкретной психологической проблематики, с одной стороны («дело надо делать») и с сомнениями в возможностях методологии, с другой.

Тем не менее, представляется, что сейчас вряд ли найдется более актуальная и насущная проблема. Вспомним, что кризис, который в настоящее время охватил нашу психологию, вряд ли исчезнет сам по себе. Для этого требуется методологическая работа. И первым пунктом в этой работе должно быть уточнение понимания предмета психологической науки.

Остановимся лишь на одном моменте. Предмет психологии должен выполнять ряд важных функций. Во-первых, он должен выполнять роль «операционального стола» (М. Фуко), который бы позволял реально соотносить результаты исследований, выполненных в разных подходах и школах. Во-вторых, он все же должен не быть «искусственно» сконструированным, а существовать *реально*, для того, чтобы быть предметом науки в подлинном смысле слова. В-третьих, он должен быть внутренне достаточно сложным, чтобы содержать в себе *сущностное*, позволяющее выявлять *собственные законы существования и развития*, а не сводить внутренне простое психическое к чему-то внеположному, обеспечивая тем самым редукцию психического. В-четвертых, понимание предмета должно быть таково, чтобы позволить разрабатывать науку по собственной логике, не сводя развертывание психологических содержаний к чуждой логике естественного или герменевтического знания.

Можно продолжать, поскольку найдется и в-пятых, и в-шестых. Обратим внимание, на тот момент, что, очевидно, сегодняшнее понимание психического как отражения (а его еще никто не отменял, имплицитно такое определение присутствует в очень многих отечественных современных психологических текстах), по сути, не выполняет ни одной из вышеуказанных функций.

Понимание психического исключительно как свойства материи делает невозможным изучение психического как реальности, объективно существующей. «Замыкание» психического на физиологию (имеются в виду попытки, совершаемые с упорством, достойным лучшего применения) лишает психического самодвижения, энергетических характеристик. Поэтому становится абсолютной неизбежностью обнаружение «причин» в биологии, в социуме, в логике. В результате получается, что психическое

лишается собственных законов: на психическое переносятся либо механические (химические, термодинамические, синергетические и пр.), либо герменевтические закономерности. Но главное, все же, в том, что психологическое при таком подходе неизбежно сводится к непсихологическому. Между тем известное требование Эдуарда Шпрангера («psychologica – psychological») по-прежнему актуально для психологии. Не стоит и говорить о том, что пока психическое понимается как отражение, не существует реальной возможности соотнесения исследований, в которых изучается, скажем, реагирование на тот или иной сигнал, и, к примеру, трансперсональные феномены, хотя они, несомненно, относятся к различным проблемным полям одной науки – психологии.

И здесь уместно вспомнить о словах Эббингауза, которыми открывалась настоящая статья. Психология – действительно очень молодая наука. С.Л. Рубинштейн в 1940 году повторил этот тезис: «Психология и очень старая, и совсем еще молодая наука. Она имеет за собой тысячелетнее прошлое, и, тем не менее, она вся еще в будущем» (Рубинштейн, 1946, с.46). Важно осознать, что путь, указанный Вундтом – лишь один из возможных. Психология, которая выделилась из философии одной из последних, прошла *путь эмбриона*: она попыталась воспроизвести для своего становления схемы, выработанные в других науках – в естествознании, в герменевтике. Она примерила на себя модные одежды синергетики, постмодернизма и конструктивизма. А теперь приближается то время, когда она может пойти по своему пути, раскрывая свои законы, делая это своими методами, реализуя свою логику.

Действительно, путь научной психологии от Вундта до Пиаже состоял в том, что психическое лишалось права на объективное существование, поэтому редукция прямая или опосредованная была неизбежной. Однако неверно было бы полагать, будто вся психология была такой. Здесь хотелось бы указать на опыт аналитической психологии Карла Густава Юнга. Точнее, комплексной психологии – использовавшееся «ранним» Юнгом самоназвание, представляется, было точнее. По нашему мнению, методологические идеи К.Г. Юнга до сих пор в достаточной степени недооценены. К сожалению, здесь нет возможности обсуждать методологию «общей психологии» (по Выготскому), разработанную Юнгом (см. об этом (Мазилев, 2007)).

Отметим только, что, возможно, в юнговских работах содержится указание на перспективное направление поисков.

Впрочем, авторы настоящих строк отнюдь не хотели бы «заставить» всю психологию стать аналитической психологией, развивающей идеи К.Г. Юнга. Эти положения приведены лишь для того, чтобы показать принципиальную возможность *иного* понимания предмета психологической науки. Разрабатывать методологию (да и пытаться создавать *теорию* психического современной психологии предстоит самостоятельно).

Утратив узкое, неадекватное понимание своего предмета, психология обретет возможность конструктивного внутри- и вненаучного диалога, возможность интеграции различных концепций, по-разному подходящих к исследованию человеческой души. Тем самым психология обретет свое законное место в системе наук, обретет статус фундаментальной науки, и, возможно, станет основой наук о духе. Представляется, что на рубеже XXI века психология находится на пороге нового этапа своего развития, который сделает ее самостоятельной фундаментальной наукой. Это, по-видимому, имел в виду Б.Г. Ананьев, когда писал: «недалеко то время, когда психология займет одно из важнейших мест в общей структуре человеческого знания» (Ананьев, 1996, с.376).

Известный французский историк Марк Блок в свое время написал – и с этими словами невозможно не согласиться сегодня, более, чем две трети века спустя: «Итак, мы ныне лучше подготовлены к мысли, что некая область познания, где не имеют силы Евклидовы доказательства или неизменные законы повторяемости, может, тем не менее, претендовать на звание научной. Мы теперь гораздо легче допускаем, что определенность и универсальность – это вопрос степени. Мы уже не чувствуем своим долгом навязывать всем объектам познания единообразную интеллектуальную модель, заимствованную из наук о природе, ибо даже там этот шаблон уже не может быть применен вполне. Мы еще не слишком хорошо знаем, чем станут в будущем науки о человеке. Но мы знаем: для того, чтобы существовать, продолжая, конечно, подчиняться основным законам разума, – им не придется отказываться от своей оригинальности или ее стыдиться» (Блок, 1986, с.13-14).

В настоящее время в решении проблемы предмета можно выделить два аспекта, а точнее, два этапа ее решения. Первый этап – формальное описание предмета (какие функции он должен выполнять, каким критериям соответствовать). В значительной степени эта работа к настоящему времени завершена. Второй этап – содержательное наполнение концепта «предмет психологии». В этом направлении работа проводится в настоящее время. Представляется, что наиболее удачным является тер-

мин «внутренний мир человека» или «мир внутренней жизни человека» (В.Д. Шадриков). Именно он позволяет, на наш взгляд, осуществить содержательное наполнение предмета, вместив всю психическую реальность в полном объеме. Многие методологические проблемы психологии порождаются нерешенностью главной – выработкой нового понимания предмета. На наш взгляд, представляется чрезвычайно интересной попытка рассмотрения внутреннего мира человека как основы индивидуальности.

В плане обсуждения вопроса о практической реализации идей духовно-нравственного воспитания кажется перспективной представлением общей психологии как науки о внутреннем мире человека (Шадриков, Мазиллов, 2014). Такой подход позволяет по-новому и, на наш взгляд, эффективно рассмотреть комплекс вопросов, связанных и с научным исследованием, и с практикой воспитания.

На наш взгляд, это позволяет преодолеть извечный психологический «раскол» между психическими процессами и личностью (индивидуальностью). Перспективность такого подхода связана с тем, что он позволяет «навести мосты» между психическими процессами, с одной стороны, и индивидуальностью и личностью, с другой. Не секрет, что при традиционном понимании предмета психологии они в значительной степени оказываются «разорванными», а от «проговаривания» слова психика особенного «сближения» обычно не происходит. Более того, сегодня совершенно ясно, что академическая психология, являясь «наследницей по прямой» картезианского дуализма, не может объяснить активности психики. Если это еще как-то удастся сделать в сфере познания, то в области психологии индивидуальности затруднения становятся практически непреодолимыми.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания [Текст] . М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 384 с.
2. Блок М. Апология истории или ремесло историка. [Текст] М.: Наука, 1986. 256 с.
3. Брес И. Генезис и значение психологии [Текст] // Современная наука: Познание человека. М.: Наука, 1988, с. 123-140.
4. Мазиллов В.А. Методология современной психологии: актуальные

проблемы [Текст] // Сибирский психологический журнал. 2013. № 50. С. 8-16.

5. Мазиллов В.А. Актуальные методологические проблемы современной психологии [Текст] // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал, № 2, том 2 (психолого-педагогические науки), 2013, с. 149-155

6. Мазиллов В.А. Психологическая наука: разработка коммуникативной методологии [Текст] // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал, № 1, 2010, с. 146-151

7. Мазиллов В.А. Методология отечественной психологической науки: основные направления исследований и разработок [Текст] // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал, № 3, том 2 (психолого-педагогические науки), 2010, с. 174-191

8. Мазиллов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998. 356 с.

9. Мазиллов В.А. Методология психологии. Ярославль: МАПН, 2007. 359 с.

10. Морогин В.Г. Психологическая концепция идентичности // Сибирский педагогический журнал. Новосибирск, 2011. № 11. С. 233-254.

11. Морогин В.Г. Теория и методология экспериментально-психологического исследования ценностно-потребностной сферы личности. Часть I // Социальный психолог. Ярославль, 2007. № 1. С. 27-39.

12. Морогин В.Г. Теория и методология экспериментально-психологического исследования ценностно-потребностной сферы личности. Часть II // Социальный психолог. Ярославль, 2008. № 1. С. 19-30.

13. Морогин В.Г. Теория и методы исследования ценностно-потребностной сферы личности // Гуманитарные науки и образование в Сибири. Новосибирск, 2009. № 3. С. 12-28.

14. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Изд. второе. [Текст] М.: Гос. уч.-пед. изд.-во мин. просв. РСФСР, 1946. 704 с.

16. Шадриков В.Д., Мазиллов В.А. Общая психология. Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2014

17. Эббингауз Г. Очерк психологии. [Текст] С.-Петербург: Изд. О.Богдановой, 1911. 242 с.

18. Ярошевский М.Г. Наука о поведении: Русский путь. [Текст] М.: Изд-во "Институт практической психологии", Воронеж: НПО "Мо-дэк", 1996. 380 с.

19. Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte /Hrsg. von

Oskar Kraus. Bd. 1. [Текст] Leipzig: Meiner, 1924. XCVII, 278 S.

20. Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte/Hrsg. von Oskar Kraus. Bd 2. [Текст]. Leipzig: Meiner, 1925. XXIII, 337 S.

© В.А.. Мазиллов, В.Г. Морогин, 2014.

© «PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

УДК 37.014 (571.16)(=511.21)

Состояние и перспективы развития образования коренных малочисленных народов Томского Севера

С. М. Малиновская. *Институт развития образовательных систем Российской академии образования, Томск*

Современный уклад жизни общества характеризуется ростом мобильности населения, развитием всех сфер жизнедеятельности (техника и технология, производство, наука и культура), что приводит нередко к утрате или нивелированию накопленного старшими поколениями этнического опыта и культуры и, как следствие, к возможной утрате уникальной системы этнического разнообразия страны и обеднению ее культурной палитры. В силу этого требуются специально организованные меры по возрождению, сохранению и развитию этнической культуры, особенно культуры малочисленных коренных народов. Применительно к Томской области это может относиться к коренным народностям Севера.

В Томской области большая часть коренных малочисленных народов – это народы Севера: эвенки, чулымцы (чулымские тюрки), ханты, селькупы. Они проживают на территории своего традиционного расселения в районах, относимых к территориям Крайнего Севера или приравненных к ним. Чулымские тюрки компактно живут в Тегульдетском районе. В Александровском районе проживают ханты, селькупы; в Верхнекетском районе — селькупы, эвенки; в Колпашевском — селькупы;

в Каргасокском — ханты, селькупы, эвенки; в Парабельском — селькупы. Кроме того, они расселены и в других районах области, включая г. Томск. В настоящее время народы Севера не составляют большинства населения в местах своего исконного расселения. Территориальная удаленность является существенным препятствием для получения ими образования высокого уровня. При этом прерываются традиции передачи знаний языка и культуры коренных малочисленных народов Севера последующим поколениям. Проблема сохранения этнической уникальности каждого народа и народности защищена ратифицированной в подавляющем большинстве стран мира Декларацией Организации Объединенных Наций о правах коренных народов (2007).

На современном этапе коренные малочисленные народы Томского Севера (Нарымского края) переживают сложные культурные трансформации. Ситуация отношения к коренным народностям обостряется их малочисленностью, особенностью мест расселения и уклада жизни (суровый климат, заболоченность местности, наличие очагов природных инфекций, дисперсность расселения, особая система жизнеобеспечения). Основными демографическими тенденциями народностей Нарымского края является уменьшение средней продолжительности жизни, нуклеаризация традиционных межпоколенных семей, рост числа неполных семей, разводов и т.д. Этнические проблемы в значительной степени связаны с высоким уровнем безработицы. Падение доходов населения приводит к проблемам с питанием, недостатком жизненно важных компонентов. Среди социальных проблем необходимо выделить проблемы с образованием и медицинским обслуживанием. Два основных фактора – плохая экология и обнищание населения – приводят к высокому уровню заболеваемости, ранней алкоголизации [1].

Регион проживания народностей Севера располагает уникальными минерально-сырьевыми, топливно-энергетическими, биологическими ресурсами. Интенсивное промышленное освоение без соблюдения социально-экономических требований нанесло и продолжает наносить огромный ущерб их жизнедеятельности. Изучение статистических данных за последние 10 лет показывает, что, несмотря на предпринимаемые государством меры, уровень жизни народностей Севера продолжает ухудшаться, что ухудшение положения коренных народностей на региональных рынках труда обусловлено низким уровнем их общего и профессионально-технического образования. Суть современной проблемы

народностей Севера заключается в том, что эти народы теряют свои традиционные хозяйственные занятия, трудовые и бытовые навыки, этническую культуру и язык, и весь многовековой уклад жизни в суровых условиях Севера. Отсюда возникает историческая необходимость борьбы этих народов за выживание, возрождение и развитие. Необходима продуманная государственная политика, направленная на поддержание и усиление их жизнеспособности. В администрации Томской области в последние годы нет даже штатного отдела народностей Севера. Эти функции выполняют заведующие отделами или инструкторы, занятые другой постоянной работой. В районах развитие промыслового хозяйства рассматривается как второстепенное занятие, никаких действий по его совершенствованию и техническому оснащению фактически не осуществляется. Не уделяется должного внимания и культурно-просветительной работе, здравоохранению и образованию на Севере области. В школах в настоящее время не осуществляется изучение родных языков и истории народов Севера, приемов и навыков ведения традиционного хозяйства, обучение охотничьему и рыболовному промыслам на уроках труда. В результате современное поколение многих северных народностей или их групп утратило навыки работы в промысловом хозяйстве, не желает заниматься охотой, рыбной ловлей, хотя труд в этих отраслях приносит хороший заработок. Создалась уникальная ситуация, почти не имеющая аналогов в других регионах страны: народ, обладающий этническим самосознанием, но без традиционной культуры и фактически без родного языка – на севере Томской области и полное обрусение значительной части этого народа – в южных районах той же области. Развитию данного процесса способствовало и то обстоятельство, что: к настоящему времени все имевшиеся ранее национальные школы-интернаты для детей коренных народностей ликвидированы [2, 3]. Сегодня в области работают на общественных началах кружки по изучению языка и культуры в г. Стрежевом, г. Колпашево (кочевая школа, учитель Н.П.Иженбина), с. Парабель (язык и культура, И.А.Коробейникова), с. Каргасок (хантыйский язык и культура, Н.Б.Вялова), с. Нельмач (учитель С.Н. Чинина).

Общественные проблемы в первую очередь отражаются на детях, и, чтобы предотвратить утрату культурного наследия и исчезновение малочисленных народов Севера, необходимо усилить социальную защиту детства. Для этого требуется изучение этносоциальных и культурных особенностей коренных народов. Издание книг и учебников на языках

коренных народов, сборников фольклора и истории этих народов, развитие профессиональной ориентации, психологической поддержки и социальной инфраструктуры в местах компактного проживания. При исследовании процесса социальной защиты детей возрастает роль мониторинга как постоянного наблюдения за их состоянием, качественного анализа организации их социальной защиты: получение информации о положении детей в местах компактного проживания; выявление и анализ состояния социальной инфраструктуры детства; анализ реализации социальных программ; изучение общественного мнения по проблемам детей коренных народов.

Этнокультурный компонент развития регионального образования является актуальной проблемой, имеющий особую значимость, становясь одной из первоочередных задач теории и практики педагогики. Ведущее место в данном контексте занимает противоречие между складывающимся рынком как системой хозяйствования и низким уровнем знаний, умений и способов поведения, адекватных его природе. Вследствие этого необходимо воссоздание потенциала традиционной культуры и традиционной народной педагогики, где особое место отводится образованию при условии введения в общеобразовательную практику региона этнокультурного компонента. Решение проблемы построения образовательного процесса с опорой на этнокультурный компонент, позволит создать этносоциальную среду для полноценного формирования у детей этнокультурной компетентности, необходимой для социализации личности в современном мире. Возникла необходимость разработки образовательной модели – формирование системы, направленной на возрождение языка и культуры коренных малочисленных народов Севера на основе сохранения этнокультурных традиций. Методологическим основанием разработки образовательной модели послужили научные положения: о социальной природе воспитания, психолого-педагогической концепции социализации, о принципе культуру- и природосообразности, принципе историзма и объективности; о гуманизации как социально-ценностной основе жизни; о новейших теоретических достижениях отечественной и зарубежной науки по проблемам этноса; о понимании этнокультурного процесса как органической составляющей общей эволюции мировой цивилизации, находящейся под воздействием различных факторов внешней этносферы: социально-экономических, политических, культурных. Важнейшим теоретическим основанием этнокультурного образования малочисленных народностей Севера

является конструирование таких педагогических технологий, которые органично включают природные механизмы, координирующие повседневную деятельность и возможности человека, не отрываясь от естественнонаучных предпосылок.

Нормативно-правовые основы образовательной деятельности определены в основополагающих законодательных актах РФ и Томской области: Конституции РФ, 1993 г.; Законе РФ «Об образовании в Российской Федерации», 2012 г.; «Об общественных объединениях», 1995 г.; «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ», 1998 № 124-ФЗ (ред. от 02.07.2013); «О языках народов РФ», 1991 г.; «Национальной доктрине образования РФ до 2025 г.»; Декларации ООН о правах коренных народов от 13 августа 2007 г.; «Концепции национальной образовательной политики РФ», 2006 г.; «Концепции модернизации российского образования на период до 2020 г.»; законе Томской области «Об образовании в Томской области», 2013 г.; «Концепции модели этнической (национальной) школы для коренных малочисленных народов Севера РФ» – Авторский коллектив: М.Н.Кузьмин, О.И. Артеменко и др. М.: ИНПО, 2001; «Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», утвержденной Правительством РФ 4.02.2009 г. (№ 132-р); Стратегии развития этнокультурного образования в Томской области на период 2010–2014 г.г. и областной межведомственной программы «Этнокультурное образование в Томской области на период 2010–2014 г.г.»; долгосрочной целевой программы «Развитие инфраструктуры общего образования Томской области на 2013 – 2015 годы»; видеоизмененной целевой программе «Развитие системы дополнительного образования детей и молодежи Томской области» на 2007-2009 годы; областной целевой программе «Общегражданский мир и межэтническая толерантность», 2012 -2014 гг. и др.

Исследовательский интерес для нас представляет опыт современного этнокультурного образования в штате Аляска (США), штата, близкого к Северу Сибири по географическим особенностям [4]. В 1998 г. общественным комитетом были разработаны культурные стандарты штата Аляска. В основе «культурных стандартов» лежит понимание того, что традиции родного языка и культуры местного населения каждого региона являются необходимым фундаментом для полноценного развития учеников и местного сообщества в целом. «Культурные стандарты» помогают оценить качество образования на уровне подготовленности педагогов, реализации учебных программ и деятельности школы во всем

штате. Стандарты разработаны по 5 разделам: для учеников, для педагогов, учебных программ, школ и общественности региона. Предлагаемые стандарты являются дополнением, а не замещением существующих принятых образовательных стандартов. Ученики, соответствующие «культурному стандарту», способны: принимать на себя ответственность за свою роль в развитии культурного сообщества и своих обязательств как членов сообщества; знать свою родословную; усваивать и передавать традиции своего сообщества в форме устной и письменной истории сообщества; нести ответственность за окружающую среду; понимать роль местного языка, который играет решающую роль в осознании этнокультурной идентичности; жить в согласии с культурными ценностями и традициями и интегрировать их в повседневную практику; определять место своего народа в национальной политике региона и страны, в интернациональной политике и экономических системах.

Стандарты для школ определяют активное участие старейшин во всех аспектах образовательного процесса. Культурные стандарты для местного сообщества направлены на распространение идеи использования местных традиций в повседневной практике.

Развитие коренного населения невозможно без специализированной профессиональной подготовки национальных кадров. С этой целью необходимо на базе профессиональных училищ и колледжей открыть специальности или специализации, ориентированные на профессиональную подготовку в традиционных способах деятельности народов Севера. Так, на базе ПУ № 22 с. Каргасок и ПУ № 28 с. Парабель следует открыть подготовку по специальностям «рыбак, прибрежное рыболовство и судовождение», «переработка рыбы», «скорняжное дело и пошив изделий из меха», «изделия из бересты», на базе Колпашевского медицинского училища – спецкурс «Народная медицина»; на базе колледжа общественного питания – специализацию «национальная кухня», на базе Томского губернского колледжа культуры и искусств – специализацию «этнический туризм», «этнический фольклорный ансамбль», на базе Томского и Колпашевского педагогических колледжей – специализацию «Учитель родного языка и малокомплектной школы» др. Также важно решить проблему квотирования мест подготовки кадров для коренных народностей в вузах. Рассмотреть вопрос о возможности открытия в г. Колпашево школы-интерната с начальной профессиональной подготовкой для детей коренных народностей Севера, а также нескольких комплексов «детский сад – школа» с этнокультурным компонентом

образования, например, в г. Колпашево, с. Парабель, с. Нельмач, с. Каргасок, с. Александровское, с. Тегульдет; создать условия для эффективной работы кочевой школы в Колпашевском районе (учитель Н.П. Иженбина); в местах компактного проживания народностей Севера на базе этнокультурных центров организовать работу кружков по изучению родного языка и культуры.

Сегодня актуальным как в теоретическом, так и в практическом плане является системный, комплексный, междисциплинарный анализ принципов, условий и средств вхождения традиционной этнической культуры в современный культурный контекст, в современную социокультурную среду, в определении конкретных механизмов ее адаптации к этому контексту. Одним из важных условий решения этой задачи является, на наш взгляд, достижение единства культурно-образовательного пространства северных регионов, согласованность культурной и образовательной политики. Речь идет о формировании таких культурно-адаптационных механизмов, которые бы, выполняя развивающие функции, сохраняли и не искажали основные ценностные установки традиционных культур, значимые для других культур [5].

© С. М. Малиновская, 2014.

© «PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

— ● —

УДК 159.9.07

Потребность в безопасности городских жителей Красноярского края – представителей русского и смешанного этносов в старшем подростковом возрасте

А.В. Мантикова. *Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», Абакан*

Потребность в безопасности можно определить как потребность в защищенности, стабильности, в отсутствии страха, тревоги и хаоса; потребность сохранения физического и психического здоровья; потребность в структурированности и упорядоченности окружающего мира; в законе и

регуляции социального поведения; в помощи и покровительстве [4]. Вместе с эволюцией общества потребность в безопасности развивается, начиная с простой физической безопасности, переходя к более сложной – духовной и социальной безопасности. Уже на уровне физической безопасности обнаруживается, что эта потребность по-разному воспринимается и влияет на поведение.

Потребность в безопасности может удовлетворяться не только такими простыми и очевидными способами, как физическая охрана людей, имущества или защита информации. Социальный аспект безопасности включает в себя стремление иметь постоянное место жительства, надежное место работы, материальные сбережения, различные страховки, социальные гарантии (здравоохранение, образование, пенсионное обеспечение). В обществе существует потребность не только в личной, но и в общественной безопасности – это государственная, финансовая, продовольственная безопасность региона, страны в целом [4].

Недостаточное обеспечение государством этих направлений личной и общественной безопасности создает напряжение, рассогласование в зонах безопасности общественной и родовой подструктур ценностно-потребностной сферы личности (ЦПСЛ) [3].

Потребность в безопасности в любом возрасте находится среди ведущих в иерархии потребностей индивида в силу обеспечения одной из приоритетных задач – выживания, без которого неосуществимы все остальные потребности [2]. Данная потребность «включается», как правило, после удовлетворения основных физиологических потребностей. Вместе с тем, в некоторых случаях, стремление к безопасности может превратиться в первостепенную потребность, и всецело определять поведение личности. Поэтому исследование потребности в безопасности должно определить нормативный коридор, в пределах которого она служит обеспечению выживаемости личности, но не превращается в доминанту, когда в поведении начинают проявляться патологические черты. Подростковый возраст – один из сензитивных периодов, в котором возможна перестройка иерархии потребностей на «внешнем» фронте – в общественной подструктуре ценностно-потребностной сферы личности, за счёт влияния общественных институтов, и, в частности, общественного мнения, социальных норм, СМИ. В это же время возможна динамика и в родовой подструктуре ценностно-потребностной сферы личности подростка, то есть, на более глубоких уровнях, но она в значительной степени менее выражена, так как для изменения любой из ценностно-потребностных зон родовой под-

структуры ЦПСЛ требуются значительные периоды времени, выходящие за рамки старшего подросткового возраста [1]. К тому же на уровне родовой подструктуры ЦПСЛ в её динамике сложнее установить причинно-следственные связи. Важным является также этнический аспект формирования потребности в безопасности у старших подростков мужского пола.

Выборку исследования составили 120 подростков профессиональных училищ Красноярского края, средний возраст 15,4 лет, которые были разделены по этническому признаку: 69 подростков – представители русского этноса и 51 – смешанного.

Подростки участвовали в опросе, целью которого было выявление субъективного ощущения степени их личной безопасности, безопасности их семьи, безопасности местности, в которой они проживают, и других локальных аспектов безопасности. Для определения различий между выборками использован t-критерий Стьюдента. География опроса: 7 городов Красноярского края: Красноярск, Лесосибирск, Ачинск, Канск, Железнодорожск, Зеленогорск, Минусинск. Пропорция подростков русского и смешанного этносов в данных городах: 57-60% подростков русского этноса, 40-43% подростков смешанного этноса.

Также, у всех подростков были диагностированы ценностно-потребностные зоны безопасности общественной и родовой подструктур ЦПСЛ при помощи автоматизированной системы диагностики ЦПСЛ [3].

Результаты опроса субъективного ощущения безопасности у старших подростков смешанного и русского этносов представлены на Рис 1.

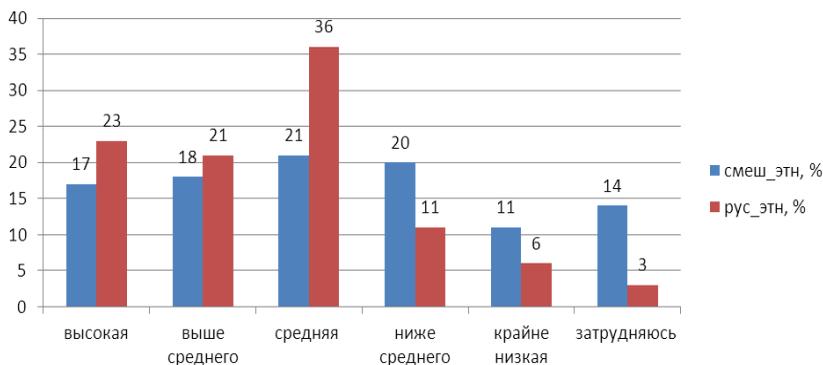

Рис 1. Оценка уровня личной защищенности от террористических угроз респондента и его семьи.

Подростки русского этноса, в целом, более оптимистично оценили степень личной защищённости от террористических угроз, что напрямую связано с потребностью в безопасности. Среди подростков смешанного этноса на 11% больше тех, кто не смог оценить степень личной защищённости от террористических угроз, выбрав ответ «затрудняюсь ответить». Это свидетельствует о том, что, с одной стороны, подростки русского этноса более осведомлены в данном вопросе, с другой – их потребность в безопасности более актуализирована на осознанном уровне, чем у подростков смешанного этноса.

Статистическое большинство подростков русского этноса (33%) полагают, что населённый пункт, в котором они проживают, защищён от террористических угроз в средней степени. Такого же мнения придерживается на 10% меньше среди подростков смешанного этноса. В мнении о высокой степени защиты своего населённого пункта подростков русского этноса на 7% больше, чем подростков смешанного этноса. Затруднившихся ответить на данный вопрос вновь больше среди подростков смешанного этноса.

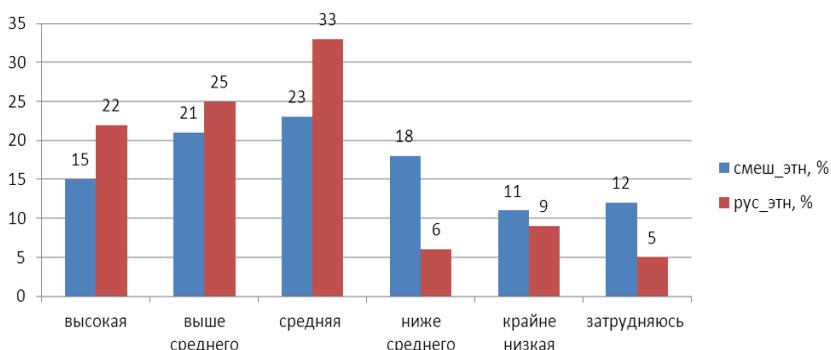

Рис.2. Оценка уровня защищенности от террористических угроз жителей населенного пункта респондента.

По другим вопросам, также относящимся к потребности в безопасности, получены ответы, различия по которым практически нивелированы между подростками разных этнических групп. Однако можно заключить, что у подростков русского этноса, по сравнению с подростками смешанного этноса, выше уровень осознанности и осведомлённости о таких аспектах безопасности, как личная защищённость от террористических угроз подростка и его семьи, защищённость от террористических угроз городов,

в которых проживают подростки, способы, как обезопасить себя в быту, антитеррористические мероприятия в стране и городе проживания подростка, меры предосторожности в местах массовых скоплений людей. На основе данных опроса можно сделать предположение, что у подростков русского этноса ценностно-потребностная зона безопасности в общественной подструктуре ЦПСЛ будет более выраженной. Перейдём к результатам исследования данной ценностно-потребностной зоны в обеих подструктурах ценностно-потребностной сферы личности: общественной и родовой, у подростков разных этнических групп.

Вначале следует отметить, что у подростков как русского, так и смешанного этноса в иерархии 8 ценностно-потребностных зон ЦПСЛ: гедонистической, безопасности, эго, экзистенциальной, аффилиативной, когнитивной, ритуальной, трансцендентальной [3], – зоны безопасности находятся на втором месте как в общественной, так и в родовой подструктурах ЦПСЛ.

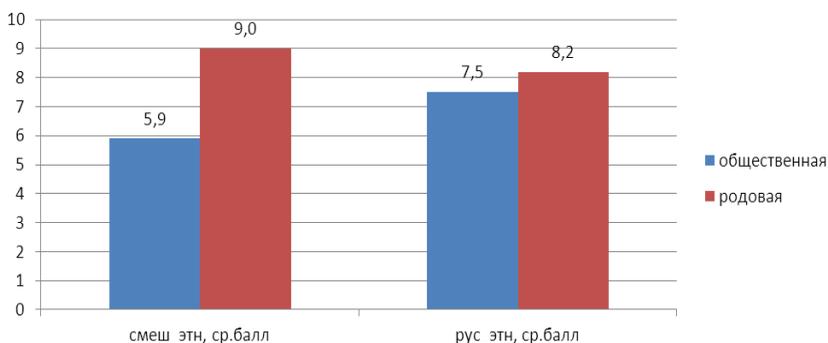

Рис.3. Выраженность ценностно-потребностной зоны безопасности в общественной и родовой подструктурах ЦПСЛ подростков разных этнических групп, N=120

Можно отметить, что у подростков смешанного этноса потенциальная конфликтность зоны безопасности между общественной и родовой подструктурами ценностно-потребностной сферы личности значительно выше, ($p \leq 0,01$). Это свидетельствует об общественно-родовом конфликте в данной зоне ЦПСЛ. Соотношение зон безопасности в общественной и родовой подструктурах ценностно-потребностной сферы личности подростков русского этноса более сбалансировано.

Зона безопасности более выражена у подростков русского этноса на уровне общественной подструктуры ($p \leq 0,01$), но менее выражена на уровне родовой подструктуры ($p \leq 0,05$), по сравнению с подростками смешанного этноса. Поэтому, можно заключить, что такая значимая потребность, как потребность в безопасности на глубинном генетическом уровне более развита у старших подростков смешанного этноса, но на уровне общественных норм, установок, транслируемых СМИ и другими общественными институтами, она имеет более «твёрдую почву» в общественной подструктуре ЦПСЛ подростков русского этноса. Тот факт, что, находясь в едином информационном пространстве и, проживая в одних городах, старшие подростки русского и смешанного этноса проявляют разную степень осознанности и информированности в сфере безопасности, свидетельствует о наличии у них разных фильтров в отношении восприятия информации. Эти различия носят глубинный уровень и касаются обеих подструктур ценностно-потребностной сферы личности – общественной и родовой, формируя соответствующие установки. Вероятно, процесс такого рода имеет место и в отношении других ценностно-потребностных зон ЦПСЛ у старших подростков. Данное исследование можно продолжить в контексте сравнения выраженности и соотношения зон безопасности общественной и родовой подструктур ЦПСЛ у городских и сельских подростков.

Литература

1. Мантикова, А.В. Этнопсихологические особенности общественной и родовой подструктур ценностно-потребностной сферы личности делинквентных подростков [Текст] / А.В. Мантикова // Вестник интегративной психологии. Ярославль, 2013. - Выпуск 11. – С.188-190.
2. Морогин, В.Г. Структура ценностно-потребностной сферы личности молодежи: этнические ценности русских и хакасов [Текст] / В.Г. Морогин, Т.Б. Гусева // LAP LAMBERT Academic Publishing. Абакан. – 2012. – 158 с.
3. Морогин, В.Г. Ценностно-потребностная сфера личности [Текст] / В.Г. Морогин ; изд-во ТГПУ. - Томск. : ТГПУ, 2003. – 357 с.
4. Park, James. Ordinary forms of security and insecurity. – URL: www.tc.umn.edu/~parkx032/B-XSP.html. (Дата обращения 18.11.2014).

© А.В. Мантикова, 2014.

© «PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

— ● —

Формирование узбекского этноса

А. Назаров, О. Авезов. *Бухарский государственный университет,
Бухара*

Психологическая наука, ориентированная на всестороннее изучение полной картины формирования и проявления индивидуальных и социально-специфических качеств людей, должна учитывать этническое своеобразие развития последних. Этнический фактор в этом процессе играет огромную, а порой и решающую роль. Под его воздействием развивается совершенно своеобразный индивид с присущим только его «этническому типу» умом, чувствами, волей, способностями, интересами, настроениями, обычаями и привычками, формами взаимодействия и поведения. Более того, по тем же самым причинам представители разных этносов в соответствии со своими традициями и привычками по-разному и не в одно и то же время подходят к этапу физической, моральной, духовной, психологической и профессиональной зрелости. Известно, например, что у азиатских, африканских и некоторых латиноамериканских народов, в отличие от европейских, этот этап наступает несколько раньше. Специфические представления о самой зрелости и путях ее достижения существуют у представителей разных этнических общностей: у славян они одни, у арабов другие, у японцев, китайцев и вьетнамцев – третьи. Точно так же обстоит дело и в нашей стране. Необходимо четко знать, каковы взгляды по этому вопросу у представителей конкретных народов, и, соответственно принимая их во внимание, учитывать в практике жизни и деятельности.

Суверенитет и независимость Республики Узбекистан неизбежно актуализируют такие проблемы, как развитие этнического самосознания, возрождение традиций и обычаев. Наряду с решением сложнейших общественно-политических, социально-экономических и других вопросов появляется потребность в возрождении культурных и исторических корней, которые сохранили этнос и способствовали его самобытности и неповторимости.

Не исключено, а наоборот подчеркивается, влияние на узбекский этнос и его развитие, происходившее в многолетней общечеловеческой культуре и в истории других этносов.

Культура, форма и образ жизни, составляя основу общественного устройства и человеческой деятельности, являются главными определяющими этнического сознания, характера и самобытности народа.

Социально-исторический образ жизни выступает как показатель типичного вида жизнедеятельности этноса на определенном этапе его развития. При этом, социально-предметные особенности образа жизни (заданные социокультурной средой) выступают как источник развития и закрепления этнического сознания, этнических стереотипов поведения и в целом, как потенциальные возможности развития культуры этноса (воспроизводства культуры).

Культура и образование во все исторические эпохи узбекского этноса были тесно связаны с религией. Они отвечали за передачу традиций, обрядов, ритуалов узбекского народа другим поколениям.

В данной статье отмечается, что этнокультурные и этнопсихологические особенности народа особенно ярко запечатлены в народной мудрости, проявляются в действиях и поступках людей.

Справедливо будет отметить и такие черты этнического сознания узбеков, как почитание старших, образованных людей. Характерной чертой этноса является уважительное отношение к больным людям и инвалидам. Традиционно в этнической среде уважительное отношение к соседям и взаимопомощь между соседями и особенно среди родственников.

Формирование психологии узбекского народа проходило под воздействием интеграции древнего оседло-земледельческого ирано- и тюркоязычного населения оазисов современного Узбекистана и кочевых народов степной части Средней Азии. На территории оазисов нынешнего Узбекистана в свое время располагались три ханства – Хивинское, Бухарское и Кокандское, где важной политической и военной силой были кочевые племена. Скотоводы постепенно стали переходить к земледелию. Этот процесс длился несколько столетий и завершился в XIX веке.

На формировании узбекского народа отразилось и то обстоятельство, что оно проходило одновременно и в значительной мере на одной и той же территории, что и становление таджикского этноса. В развитии узбекского этноса наблюдались те же, что и у таджиков, процессы – образование больших территориально-хозяйственных комплексов, таких, как Хорезм, Фергана, оазисы бассейна Сурхан-Дарья и т.д. У населения этих регионов выработались свои особенности материальной и духовной культуры, своя этнопсихологическая специфика.

Узбеки сохранили огромную любовь к родной земле. За многовековую историю им не раз приходилось брать в руки оружие и защищать свою отчизну, свои жилища. Все это утверждало в их сознании высокое чувство патриотизма. Любовь к своей земле, своему краю дополнялась общей гордостью за свой народ.

Узбеки чистоплотны. С незапамятных времен считалось обязательным не только систематически подметать комнату, двор, но и улицу у ворот или калитки. Эта традиция живет и сегодня. И если в другом регионе страны узбеки по собственной инициативе отвечают за уборку территории, можно быть уверенным, что чистота и порядок будут поддерживаться постоянно и добросовестно.

Социологические и психологические исследования показывают, что узбеки хорошо относятся к выполнению своих профессиональных обязанностей, терпеливо переносят жизненные тяготы и лишения, очень чутки к оценкам окружающих, выше всего почитают своих родителей и родственников, боятся, когда до последних доходят слухи об их слабом прилежании или недостаточной профессиональной компетентности. К сожалению, в настоящее время для узбеков стало непрестижно занятие производительным физическим трудом, поэтому многие стремятся занять должности в сфере материального распределения, торговли.

К этнопсихологическим особенностям узбеков относятся также решительность, обдуманность, доверчивость, доброжелательность, отзывчивость, особенно в начальный период их нахождения в многонациональном коллективе, готовность прийти на помощь, умение владеть своими чувствами. Вместе с тем, некоторым из них присущи замкнутость, стеснительность, малообщительность, настороженное отношение к выходцам из других регионов, в том числе из Прибалтики и Закавказья.

Узбеки высоко ценят уважительное отношение к культуре своего народа, истории, этническим чувствам, обычаям, традициям. Если в полиэтническом коллективе сложился устойчивый, здоровый морально-психологический климат, они проявляют трудолюбие, исполнительность, добросовестность. В тех же коллективах, где сложилась напряженная морально-нравственная атмосфера, они склонны к конфликтам, тяжело переживают оскорбления, проявляют злопамятность, способны совершать необдуманные поступки.

Издавна значительная часть узбекского населения была сплочена кровнородственными узами, общностью совместного труда. Сегодня эта традиция дает о себе знать в поведении узбеков, особенно сельских жите-

лей, проявляется в стремлении образовывать устойчивые земляческие группы, живущие иногда по закону круговой поруки. В последнем случае такие группы приобретают иногда негативную общественную направленность, так как преследуют узко эгоистические интересы. Порой они агрессивно относятся к представителям других этносов, стремятся подчинить своему влиянию выходцев из других регионов Средней Азии.

Узбеки очень переживают отрыв от дома, от родных и близких. С родителями и родственниками они поддерживают тесные связи, советуются по многим вопросам, откровенно пишут им о своих неудачах и недостатках. Привыкание к новым трудовым условиям в большинстве случаев протекает довольно сложно. Узбекская пословица: «И службу не нарушай, и дружбу не разрушай».

Сказываются существенные различия в образе жизни при переезде в другой регион. Частично сгладить остроту переживаемых чувств позволяет общение с земляками, прослушивание этнической музыки, песен, участие в концертах художественной самодеятельности. При доброжелательном к ним отношении узбеки не скрывают своих чувств и переживаний, готовы с радостью поделиться новостями с родины, рассказать о своей семье, о сложившихся отношениях.

В этой связи психологические и этнические особенности каждого этноса, включают в себя и историческое переплетение происходящего в общечеловеческой культуре. Вместе с тем, этнотипическое в каждом народе существует и это проявляется в ее жизни.

Сложный характер и предметная направленность обрядов, традиции и нравы узбекского народа обнаруживаются почти во всех сферах жизнедеятельности этноса; в манере беседы; во взаимоотношениях мужа и жены в семье; традициях питания, чаепития, бережливости; уважении к родителям и старшим; в этике невесты и жениха; правилах поведения на улице и в обществе; свадебных обрядах и во всех религиозных обрядах и празднествах.

Эти данные свидетельствуют о том, что история, культура, форма и образ жизни узбекского народа, социокультурная среда являются основными критериями этнического сознания, самосознания, национального характера, его самобытности и стереотипов поведения. Результаты исследования доказали, что этническое самосознание, традиции, обряды, ритуалы, вкусы, нравы, привычки узбекского народа во многом зависят от образования и культуры.

Выделенные черты этнопсихологического своеобразия узбекского

народа (высокая нравственность; порядочность; честность; благородство; скромность; отзывчивость; смелость; решительность; тактичность; терпеливость; выдержка; самообладание; реалистичность; чувство глубокого личного достоинства; степенность, обдуманность решений и действий и др.) и типичные проявления этнокультуры (сопереживание к родным, близким и окружающим; многодетность и любовь к детям; почитание стариков, родителей и младших; уважение старших, больных, инвалидов; бережное отношение к вещам; умение соблюдать дисциплину и порядок; тяга к знаниям и почитание образованных людей; бережное отношение к традициям, обычаям своего народа; религиозность; взаимовыдержка и взаимовыручка; преобладающая роль общественного мнения; чистота и санитарное состояние жилища; любовь и бережное отношение к истории и культуре; трудолюбие; патриотизм; гостеприимство и др. явились определяющими средствами развития этнического самосознания и его самобытности.

© А. Назаров, О. Аvezов, 2014.

© «PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

— ● —

УДК 373

Возникновение речи и языка

Д. Сабилова, Р. Халилова. *Бухарский государственный университет,
Бухара*

Качественные особенности психики человека решительно выделили его из животного мира. Эти особенности возникли в процессе антропогенеза и культурной истории человечества и были непосредственно связаны с переходом человека с биологического на социальный путь развития. Главным событием здесь явилось возникновение сознания.

Классики неоднократно высказывали мысль о том, что ведущим фактором возникновения сознания были труд и язык: «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг...» [1, т.20, с. 490]; «...язык есть практиче-

ское, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание...» [1, т.3, с. 29].

Для успешного выполнения действия необходимо развитие «беспристрастного» типа познания действительности. Ведь действия начинают направляться на все более и более широкий круг предметов, и познание «объективных устойчивых свойств» этих предметов оказывается жизненной необходимостью. Вот здесь и проявляется развитие речи и языка.

Вокруг проблемы зарождения языка ведется немало споров, но различные решения этой проблемы не вступают друг с другом в столкновение и в общем-то остаются в пределах правдоподобных гипотез, не меняя принципиально существа дела. Эти гипотезы связывают происхождение человеческой речи, а, следовательно, и языка как средства речевого общения с изменением голосового общения, наблюдаемого у многих животных. Изменение голосового общения происходит в том отношении, что голосовые реакции оказываются предметно отнесенными, то есть из сигналов, выражающих эмоциональное или определенное потребностное состояние, они превращаются в сигналы, относящиеся к некоторому объективному содержанию.

Предметная отнесенность тех сигналов, с помощью которых происходит общение, представляет собой основную черту, характеризующую общение посредством языка. Эта мысль достаточно ясна: когда люди пользуются словами языка, они всегда имеют в виду некоторые объективные события. Правда, возникает вопрос о том, каким образом передаются чувства. Однако и при передаче чувств, которые по своему характеру выступают как субъективные явления, человек также адресуется к тому, что, будучи представлено в его опыте, возникает на объективных основаниях. На первых этапах развития языка, прежде всего, появляется отнесенность к объективному содержанию, которая лишь впоследствии (и это крайне важный момент) становится способом выражения некоторых внутренних психических состояний.

С точки зрения А.Н. Леонтьева, более содержательной представляется гипотеза о происхождении языка, которая исходит не из того, что в ходе развития голосовых реакций происходит изменение голосовых сигналов, заключающееся в том, что они приобретают предметную отнесенность и тем самым становятся сигналами языка, а из того, что первоначальные формы общения, опосредствованные языком, представляют собой общение, которое происходит в самом процессе труда, то есть первоначально собственно трудовые действия людей и их общение представ-

ляют единый процесс. Иными словами, в первоначальной форме феномены общения выступают как своеобразные способы, средства осуществления производства, которые затем трансформируются, образуя язык. При таком решении проблема происхождения языка необходимо связывается с внешне двигательными выраженными сигналами. Это понятие обычно обозначают термином «кинетическая речь».

Поясним эту гипотезу. Дело в том, что совместная деятельность с некоторым вещественным объектом предполагает кооперацию усилий и, следовательно, распределение этих усилий в процессе труда. Необходимость распределения усилий естественно приводит к появлению внешне двигательных процессов, направленных не на достижение требуемого эффекта, например на перемещение тяжелого предмета, а направленных на других участников совместной деятельности и, тем самым, выполняющих особую *сигнальную* функцию. Так, если человек в кооперации с другими людьми прилагает в одиночку свое усилие для того, чтобы сдвинуть тяжесть, препятствующую осуществлению действия, и оказывается не в состоянии этого сделать, то само усилие этого человека выступает как сигнал, служит *указанием* для совместно действующих с ним людей на необходимость присоединиться к этому усилию. Таким образом, в данном примере действие, направленное на перемещение тяжести, объективно связывает носителя этого действия с другими людьми. Установление факта, что усилия, направленные на объект, также воздействуют и на соучастников трудового процесса общения, естественно приводит к тому, что возникает возможность общения, которая и реализуется с помощью этих трудовых действий. Если мы примем это естественное допущение, то мы должны принять и то, что участник совместного трудового процесса, обнаружив для себя эффект, который его действие по отношению к объекту производит на других участников трудового коллектива, начинает осуществлять свои действия уже специально для этой цели, то есть начинает использовать их как средства общения.

Однако при использовании действия как средства воздействия на других людей отпадает необходимость использования его в развернутой форме, так как для того, чтобы воздействовать на другого человека движением, сдвигающим предмет, вовсе не нужно осуществлять это действие в его развернутой форме и прилагать то огромное усилие, которого оно требует. Именно вследствие этого действие как бы свертывается и движение выполняет лишь единственно функцию указания на необходимость осуществления этого действия и тем самым функцию воздействия на со-

участников трудового процесса. Приобретая функцию воздействия, движение отвлекается, отделяется от трудового действия. Это отвлечение движения и есть не что иное, как рождение *жеста*. Жест и представляет собой движение, отделенное от своего результата, то есть не приложенное к тому предмету, на который оно направлено.

Нужно сказать, что идея о том, что первоначально язык как средство общения появляется в форме жеста, чрезвычайно стара.

Высказанную гипотезу о происхождении языка не следует упрощать. При появлении жеста как средства общения голосовое общение, разумеется, не замещается, не подменяется жестом, а, напротив, происходит связывание голосовых сигналов общения с некоторым предметным содержанием. С точки зрения гипотезы, функция отнесения к предметному содержанию первоначально выполняется непосредственно самим трудовым действием, в то время как другие функции, функции передачи эмоциональных и потребностных состояний, продолжают осуществляться с помощью голосовых сигналов. Первую функцию можно обозначить как функцию «*означения*», то есть предметного отнесения. Другую же функцию, которая, несомненно, является более древней по своему происхождению, обозначают как функцию «*выражения*», выражения какого-либо состояния. Функцию «означения» также часто называют «*номинативной*» функцией, а функцию «выражения» — «*экспрессивной*» (*expression* — по-английски «выражение»).

Итак, речь идет о том, что на заре развития человеческого общения экспрессивная функция продолжает выполняться голосовыми средствами, голосовыми сигналами, а номинативная функция, которая происходит путем видоизменения, специализации трудовых движений, начинает осуществляться в самом процессе общения. Но кинетическая речь, то есть сигнализация посредством движений, отделенная от трудового исполнительного действия, очень ограничена по своим возможностям, в то время как речь, сохраняющая в своем первоначальном виде форму голосовых сигналов, гораздо богаче по своим возможностям, чем кинетическая речь.

Изложенная гипотеза — это только гипотеза, но она в высшей степени вероятна и всегда находит свое, правда, косвенное подтверждение в целом ряде хорошо установленных фактов.

Переход номинативной функции с внешне двигательных на звуковые средства общения и обратный переход экспрессивной функции с голосовых реакций на внешне двигательные легко проследить на современных развитых языках. Так, например, когда человек груб, то предметное

содержание передается, конечно, средствами звукового языка, а экспрессивная функция, главным образом, переходит на жест. Отношения обращаются. Жест становится выразителем слова, языкового элемента речи, а собственно звуковые элементы речи становятся носителями предметного звукового содержания.

Таким образом, психика социальна по своему происхождению. Возникновение психики происходит в условиях активного воздействия на природу с помощью орудий, т.е. психика представляет собой форму активно-познающего отражения. И наконец, психика человека не есть что-то застывшее и неизменное, она трансформируется в тесной зависимости от образа и условий жизни. История психики является отражением самой жизни и подчиняется ее общим законам.

Литература

1. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию: курс лекций. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 352с.
2. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М., 2001
3. Маклаков А.Г. Общая психология. СПб, 2001
4. Макарова И.В. Психология: Конспект лекций – 2-е изд., доп. – М., 2008. – 237 с.

© Д. Сабирова, Р. Халилова, 2014.

© «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

УДК 316;81'243:801.1

Билингвизм в этнопсихологии

Г. Саломова. *Бухарский государственный университет, Бухара*

В наши дни многие этнологи и психологи продолжают рассматривать этнос как реальную социальную группу, сложившуюся в ходе исторического развития общества. В свою очередь в социальной группе рассмат-

риваются обычаи, культура, язык и т.д. Исходя из вышесказанного, можно считать одним из факторов этнопсихологии билингвизм.

Билингвизм (двуязычие) – способность тех или иных групп населения объясняться на двух языках. Людей, владеющих двумя языками, называют билингвами, более двух – полиглотами. Так как язык является функцией социальных группировок, то быть билингвом – значит принадлежать одновременно к двум различным социальным группам.

По возрасту, в котором происходит усвоение второго языка, различают билингвизм ранний и поздний. Различают также билингвизм рецептивный (воспринимающий), репродуктивный (воспроизводящий) и продуктивный (производящий), последний из которых является целью изучения иностранного языка. Речь человека при переходе на другой язык не свободна от интерференции [1].

В речи иностранца неизбежны фонетические, графические, орфографические, морфологические, лексические и синтаксические ошибки. Ошибки бывают как коммуникативные, так и некоммуникативные.

Особую группу билингвов составляют люди, родной язык которых оказался не нужным в условиях эмиграции. Восстановление языка их родителей представляет сложную методическую задачу для преподавателей.

Всякое взаимное воздействие языков требует наличия людей, которые хотя бы в незначительной степени были двуязычными.

По возрасту, в котором происходит усвоение второго языка, различают:

- ранний билингвизм;
- поздний билингвизм.

Также различают:

- рецептивный (воспринимающий (он же «врожденный») билингвизм;
- репродуктивный (воспроизводящий);
- продуктивный (производящий, «приобретенный»).

Врожденный – воспринимающий билингвизм относится к термину взаимопроникновения культур. Воспроизводящий билингвизм относится к термину «исторический колониализм». Производящий билингвизм – к языковому образованию.

Билингвы и полиглоты представляют интерес для психологии, социологии и лингвистики.

Билингвизм изучается в рамках психолингвистики и социолингвистики. Социальные аспекты билингвизма являются одной из тем социолингвистических исследований. Массовый билингвизм может быть заметной приметой языковой ситуации.

При билингвизме два языка сосуществуют друг с другом в рамках одного коллектива, использующего эти языки в различных коммуникативных сферах в зависимости от социальной ситуации и других параметров коммуникативного акта [2].

Чистое двуязычие, по мнению Л.В. Щербы, выгоднее смешанного при овладении иностранными языками, ибо в таком случае при прочих равных условиях второй язык оказывается, с одной стороны, более автоматизированным и, следовательно, более успешно выполняющим свою непосредственную задачу, а с другой стороны, менее подверженным деформирующему влиянию первого языка. Однако создание чистого двуязычия требует организации иноязычного окружения, что практически трудно достижимо.

Чистое двуязычие лишено образовательного значения, присущего смешанному. Кроме того, врожденный билингвизм в случае низких умственных способностей ребенка может привести к ОНР и отставанию в развитии в связи с более сложной структурой воспринимаемой информации.

По мнению Л.В. Щерба при смешанном двуязычии возникают условия, благоприятствующие сравнению: «Сравнивая детально разные языки, мы разрушаем ту иллюзию, к которой нас приучает знание лишь одного языка – иллюзию, будто существуют незыблемые понятия, которые одинаковы для всех времен и для всех народов. В результате получается освобождение мысли из плена слова, из плена языка и придание ей истинной диалектической научности. Таково, по-моему, колоссальное образовательное значение двуязычия, и можно, мне кажется, лишь завидовать тем народам, которые силою вещей осуждены на двуязычие. Другим народам его приходится создавать искусственно, обучая своих школьников иностранным языкам» [3].

Большое значение сравнения Л.В. Щербы связывается с тем, что:

- через сравнение повышается сознательность: сравнивая разные формы выражения, человек отделяет мысль от знака, её выражающего, и этой мысли;
- языки отражают мировоззрение той или иной социальной группы, то есть систему понятий, её характеризующую.

Увеличение образовательных ресурсов в Интернете, в частности рост Википедии, повысило значимость билингвизма в школьном и вузовском образовании.

Выделяются два случая билингвизма:

- языковые социальные группы взаимно друг друга исключают, то есть два языка никогда не встречаются: член двух взаимно исключających друг друга групп никогда не имеет случая употреблять два языка попеременно;
- языковые социальные группы в той или иной мере друг друга покрывают.

Исследования обнаружили, что у двуязычных людей образуется больше серого вещества в нижней части теменной области коры головного мозга. Чем позже начать освоение второго языка, тем менее проявляется эта особенность. Именно серое вещество мозга отвечает за анализ информации. Хотя «пластичность» серого вещества известна уже давно, процессы изменения вещества мозга под воздействием определённых воздействий до сих пор остаются плохо изученными. Новые результаты показывают, как изучение второго языка может влиять на структуру мозга, особенно в раннем возрасте.

В речи билингва, владеющего двумя языками, происходит не только взаимодействие языковых систем, но и проявляется присутствие двух различных культур. Межкультурная коммуникация предполагает «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным этническим культурам».

Билингвизм как явление межкультурной коммуникации представляет несомненный интерес, как для лингвистов, так и для преподавателей иностранного языка, от которых в значительной степени зависит эффективность практики межкультурной коммуникации.

Литература

1. Вундт В. Проблемы психологии народов - СПб. 2001. С. 124-185.
2. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник. - М., 2006. С. 68-105.
3. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию. - СПб., 1996. С. 77-114.

© Г. Саломова, 2014.

© «PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

Употребление алкоголя совершеннолетними в разных этнических группах

А.Ю. Шишкина. *Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», Абакан*

В Большом Энциклопедическом Словаре, алкоголизм определяется как хроническое заболевание, обусловленное систематическим употреблением спиртных напитков [1].

Исследование особенности алкогольной зависимости в разных этнических группах в современном обществе является весьма актуальной проблемой. Это определяется тем, что в нашей стране алкоголизм — доминирующее наркологическое заболевание, его последствия оказывают прямое негативное влияние на многие стороны жизни общества. Это и снижение уровня здоровья, и преждевременная смертность населения, и асоциальное поведение, конфликтные ситуации на производстве и в семье, приводящие к безнадзорности детей [7]. Среди тенденций, характеризующих процесс алкоголизации, вызывают тревогу неуклонное снижение возрастных границ и феминизация алкоголизма.

Психологическим проблемам алкоголизма посвящены работы Б.С. Братуся [2], Ю.В. Валентика [3], Ц.П. Короленко [6], Б.М. Гузикова, К.Г. Сурнова [8] и др.

Проблема злоупотребления алкоголем совершеннолетними вошла в разряд первоочередных. Алкоголизм поражает не только отдельную личность, оказывая влияние на содержание ценностей, формирование мотивов поведения, на систему взаимоотношений с окружающими и другие социально-психологические характеристики, но и общество в целом, являясь показателем морального и физического здоровья нации, обусловленного социально-экономическими, политическими, психологическими факторами. Другими словами, алкоголизм нельзя рассматривать как узкоспециальную проблему; тем не менее, большинство исследований фокусируются в основном на отдельных моментах — медицинских, психологических, социологических и т.п. [7].

Причину резкого обострения алкогольной ситуации следует искать, прежде всего, в объективных трудностях и негативных последствиях про-

исходящего в стране масштабного и радикального реформирования экономических, социальных и политических основ российского общества.

К алкогольным напиткам часто обращаются тогда, когда хотят поднять настроение, снизить психическую напряжённость, чувство усталости, часто – это попытка уйти от реальности с её бесконечными переживаниями и заботами, а также получить моральное удовлетворение. Для многих алкоголь может помочь преодолеть особый психологический барьер и установить эмоциональный контакт с другими людьми, а для других, особенно совершеннолетних, он является средством самоутверждения, так сказать, особым показателем «мужества», или «взрослости» [4].

В настоящее время, алкоголизм представляет собой социальную болезнь современного общества. Несмотря на явно негативные тенденции, общество, как это ни странно, не отказывается от употребления алкогольных напитков. Это вызывает тревогу, привлекает общественное внимание и является предметом обсуждения, свидетельствует, что алкогольная ситуация в России представляет собой серьезную социальную проблему и может повлечь за собой серьезные социальные последствия.

Представители разных этнических групп относятся к спиртным напиткам по-разному. В европейских обществах пристрастие к алкоголю обычно скрывается. Индейцы и эскимосы американского Севера, напротив, склонны завышать количество выпитого, стремясь поддерживать устойчивый стереотип «аборигена под хмельком». Подобная этнокультурная специфика может существенно исказить реальную картину и в обществах коренных северян Российской Федерации [5].

Таким образом, необходимо отметить, что современное общество столкнулось с серьезной социальной проблемой, и на протяжении длительного времени идет борьба с «алкогольным пристрастием». Для решения этой проблемы необходима интеграция психолого-педагогических, демографических, социологических исследований. Но, несмотря на большое число научных рекомендаций, нужны новые результативные методы предупреждения и терапии алкогольной зависимости, учитывающие распространенность этого заболевания и, особенно, этнический паттерн потребления алкоголя и сформировавшийся в массовом сознании социально-психологический стереотип потребления алкогольных напитков как культурной нормы, традиции.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь / Ред. А. М. Прохоров . 2-е изд., перераб. и доп. , 2000.
2. Братусь Б.С., Сидоров П.И. Психология, клиника и профилактика раннего алкоголизма. М.: МГУ, 1984. 144 с.
3. Валентик Ю.В. Современные методы психотерапии больных с зависимостью от психоактивных веществ // Лекции по наркологии / под ред. проф. Н.Н. Иванца. М.: Нолидж, 2000. С. 309–341.
4. Заиграев Г.Г. Алкоголизм и пьянство в России. Пути выхода из кризисной ситуации // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 74–84
5. Здравомыслов А.Г. Социология российского кризиса: Статьи и доклады 90-х годов. М.: Наука, 1999. 352 с.
6. Короленко Ц.П., Завьялов В.Ю. Личность и алкоголь. Новосибирск: Наука, 1987. 170 с.
7. Морогин В.Г., Костина Н.П. Социально-психологическая история алкоголизации России [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2013. № 5 (22). URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).
8. Сурнов К.Г. Изменение установок личности при алкоголизме: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 1982. 20 с.

© А.Ю. Шишкина, 2014.

© «PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

— ● —

Библиографическая ссылка

Кросс-культурные и этнопсихологические исследования // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2014. – № 3.sr.;
URL: pem.esrae.ru/4-29 (дата обращения: 14.12.2014).

— ● —

Секция 2:
**Региональные социологические
и психологические исследования**

Председатели секции:

Богдановская В.И., кандидат педагогических наук,
доцент

Макина А.И., кандидат исторических наук, доцент

Чупров Л.Ф., кандидат психологических наук

Региональные социологические и психологические исследования

УДК 61.36

Социально-медицинские аспекты жизни пожилых людей в Республике Хакасия

В.И. Богдановская. *Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан*

Увеличение общей численности населения в мире сопровождается изменением его возрастной структуры, а именно – увеличением доли пожилых людей [1]. Численность людей старших возрастов в мировом сообществе стремительно возрастает, а проблемы старости и старения становятся глобальными.

Республика Хакасия является частью Южной Сибири. Ее жителями принято считать тех, кто проживает в регионах Сибири, выходящих на государственные границы России: Тува, Алтайский край, Бурятия, а также, Хакасия и Южные районы Якутии. Здесь проживают русские, немцы, украинцы, представители других этносов и коренные народы — буряты, тувинцы, тофалары, хакасы, алтайцы и шорцы.

Прежде всего, стоит отметить, что одной из особенностей современной демографической ситуации в Хакасии является высокая численность лиц пожилого возраста. По данным социально-гигиенического мониторинга, на 1 апреля 2014 года в Республике Хакасия проживало 101 877 пожилых людей или 19,1 % от общей численности населения [4]. Доля данной возрастной группы в общей численности населения республики увеличилась за последние 20 лет с 16,1% до 20,3% и в настоящее время каждый четвёртый житель республики – пенсионер.

Изучением этносоциальных процессов в Хакасии в историческом и этнологическом аспектах занимаются В.Ф. Буров, В.Я. Бутанаев, В.П. Кривоногов, К.М. Торбостаев, В.Н. Тугужекова и др.

Уровень и качество жизни граждан пожилого возраста ниже, чем у трудоспособной части населения, так как главным источником дохода большинства пожилых людей остается пенсия. Активность пожилых людей в поисках дополнительных источников пополнения своего бюджета ограничивается возрастом и нарушениями здоровья. Процесс старения сопро-

вождается одиночеством в связи с утратой близких родственников, невозможностью или нежеланием близких осуществлять необходимую помощь и уход за престарелым человеком. Экономические проблемы страны снижают надежность семьи в качестве источника поддержки пожилых людей. Отсутствие необходимой помощи снижает уровень жизни пенсионеров, способствует более раннему уходу из жизни.

Качество жизни пенсионеров зависит также от сложившейся системы социальной поддержки льготных категорий граждан и лиц пожилого возраста. В современных экономических условиях социальная поддержка пожилых людей и решение ряда их проблем является неотъемлемой частью государственной политики, направленной на адресное оказание помощи социально незащищенным категориям граждан. В Республике Хакасия значительное число граждан пожилого возраста, ветеранов Великой Отечественной войны, членов семей погибших (умерших) инвалидов и участников войны нуждаются в различных видах помощи. Дальнейшего развития требует социальное обслуживание граждан старшего поколения. В Республике Хакасия в настоящее время очередность в психоневрологические интернаты. Назрела острая необходимость в строительстве дополнительного корпуса на 200 мест в ГУ РХ «Туимский психоневрологический интернат», что позволит ликвидировать очередность и создать комфортные условия для граждан, проживающих в п. Верхний Туим в зданиях постройки 30-40-х годов XX века [5]. Для полноценной реабилитации старшего поколения и инвалидов необходимо строительство следующих вспомогательных помещений: центра реабилитации и досуга – в Абазинском психоневрологическом интернате, спортивно-оздоровительного центра (актовый зал, бассейн) – в ГУ РХ «Черногорский реабилитационно-оздоровительный центр для ветеранов, инвалидов и семей с детьми им. А.И. Лебеда». В республике отсутствуют специализированные учреждения для лиц, освободившихся из мест лишения свободы, и лиц без определенного места жительства, в том числе для граждан старшего поколения.

С участием специалистов здравоохранения проводится обучение родственников и персонала навыкам ухода за пожилыми людьми. На занятиях учат правилам контроля при таких заболеваниях, как сахарный диабет, атеросклероз, ишемическая болезнь сердца, варикозная болезнь, инсульт, гипертоническая болезнь, артроз, артрит, остеопороз и др.

Для родственников лежачих клиентов социального обслуживания организованы занятия «Школа по уходу за пожилыми людьми», облегчающие уход за тяжелобольными.

Сельские населенные пункты (особенно малочисленные) в силу сложившихся объективных причин не имеют развитой социальной инфраструктуры, во многих из них отсутствуют лечебно-профилактические учреждения, магазины, предприятия службы быта, имеют место проблемы транспортного обслуживания. В связи с этим необходимо организовать работу по предоставлению сельским жителям услуг через организацию работы мобильных бригад, «передвижных поликлиник», обеспечение стабильного транспортного и торгового обслуживания.

Граждане пожилого возраста после завершения активной трудовой деятельности особо остро ощущают оторванность от общества. Поэтому необходимо вовлекать граждан пожилого возраста в посильную трудовую занятость, активную общественно-полезную деятельность, занятия художественной самодеятельностью, спортом, туризмом, обучать компьютерной грамотности. Важную роль в этом играют общественные организации ветеранов. Необходимо также к этой работе привлекать молодежь, развивать волонтерское движение.

Организация помощи пожилым и старым людям с точки зрения сохранения и укрепления их здоровья не может ограничиваться только медицинскими мерами и должна носить комплексный социально-медицинский характер. Учитывая специфику заболеваемости пожилого населения, необходимо пропагандировать здоровый образ жизни не только среди молодежи, но и среди лиц зрелого и предпенсионного возрастов. Помимо, пропаганды здорового образа жизни, необходимо проводить различные программы по медицинскому обследованию населения с целью диагностики заболеваний и выявления их на ранней стадии для дальнейшего лечения и профилактики, предотвращения появления хронических заболеваний.

Именно пенсионеры с их менталитетом и ожиданиями во многом формируют политический процесс в Хакасии. Люди старших возрастов при сохранении потенциалов здоровья, образовательно-квалификационного, мотивационного и ряда других могут быть востребованы социумом в различных сферах деятельности [3]. Ключевым является создание условий для сохранения и наращивания данных характеристик к завершающей стадии жизненного цикла.

Литература

1. Краснова О.В., Козлова Т.З. Старшее поколение: гендерный аспект. М.: ИСПАН, 2007. 220с.

2. Михалева А.В. Социально-экономические аспекты положения людей старшего возраста. *Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН, Российское общество социологов, 2008.*

3. Агентство деловой информации. В Хакасии увеличилось количество должителей. URL: <http://adi19.ru/2013/04/06/v-hakasii-uvlechilos-kolichestvo-dolgozhitelej/>, дата обращения 04.10.2014.

4. Постановление Правительства Республики Хакасия от 01.03.2011 №104 «Старшее поколение на 2011-2013 годы». URL: http://www.r-19.ru/mainpage/documents/akty/post_prav/13416/14612/15288.html, дата обращения 03.03.2013.

© В.И. Богдановская, 2014.

© «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

УДК 316.4

Средства массовой коммуникации как фактор влияния на формирование этнической толерантности

Е.В. Грицаенко, А.И. Токоякова. *Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан*

Современность характеризуется все более усугубляющимся глобальным кризисом во всех сферах – от политики и экономики до нравственности и толерантности. Также происходят большие изменения, связанные с этничностью.

В свете недавних событий, бурно обсуждавшихся в мировых и российских средствах массовой информации (СМИ), на передний план выходят процессы повсеместного оживления этнического, локального и национального самосознания, которые стимулируют усиление борьбы этнических и национальных элит за территории, природные и людские ресурсы.

В настоящее время можно заметить рост интереса общества к национал-экстремистским идеям, допускающих призывы к разжиганию межэтнической и межрелигиозной розни. Снова звучат экстремистские

призывы, возникают группы «поборников» этнической «чистоты»; национализм, ксенофобия претендуют на статус современной идеологии определенной части населения планеты.

С другой стороны, движение противостояния агрессивному национализму несет в себе идеи и принципы справедливости, миролюбия, гуманизма, толерантности, сострадания. Особенно остра проблема толерантности и факторов, на нее влияющих.

Рассмотрение многочисленных, пока еще малоизученных проблем, связанных с деятельностью современных СМИ по отношению к этничности и толерантности – важная научная и научно-практическая задача. Она обусловлена многими причинами и прежде всего тем, что такие явления нашего времени, как этничность, толерантность и средства массовой информации, играют существенную роль в жизни современного общества. Современные средства массовой информации могут по воле своих руководителей, политиков и спонсоров сеять и распространять вирусы этнического противостояния и ксенофобии или, наоборот, идеалы добра и толерантности, способны своей деятельностью побуждать народы и страны к разъединению или объединению и сотрудничеству. Недаром современные исследователи и сами журналисты, осознающие огромную силу и возможности СМИ влиять на мировые и локальные процессы, называют их «информбаррикадами», «средствами воздействия на политику», «орудием войны и дискриминации», «фабрикой образов» и т.п. [2].

Например, «межнациональная толерантность» – отношение к представителям различных наций, способность не переносить недостатки и негативные действия отдельных представителей нации на других людей, относиться к любому человеку с позиции «презумпции национальной невиновности» и расовая толерантность – отсутствие предубеждений к представителям другой расы.

Одни ученые видят в толерантности «идеал и жизненно важный принцип», полагая, что «она одна даст шанс выжить цивилизации». Другие считают, что она «служит лишь для того, чтобы символически скрадывать и лечить реальный раскол и безразличие, которые демонстрирует человечество». Несмотря на столь сильные различия в оценке толерантности, всех ученых объединяет уверенность в необходимости борьбы с ее антиподом, интолерантностью, которая встречается в нашей жизни в самых разнообразных формах.

Как показывает практика, СМИ, безусловно, влияют на межэтническое взаимодействие огромных масс и небольших групп населения, на

толерантную или конфликтную направленность, на интенсивность и формы этого взаимодействия. Современные обществоведы не могут не замечать и не исследовать механизмы этого влияния.

Как пример могут служить недавние события, связанные со скандалом в США, разгоревшемся по поводу того, что полицейский застрелил воровавшего в магазине сигареты 18-летнего темнокожего парня. При этом особенно муссируется не то, насколько противоправными были действия стража порядка, а то, что жертвой был именно темнокожий. Во многом данную сторону этого происшествия акцентировали именно СМИ и, несомненно, то, что в большей мере именно они создали благоприятную почву для быстро набравшего обороты скандала.

На данный момент в России, как и во всем мире, остро стоят проблемы межэтнических отношений, этнической обособленности, сепаратизма. Доказательством этого могут служить участившиеся в последнее время скандалы, в которых немалую роль отводят этническим особенностям конфликтующих сторон. В нашем государстве имеет место предвзятое отношение к представителям ряда этносов, о некоторых из них в обществе уже сложилось устойчивое негативное мнение, основанное на стереотипах, о других мнение меняется на глазах в связи с определенными политическими процессами, и стоит отметить, что все это происходит не без влияния СМИ.

Таким образом, толерантная направленность при освещении этничности в СМИ – одна из важных задач любого демократически выстроенного полиэтничного общества, способствующая консолидации государства в целом, а изучение механизмов распространения принципов толерантности в массовом сознании – важная научная проблема. В современном обществе именно СМИ выполняют функцию одного из главных механизмов влияния на формирование толерантного или конфликтного этнического сознания, на его быструю мобилизацию, и в конечном итоге – на регулирование межэтнических отношений. Нельзя недооценивать психологические рычаги средств массовой информации. Ведь с их помощью можно создавать не только негативные, но и позитивные тенденции при освещении вопросов, касающихся этничности.

Поэтому именно сейчас, когда реальность дает исследователям слишком много как позитивных, так и негативных примеров для анализа процессов межэтнического взаимодействия с участием в них СМИ, исследование данной темы более чем когда-либо актуально.

Литература

1. Асмолов А.Г. На пути к толерантному сознанию / Отв. ред. А.Г. Асмолов. – М. : Смысл, 2000. – 255 с.

2. Мириманова М.С. Толерантность как проблема воспитания / М. Мириманова // Развитие личности. – 2002. – № 2. – С. 104-115. URL: <http://rl-online.ru/articles/2-02.html>

© Е.В. Грицаенко, А.И. Токоякова, 2014.

© «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

УДК 316.47

Исследование межличностных отношений со сверстниками среди тувинских школьников в начальной школе

Д.М. Кускел-оол. *Муниципальное бюджетное образовательное учреждение Республики Тыва «Солчурская средняя школа», Кызыл*

С 2008 года наша МБОУ РТ «Солчурская средняя школа» подключилась к экспериментальной работе по программе «Преподавание предмета психологии» в учреждениях образования Республики Тыва на родном (тувинском) языке.

Для выяснения характера взаимодействий детей, обучающихся в начальной школе, нами в течение учебного года было предпринято наблюдение за общением учеников 1 и 4 классов. В исследовании приняло участие 21 первоклассник и 20 учащихся четвертых классов МБОУ Солчурской средней школы Республики Тыва. Наблюдение проводилось на уроках и переменах, в ситуациях свободного общения и эксперимента. Нам было интересно проследить, повлияет ли присутствие незнакомого человека на взаимоотношения детей, как они поведут себя в ситуации эксперимента, дающей возможность проявить (или не проявить) просоциальное поведение и эмоциональную вовлечённость по отношению к сверстнику, а также как учащиеся взаимодействуют на переменах и какие отношения существуют внутри классного коллектива. Нами использовалось вклю-

чѐнное наблюдение, т.е. экспериментатор открыто присутствовал на уроках и переменах, вступал во взаимодействия с детьми, беседовал с ними. На эксперименте им фиксировались особенности отношения к сверстнику.

В качестве примера можно привести такой случай. На уроке учитель попросил детей открыть определённую страницу в учебнике. Все ребята уже сделали это, кроме Шолбан. Его некоторое время подождали, но он никак не мог справиться. Учитель стал торопить ученика, тогда Аля (она сидит с Шолбаном за одной партой) начала помогать ему найти нужную страницу, всё время поглядывая на учителя, как бы пытаясь с его помощью оценить свои действия. И, поняв, что поступила правильно, девочка осталась очень довольна собой.

Из этого примера также видно, что первоклассники, не смотря на свою эгоцентричность и замкнутость на учителя, всё-таки могут помочь своему сверстнику, оказавшемуся в затруднительном положении. Это происходит не так уж редко. Они делятся ручками, карандашами, на уроках труда – поделочным материалом, могут попросить друг друга помочь пришить, сложить, нарисовать и т.п. Здесь уже видно, что дети имеют предпочтения в том, к кому обратиться за помощью. Обычно это или ученик, которого похвалил учитель, или приятель.

В ситуации эксперимента двоим детям предлагалось по очереди выполнить некоторые задания (собрать мозаику, головоломку, сделать рисунок и распорядиться подарками). Результаты этого наблюдения выявили существенные различия в характере взаимодействия детей в начале и конце периода обучения в начальной школе.

Факт появления незнакомого взрослого в классе и его присутствие на уроках вызвал абсолютно разную реакцию в 1 и 4 классах. В 1 классе никто из детей не обратил внимание на присутствие постороннего человека на уроках и переменах. Поведенческие реакции детей не изменились. Учащиеся продолжали начатые дела, не проявляя никакого интереса, другими словами, ребята не почувствовали каких-то перемен. Это продолжалось в течение довольно длительного времени, пока некоторые ученики не пообщались с новым взрослым на эксперименте. После этого ребята начали подходить к экспериментатору, могли задать ему вопрос или попроситься на занятие (на эксперимент).

Надо сказать, до этого интерес у детей, хотя и ситуативный, появлялся в тот момент, когда учитель каким-либо образом сам обращал внимание на экспериментатора, смотрел на него или что-то говорил. Тогда многие дети поворачивались назад, начинали с любопытством рассматри-

вать взрослого, улыбаться, что очень быстро прекращалось по требованию учителя.

Таким образом, появление незнакомого человека, его присутствие на занятиях и переменах никак не повлияло на поведение и взаимоотношения детей 1 класса, оно осталось не замеченным ими.

Противоположная картина наблюдалась в 4 классе. Здесь появление постороннего заметили практически все и достаточно бурно отреагировали на это. Ребята стали шептаться друг с другом, указывать пальцем, смеяться, сочинять возможные причины прихода взрослого. Словом, на какое-то время все дела, которыми были заняты дети до прихода экспериментатора, отошли на второй план. Многие были поглощены обсуждениями, их волновал вопрос: Кто же это? Зачем этот человек пришёл?

Через некоторое время особо смелые ребята начали, будто случайно стали проходить мимо стола, за которым сидел экспериментатор, стараясь незаметно посмотреть в его записи, с целью узнать, чем он занимается, и принести другим какую-нибудь информацию о незнакомце. В этот день и на следующий многие дети подходили к экспериментатору с вопросами: А зачем вы здесь? Что вы делаете? Чем вы будете заниматься в нашем классе? Другими словами, они пытались выяснить причину появления взрослого. Другие ребята приносили показать что-то, хвалились либо жаловались на кого-нибудь из детей. Четвероклассники пытались установить контакт с экспериментатором.

Поведение первоклассников при появлении постороннего человека в классе существенным образом отличается от поведения учеников 4 класса, которые продемонстрировали очень бурную реакцию. Это может свидетельствовать о восприятии класса как целостной структуры, как сложившегося сообщества в 4 классе и, напротив, разрозненности, размытости границ учебного коллектива на начальном этапе обучения в младшей школе.

Обратимся теперь к описанию взаимодействий детей на переменах.

Первоклассники, по словам одной из девочек, делятся на тех, кто бегают и не бегают на переменах, причём бегающих большинство. Бег, как и другие подвижные взаимодействия беспредметны и бессюжетны. Наблюдается эффект эмоционального заражения в поведении детей. Проиллюстрировать это можно следующим примером. Алдынай принесла в школу игрушечную кошку, которая при нажатии кнопки мяукала. Кто-то из детей нажал кнопку – кошка мяукнула. Это услышали Аяс и Мерген – они стали тут же изображать этот звук, что заметили и другие ребята. Тогда

начал мяукать почти весь класс. Таких примеров множество. Подверженность эмоциональному заражению ребята демонстрируют в основном при подвижном взаимодействии, крике. Не бегающих детей, как уже было сказано выше, меньшинство. Такие ребята обычно ходят по-одиночке, потому что они не любят бегать, они часто обращаются к взрослому с каким-нибудь вопросом, обнаруживая тем самым стремление пообщаться, поговорить. Либо это девочки, которые собираются небольшими группками, делают друг другу причёски, угощают друг друга или показывают что-то принесённое ими из дома, попутно обсуждая своё занятие.

В 4 классе взаимодействия детей на перемене резко отличаются. Здесь в контактах есть содержание и предмет. Многие ученики предпочитают на перемене какое-то занятие – играют в сотовые телефоны, в фишки, вышивают, разговаривают, наблюдают и обсуждают занятия других детей.

Причём они не имеют строгого разграничения по признаку пола. Например, мальчики и девочки играют в фишки. У Аялга больше всего выигршей, она хорошо играет. Мальчики это понимают, очень уважительно относятся к Аялга, удивляются её умению. Девочки относятся к этому более ревностно, некоторые завидуют, тоже хотят выигрывать. Этот пример иллюстрирует также и то, что четвероклассники уже выделяют и оценивают способности другого человека, соотносят свои умения и возможности с умениями и возможностями своих товарищей и, в зависимости от этого, ставят перед собой цель достигнуть чего-либо.

Четвероклассники также могут оценить и статус сверстника в классе. Так, мальчики Эрес и Омак в беседе с экспериментатором достаточно чётко выделили лидера в своём классе среди девочек.

Эрес: Вообще-то, из девочек у меня хорошие отношения с Аленой.

Омак: У меня тоже с ней и с Чечек.

Эксп: А почему именно с ними?

Эрес: Ну, вообще-то, что Чечек, что Алена лидеры в нашем классе среди девочек.

Омак: Да, лидеры.

Эксп: А что это значит?

Эрес: Все девочки слушаются их, они учатся хорошо. У них характер такой – лидерский.

В 4 классе можно увидеть проявление симпатии детей друг к другу. Есть достаточное количество мальчиков и девочек, которые обращают друг на друга внимание: дарят что-то, помогают или просто бегают вместе

на перемене. Но здесь беготня несколько отличается от беготни в 1 классе. Если в 1 классе она – способ разрядки, отдых, то в 4 классе такое поведение – определённый способ взаимодействия.

Если в 4 классе дети стремятся пообщаться друг с другом и вступают во взаимоотношения разного рода (деловые, партнёрские, личные), то в 1 классе учащиеся мало внимание обращают на одноклассников, их больше интересует учитель: они хотят узнать его отношение к своему или чужому поступку, отличиться чем-то перед ним. Так, в 1 классе часто можно увидеть, как кто-нибудь из ребят жалуется на одноклассника, ябедничает. Все их действия продиктованы желанием получить одобрение со стороны учителя, видно как детям важно любое его слово.

Важна роль проверяющего, которая давалась ребёнку в методике Рисунок и заключалась в контроле над правильностью выполнения задания товарищем. Многие дети держали эту сверхзадачу и тщательно выполняли свои функции, сверяя и обращая внимание на каждую мелочь, на соблюдение всех правил.

Ситуация соревнования (в методике Мозаика детям говорилось, что они собирают картинку на время) была в равной степени значима как для учеников 1, так и 4 класса. Здесь дети часто интересовались: Кто быстрее? Кто лучше? Сравнивали себя: Что я хуже других?

В экспериментах с 4 классом появляется такое явление как подсказка. Причём делается она с расчётом на то, что взрослый не заметит её. Тут подсказка – помощь товарищу, которая совершается в обход учебным правилам и нормам.

Итак, обобщая результаты наблюдения за взаимодействиями детей на разных этапах младшего школьного возраста, можно выделить следующие особенности во взаимоотношениях детей 1 и 4 классов:

Контакты детей 1 класса часто беспредметны и несодержательны.

Основная задача этих взаимодействий в 1 классе – физическая разгрузка, отдых; в 4 классе они имеют предмет, содержательны и устойчивы.

Устойчивых отношений, дружеских пар в 1 классе мало, граница между участниками учебного коллектива и другими людьми слабо дифференцирована. В четвертом же классе много дружеских пар, детей, симпатизирующих друг другу. Существует чувство общности, целостности учебного коллектива, и вмешательство в него чужого человека резко обращает на себя внимание. Ребята осознают место каждого ученика в классной иерархии.

Направленность действий и поведение первоклассников в большинстве случаев продиктованы желанием привлечь внимание учителя и ориентацией на его мнение; учащиеся 4 класса в своих поступках больше ориентируются на сверстника, на построения отношений с ним. Первокласники в основном обнаруживают склонность к соблюдению учебных норм и правил, ориентацию на них в построении своего поведения и оценке поведения другого. В четвертом классе дети не так сильно ориентируются на правило; они уже могут оценить свои возможности наблюдать за взаимодействиями и отношениями учащихся.

Исследование межличностных отношений младших школьников связано с более глубоким психолого-педагогическим изучением ребенка, проникновением в область многообразных контактов.

© Д.М. Кускел-оол, 2014.

© «PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

УДК 796

Личностные особенности, способствующие социально-психологической адаптации юношей-спортсменов

Ю.С. Лейман, Т.В. Пфау. *Хакасский государственный университет им.
Н.Ф. Катанова, Абакан*

Проблема исследования особенностей личности спортсмена сейчас вновь оказалась в авангарде спортивно-психологической проблематики. Речь идет об изучении направленности личности, об особенностях ее структурных характеристик у квалифицированных спортсменов, а также представителей различных видов спортивной деятельности. Психологическая подготовка спортсмена – сложный процесс, который требует применения специальных средств исследования и методов воздействия. Продуктивным оказался поиск общих проявлений личности, обуславливающих успех в спорте. К числу таких личностных черт следует отнести сензитивность, эмоциональную устойчивость, активность в преодолении препят-

ствий [4]. В целом типологические особенности личности следует учитывать при индивидуализации управления спортивной деятельностью. Роль личностного фактора в успешности спортивной деятельности также рассматривается при обсуждении проблемы надежности спортсмена [3].

Успехи отечественной спортивной психологии во многом обусловлены исследованиями А.А. Алексеева, Н.К. Волкова, Б.А. Веткина, З.И. Бирюкова, В.В. Васильева и др.[2]. Большое влияние на развитие психологии спорта оказали зарубежные психологи Б.Д. Кретти, З. Мюллер и др.[1]. Несмотря на большое количество работ, посвященных психологии спорта, особенности личности, способствующие социально-психологической адаптации юношей - спортсменов, изучены недостаточно. Результаты исследования этой проблемы могут помочь спортивным психологам, тренерам, педагогам спортивных учебных заведений в формировании свойств личности спортсмена, которые будут способствовать его успешной социально-психологической адаптации, а, следовательно, реализации в спортивной деятельности и в жизни. Целью исследования стало изучение особенностей личности, способствующих социально-психологической адаптации спортсменов-юношей.

Были использованы следующие психодиагностические методы: «Диагностика социально- психологической адаптации» К. Роджерса, Р. Даймонда; СМЛП (Л.Н. Собчик) по шкалам: импульсивность, соперничество, доминирование, сила Эго; тест руки Вагнера (Hand Test). Математические методы: U-критерий Манна-Уитни, коэффициент линейной корреляции Пирсона.

В исследование приняли участие 60 юношей-спортсменов, которые были разделены на 2 подгруппы в соответствии с уровнем социально-психологической адаптации. Возраст испытуемых от 18 до 23 лет. Юноши занимаются спортом в среднем около 8 лет. Это такие виды спорта как баскетбол, хоккей, настольный теннис, кикбоксинг, прыжки в воду и др. Исследуемые имеют первый разряд, мастер спорта 11,6%, МСМК 1,7%; 46,7% спортсменов занимали места в республиканских и городских соревнованиях.

1 группа – 27 человек: юноши-спортсмены, имеющие высокий уровень адаптации, средний возраст 19,3.

2 группа – 33 человека: юноши-спортсмены, имеющие низкий и сниженный уровень социально-психологической адаптации, средний возраст 19 лет, также занимаются различными видами спорта и имеют разряды.

Результаты анализа показали, что уровень адаптации спортсмена никак не связан ни с конкретным видом спорта, ни с уровнем достижения.

Адаптированные спортсмены легче преодолевают проблемные ситуации, изменение привычных социальных условий. Они активно используют приобретенные на предыдущих этапах своего развития навыки социализации, что позволяет им взаимодействовать с группой без вынужденных внутренних или внешних конфликтов, продуктивно выполнять ведущую деятельность, оправдывать ролевые ожидания и удовлетворять свои основные потребности.

Результаты исследования личностных особенностей юношей свидетельствуют, что показатели соперничества, доминирования ($U=019, *p<0,05$) и сила Эго ($U=002, **P<0,01$) у адаптированных спортсменов значительно выше, чем у спортсменов со сниженным и низким уровнем социально-психологической адаптации.

У адаптированных юношей-спортсменов более выражено стремление к конкурирующим отношениям и первенству. Спортсмены с высоким уровнем адаптации стремятся к превосходству, они способны противостоять дезорганизующим средовым влияниям, более успешно осуществлять самоконтроль и саморегуляцию поведения. Благодаря этому юноши успешно адаптируются к новым социальным условиям.

Для спортсменов со сниженной адаптацией характерна повышенная импульсивность ($u=001, **P<0,01$), мотив достижения успеха тесно связан с волей к реализации сильных желаний, которые не всегда подчиняются контролю рассудка. Поэтому у них возможен риск проявления спонтанной активности, направленной на реализацию сиюминутных побуждений. У юношей наблюдаются тенденция к противодействию внешнему давлению, независимости, но они не стремятся к конкурирующим отношениям, первенству. В состоянии эмоциональной захваченности у спортсменов преобладают ярко выраженные полярные по знаку эмоции, в личностно значимых ситуациях могут проявляться быстро угасающие вспышки конфликтности. Деадаптированные спортсмены с трудом могут противостоять негативным средовым влияниям, осуществлять самоконтроль и саморегуляцию поведения. Эти особенности, скорее всего, препятствуют успешной социально-психологической адаптации юношей.

Статистическая обработка результатов проективного исследования личностных особенностей юношей 2-х групп позволило показать, что адаптированные и деадаптированные юноши отличаются по категориям «зависимость» ($U=021, *p<0,05$), «описание» ($U=016, *p<0,05$) и «напряжение»

($U=036, *p<0,05$). Так юноши-спортсмены со сниженными показателями адаптации в большей степени нуждаются в поддержке со стороны других людей. Для них характерна эмоциональная амбивалентность, повышенная нервно-психическая напряженность в широком диапазоне ситуаций, склонность к философствованию, осмысливанию ситуации вместо реальных действий.

Адаптированные спортсмены отличаются эмоциональной устойчивостью, менее склонны к мечтам и фантазиям, предпочитают действовать, а не философствовать. Юноши не нуждаются в поддержке других, не считают, что окружающие должны нести ответственность за их действия, уделять им больше времени и внимания.

Были получены небольшие различия по категориям «директивность», «привязанность», «коммуникация» и «страх».

Адаптированные спортсмены имеют позитивные, доброжелательные установки к другим людям, они способны к активной социальной жизни, коммуникабельны, эмоциональны, обладают развитой эмпатией, не стремятся оказывать давление на окружающих и демонстрировать свою индивидуальность.

Деадаптированные юноши-спортсмены стремятся к превосходству над другими, ожидают, что окружающие должны вести себя в соответствии с их намерениями и характеризуются повышенной готовностью использовать других в своих интересах. Они ожидают опасность и агрессию со стороны внешнего мира, поэтому менее коммуникабельны, с трудом приспосабливаются к социальному окружению, общаются чаще на формальном, деловом уровне и не стремятся учитывать чувства, права и намерения других в своем поведении.

Результаты изучения особенностей социально-психологической адаптации показали, что адаптированные спортсмены принимают себя ($U=000, **p<0,01$), других ($U=000, **p<0,01$), чаще ощущают эмоциональный комфорт ($U=000, **p<0,01$), имеют интернальный локус контроля ($U=000, **p<0,01$). В стрессовых ситуациях они не склонны к уходу от проблем в мир иллюзий. Деадаптированные спортсмены ощущают эмоциональный дискомфорт, склонны к самообвинению, критически относятся к людям, имеют интернальный локус контроля и склонны уходить в мир иллюзии в ситуации стресса ($U=000, **p<0,01$).

Результаты корреляционного анализа результатов исследования доказали, что высокая сила «Я» у адаптированных юношей не способствует их высокой коммуникабельности ($r=-556, **p<0,01$) и проявляется в неза-

висимости ($r=-491, *p<0,05$), отсутствии демонстративности в поведении ($r=-416, *p<0,05$), в отсутствии проблем со здоровьем ($r=-428, *p<0,05$), способствует отсутствию проявления агрессии в открытом поведении ($r=-489, ** p<0,05$), наоборот, вызывает стремление к установлению эмоционально теплых отношений с людьми ($r=-592, ** p<0,05$). У спортсменов с более низким уровнем адаптации склонность к доминированию вызывает стремление к конкуренции, соперничеству в отношениях с людьми ($r=464, * p<0,01$), высокая коммуникабельность взаимосвязана с агрессивностью ($r=490, ** p<0,05$). Проявление агрессии в открытом поведении снижает показатели адаптации ($r=396, * p<0,01$), является показателем недостаточной силы Эго ($r=-357, * p<0,01$) и отсутствия стремления к установлению эмоционально теплых отношений с людьми ($r=-469, ** p<0,05$). Для повышения уровня социально-психологической адаптации юношам-спортсменам необходимо развивать у себя такие качества как сила «Я», коммуникабельность и отсутствие склонности к проявлению агрессии в открытом поведении.

Выводы

Регулярное занятие спортом может способствовать развитию как высокого, так и низкого уровня социально-психологической адаптации.

Юноши-спортсмены, имеющие высокий уровень социально-психологической адаптации, обладают такими личностными особенностями как выраженная сила «Я», самоуверенность, способность добиваться своего, высокий самоконтроль, интернальный локус контроля и склонность доминировать в межличностных отношениях.

Высокая сила «Я» у адаптированных юношей не способствует их высокой коммуникабельности и проявляется в независимости, отсутствии демонстративности в поведении, проблем со здоровьем, способствует отсутствию проявления агрессии в открытом поведении, наоборот, вызывает стремление к установлению эмоционально теплых отношений с людьми.

Для спортсменов со сниженными показателями социально-психологической адаптации характерна повышенная импульсивность, у них возможен риск проявления спонтанной активности, направленной на реализацию сиюминутных побуждений, вопреки здравому смыслу и интересам социума. В то же время, они в большей степени нуждаются в поддержке со стороны других людей и считают, что окружающие должны уделять им больше времени и внимания. Для них характерна эмоциональная амбивалентность, повышенная нервно-психическая напряженность в ши-

роком диапазоне ситуаций, склонность к философствованию, осмысливанию ситуации вместо реальных действий.

У спортсменов с более низким уровнем адаптации склонность к доминированию вызывает стремление к конкуренции, соперничеству в отношениях с людьми, высокая коммуникабельность связана с агрессивностью. Проявление агрессии в открытом поведении снижает показатели адаптации, является показателем недостаточной силы Эго и отсутствия стремления к установлению эмоционально теплых отношений с людьми. Для повышения уровня социально-психологической адаптации юношам-спортсменам необходимо развивать у себя такие качества как сила «Я», коммуникабельность и отсутствие склонности к проявлению агрессии в открытом поведении.

Литература

1. Волков И.П. Спортивная психология в трудах зарубежных специалистов [Текст]:/ И.П. Волков. - СПб.: Питер, 2005г.
2. Волков И.П. Спортивная психология в трудах отечественных специалистов [Текст]:/ И.П. Волков. - СПб.: Питер, 2002г
3. Ильин Е.П. Психология спорта [Текст]:/ Е.П. Ильин – Питер, 2008г.
4. Китаева, М.В. Психология победы в спорте / М.В. Китаева. - URL: <http://www.yugzone.ru/articles/psy.php?id=374>
5. Сидоренко Е.В. Математическая статистика [Текст]:/ Е.В. Сидоренко – СПб: Речь, 2003г.
6. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика личности и малых групп [Текст]:/ Н.П. Фетискин, В.В Козлов, Г.М. Мануйлов М: Издательство института психотерапии, 2002.

© Ю.С. Лейман, Т.В. Пфау, 2014.

© «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

Гуманизация межэтнических отношений как социальная потребность в региональном социуме

И.А. Макарова. *Забайкальский государственный университет, Чита*

Сегодня обособленное существование народов и культур становится невозможным, так как интенсификация миграционных и демографических процессов, существование межэтнических семей, образование многонациональных коллективов в социальных институтах значительно расширяют рамки межэтнического взаимодействия. Все это способствует преобразованию социальной среды, характерной особенностью которой является полиэтничность.

В современной России идеи гуманизма, толерантности признаны Конституцией Российской Федерации, в которой заявлено о гарантии прав и свобод граждан, в том числе на свободу убеждений, право на труд, личную безопасность. В «Национальной доктрине образования» Российской Федерации, федеральной целевой программе «Культура России», в «Основах Законодательства Российской Федерации о культуре», в Федеральной целевой программе - «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» подчеркивается необходимость обеспечения исторической преемственности поколений, сохранение, распространение и развитие национальной культуры, воспитание бережного отношения к историческому и культурному наследию народов России.

Совершенствование государственных структур для реализации интересов граждан всех национальностей, проживающих на территории субъектов Федерации; обеспечение межнационального согласия, уважения к традициям народов, «любви к родному краю, к России»; обеспечение условий для социально-экономического и культурного развития народов и их взаимодействия; предотвращение и мирное разрешение межэтнических конфликтов – одна из целей гуманизации межэтнических отношений.

Гуманизация межэтнических отношений, строящихся на принципах диалога и толерантности, становится необходимой социальной потребностью, в первую очередь, для полиэтничных регионов России, к которым относится, в частности, Забайкальский край, в силу своего геополитического положения всегда являвшийся полем интенсивного цивилизационного

взаимодействия. В связи с этим, возрастающее значение приобретает научный поиск путей стабилизации межэтнических отношений для поддержания социально-политической, экономической целостности и общественного согласия в обществе.

Одной из главных закономерностей формирования гуманистических тенденций в обществе можно выделить ориентацию на гармоничное, профессиональное и общекультурное развитие личности. Эта закономерность тесно связана с другой – саморазвитием личности на принципах индивидуального творческого подхода и профессионально-этической взаимответственности, позволяющей вырабатывать собственные стратегии самосовершенствования и организации, самодвижения к результату той или иной деятельности. И еще одна важная закономерность – здоровая социальная среда, принимающая и воплощающая гуманистические тенденции формирования человека-созидателя.

Целенаправленное системное воздействие на процесс формирования жизненных ориентиров будущих граждан страны, и, соответственно, на будущее тех народов возможно через образовательную систему страны. В условиях многонациональной России перед образовательными учреждениями и, особенно ВУЗами, стоит задача: взять на себя основную сложность по конструированию общественных представлений и установок в сознании молодежи, включающих основные составляющие идеологии гуманности, согласия и терпимости; ценностей и идеалов, способствующих общегражданской и этнической консолидации российского общества, а также по формированию культуры межэтнических отношений, межнациональной толерантности и ментальной совместимости, так как только на этой основе возможно преодоление негативных тенденций в духовной и нравственной сфере.

В Забайкалье Забайкальский государственный университет является многопрофильным учебно-научно-инновационным комплексом, осуществляющим многоуровневую подготовку специалистов для промышленных предприятий, государственных, муниципальных органов и силовых структур Забайкалья, Дальнего Востока и Восточной Сибири.

Ежегодно в университете более ста иностранных граждан проходят обучение по выбранной инженерно-технической или гуманитарной специальности высшего профессионального образования, повышают свой профессиональный уровень, защищая кандидатские диссертации, а студенты ЗабГУ обучаются в образовательных центрах США, Канады, Великобритании, Германии, Китая, Монголии. В целях активизации

и расширения международных связей на базе университета осуществляют научно-исследовательскую и просветительскую деятельность Забайкальское региональное отделение «Общества Российско-Китайской дружбы», Читинский филиал Института дальнего Востока Российской Академии Наук, Международный Центр соизучения языков и культур, Восточный центр.

Таким образом, гуманизация образования расширяет горизонты образовательной деятельности; способствует формированию полифонического видения мира; ставит своей целью воспитание «многомерного» человека; культивирует толерантность как нравственный идеал и норму поведения. Поликультурное образование зиждется на принципах плюрализма, недопустимости авторитарности в научных учреждениях, в его рамках осуществляется демократизация образовательного процесса.

Гуманизация образования, характеризующаяся этнокультурной направленностью, разрешая проблемы соотношения общечеловеческих и национальных ценностей, даст возможность молодому человеку самоидентифицироваться как представителю той или иной культуры, а также сформировать национальное самосознание гражданина новой России.

Необходимо формировать поликультурную личность – индивида, ориентированного через свою культуру на другие, обладающего целостным мировоззрением, развитым лингвистическим, историческим, географическим, правовым, художественно-эстетическим сознанием решать следующие вопросы:

- приобщать молодое поколение к глубокому познанию своего родного языка, истории, литературы, как наиболее способствующих ускорению развития народа, возрождению его национального самосознания и достоинства и к языку межнационального общения - русскому языку, прививать любовь и уважение к ним;

- приобщать к нормам этноэтики и этносоциальным ролям;

- воспитывать чувства патриотизма, искренней преданности и любви к своему народу и Родине;

- формировать нравственную культуру и ценности, необходимые для воспроизводства различных элементов мировой культуры в жизнедеятельности учащихся в школе, семье, и окружающей жизни.

- Все это формирует следующие компоненты личности:

- обеспечение личности возможностью самоидентифицироваться, как представителю определенной национальной культуры;

обеспечение условий и формирование потребностей для равноправного диалога с этнокультурным окружением;

вовлечение личности в цивилизационные процессы, опирающиеся на национальные, общероссийские и общечеловеческие ценности.

Молодому поколению необходимо усвоить такие понятия и категории поликультурного образования, как: самобытность, уникальность, культурная традиция, духовная культура, этническая идентификация, национальное самосознание, российская культура, мировая культура, общие корни культур, многообразие культур, различия между культурами взаимовлияние культур, межкультурная коммуникация, культура межнационального общения, конфликт, культура мира, взаимопонимание, согласие, сотрудничество, толерантность и другие.

Таким образом, в полиэтническом обществе теоретическое и практическое решение проблемы культурной и духовной консолидации этносов, подготовку личности к жизни можно считать одной из главных функций системы образования.

Этническая самобытность является основой сохранения исторического этноса. Она предполагает наличие неких компонентов культурного достояния общества, которые постоянно проявляются и оказываются функционально необходимыми на новых этапах его существования, обеспечивая его самосохранение при всех изменениях, происходящих внутри и во вне его.

Культура Забайкальского края – явление особенное и уникальное. Ее неповторимый облик – это результат многолетнего взаимопроникновения традиций многих народов, развивающийся, длящийся во времени и пространстве информационно-эстетический поток.

Процесс осознания национальной, национально-культурной самобытности является реальностью и современного общества и одним из факторов, направляющих его развитие. Во многом это связано с попыткой целых народов по-новому осмыслить свое духовное наследие, а также свою роль и место в мире. В этом направлении заслуживает специального изучения и осмысления, в котором целесообразно выделить следующие реалии:

корни дружбы народов Российской Федерации обусловлены, прежде всего, общностью исторических судеб;

их роднят языки, что усиливается билингвизмом (русский язык сближает и объединяет народы);

в условиях Забайкальского края имеет место межэтническое сближение русского, бурятского, татарского, украинского, китайского, монгольского, армянского и других народов.

Чтобы усвоить особенности других культур и тонкости взаимоотношений между представителями различных национальностей на межличностном, межэтническом или даже внутриэтническом уровне, следует учитывать, что межнациональная толерантность складывается из множества компонентов, среди которых исследователи считают наиболее важными следующие виды знания:

знание истории культуры своего этноса, ее традиций;

знание национальной культуры этноса, с которым осуществляется процесс общения;

знание роли своей национальной культуры и роли культуры этноса-партнера в мировой культуре;

знание особенностей национальной культуры как выражения национальной психологии;

знание языков, как своего родного, так и языка межнационального общения.

Основу этнической культуры любого народа составляет этническая идентичность, и прежде всего, чувство принадлежности к конкретной этнокультурной общности, группе. Эта принадлежность существует с раннего детства на базе родственных связей, мифов, исторических легенд о происхождении своего народа. Поэтому широко распространено представление о некой «врожденности» этнической принадлежности.

В Забайкалье создан консультативно-совещательный орган Законодательного Собрания Забайкальского края – Собрание представителей Агинского Бурятского округа, который защищает законные интересы народов, проживающих на территории Агинского Бурятского округа их прав на сохранение самобытности, культуры, языка, обычаев и традиций.

С духовностью прежних веков, с красотой множества этнокультурных традиций неразрывно связаны и наша повседневная жизнь и яркие национальные праздники. Фольклорные экспедиции и массовые праздники всегда проходят с привлечением театрализованных обрядовых действий. Традиционно большое число участников и зрителей ежегодно привлекают мероприятия учреждений культуры по празднованию «Сагаалгана» (нового года по лунному календарю), который проводится более 20-лет. Татарско-башкирский весенний праздник «Сабантуй», бурятский летний праздник «Обоо», мероприятия в рамках Дня славянской письмен-

ности и культуры, еврейский праздник «Пурим» и многие другие находят отклик в душах забайкальцев, помогают осознать себя частицей великой культуры России.

Обеспечение сохранения в едином культурном пространстве многообразия всей накопленной предыдущими поколениями системы ценностей – вот основной механизм Культурного воспитания. Культурное воспитание не только прививает нравственные устои, но и не оставляет места в душах людей для национальной и религиозной розни. И культура Забайкалья – во всем ее многообразии и богатстве – играет ключевую объединяющую роль.

Сегодня Забайкалье не только многонациональный край, но и поликонфессиональный.

Многоконфессиональность и полиэтничность выдвигают на передний план задачу поддержания толерантных отношений между людьми, принадлежащими к различным конфессиям и этносам. Это требование актуально, оно отражает одну из ценностей современной жизни.

Духовная жизнь человека – это чувственный и рациональный мир, который подчиняется специфическим законам развития и саморегуляции. Он не только отражает материальный мир, но и творит его, фантазирует, мечтает, просвещает, определяет пути эволюции и защищает его, находясь в процессе непрерывного и противоречивого становления и обновления. Забайкалье стало местом проникновения [буддизма](#) в Россию, и местом проживания [старообрядцев](#). Здесь имеется большой пласт казачьей [Православной](#) культуры и интересные центры [иудаизма](#) и [ислама](#). Одним из символов Читы и всего региона является старый Градочитинский холм, с которого и пошла Чита. На нём рядом стоят и православная церковь, и синагога и мечеть.

Продуктивное межэтническое взаимодействие содействует реальному межнациональному и межконфессиональному согласию и толерантности. Национально-культурные объединения являются одной из форм проявления общественной активности, которые призваны обеспечивать такое взаимодействие.

За последние несколько лет на территорию Забайкалья стало больше прибывать граждан из стран бывших союзных республик, в первую очередь, из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. В большинстве случаев иностранцы сюда приезжают с целью найти работу, что обусловлено экономической ситуацией в стране их гражданской принадлежности. Поэтому особо остро встает проблема гуманизации межэтнических отноше-

ний как необходимого регулятора общественных отношений и условие успешной адаптации мигрантов в принимающем сообществе.

По инициативе национальной общественности в крае создана «Ассамблея народов Забайкалья», которая регулярно проводит этнические фестивали и дни национальных культур. Сюда входят: азербайджанская, татарская, армянская, башкирская, киргизская, бурятская, цыганская, немецкая, корейская и другие диаспоры. Деятельность Ассамблеи способствует утверждению межнационального согласия, восстановлению и сохранению национально-культурных традиций, содействует развитию этнических культур, поддерживает диаспоры и этнические общества. «Ассамблея народов Забайкалья» участвует в проведении этнических фестивалей в районах и областном центре, ее цель обратить внимание на тех, кто живет рядом с ними и принадлежит к другой национальности, другой культуре, другой религии.

Деятельность национально-культурных общественных объединений должна согласовываться с общими целями и задачами государственной национальной политики РФ, направленными на гармонизацию межнациональных отношений и достижение национального согласия.

Помимо этого деятельность этнокультурных объединений должна быть направлена на интеграцию представляемых национальных групп в общероссийское социально-культурное пространство и налаживание взаимопонимания с местной средой, где действует то или иное объединение; обеспечение максимально благоприятных условий для всестороннего духовно-культурного развития образовавших их национальных групп, налаживание связей с представителями этносов на территории РФ, выпуска газет, журналов на русском и языках других народов.

Наряду с традиционными целям и задачам этнокультурных общественных объединений – выступать в качестве центров национальной культуры, оказывая всяческую помощь в сохранении культуры, прессы, организации обучения языку, они должны являться проводниками и защитниками интересов представляемой этнической группы, принимать активное участие в предупреждении возможной межэтнической напряженности как внутри этнической общности, так и между членами других этнических групп.

Процесс осознания национальной, национально-культурной самобытности является реальностью и современного общества и одним из факторов, направляющих его развитие. Во многом это связано с попыткой

целых народов по-новому осмыслить свое духовное наследие, а также свою роль и место в мире.

В заключении хотелось бы отметить, что Забайкальский край, являясь полиэтническим, многоконфессиональным по своему составу, не находится в зоне повышенного уровня интолерантных отношений и является эталоном гармонично развивающихся межэтнических отношений в русле диалога и толерантности. Терпимое отношение к иному миропониманию, взглядам, идеям и необходимость сосуществования в одном обществе ведет к интеллектуальному и духовному совершенствованию.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 04-10-2000 751 О национальной доктрине образования в Российской Федерации (2014) URL: <http://www.zakonprost.ru/content/base/39758/>

2. Постановление Правительства РФ от 3 марта 2012 г. N 186 "О федеральной целевой программе "Культура России (2012 - 2018 годы)" (с изменениями и дополнениями)

3. Правительство Российской Федерации, постановление от 25 августа 2001 г. N 629 «О Федеральной целевой программе "Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе

4. Головатая Л.В Национально-культурные и этнические аспекты проявления толерантности в образовательной среде. Электронный ресурс. URL: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=3605

© И.А. Макарова, 2014.

© «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

УДК 316.14

Женщина как объект помощи у хакасов

А.И. Макина. Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан

Архаический период социальной работы в России охватывает родоплеменные отношения и характеризуется бытованием культовых форм

помощи и поддержки, а также родоплеменные и общинные формы помощи наиболее уязвимым категориям людей, в том числе женщинам. Анализ традиций помощи хакасской женщине представлен в данном исследовании впервые. Женщины представляют собой социально-демографическую группу населения, особо нуждающуюся в социальной защите, вследствие выполнения главной общественной и семейной функции – деторождения. Положение женщин в традиционном хакасском обществе характеризовалось социальным неравенством, где главенствующий социальный статус принадлежал мужчинам. Социальная мобильность женщин была крайне затруднена. Традиционное мировоззрение хакасов усугубляло и без того неравное положение хакасской женщины: она определялась как «нечистая», как произошедшая из земли, где обитают «ирлики», то есть представители царства мертвых. Женская половина, находившаяся на северной стороне юрты, также считалась нечистой, как и все предметы, находившиеся там, в том числе и различные обереги. Кроме того, женщине запрещалось дотрагиваться до мужских предметов, ибо своим прикосновением она их оскверняет, и мужчину, по хакасским поверьям, ждет неудача или даже заболевание [4, с. 160]. В то же время женщина занимала, чуть ли не центральное место в хозяйственной деятельности семьи. Н.Н. Костров при описании одного из дней кызыльца отмечает, что в жару глава семейства отдыхает, а женщина постоянно находится в работе [9, с.149]. В сборнике о трудовой деятельности хакасских женщин «Живописная Россия» отмечается: «женщины у татар едва ли не больше трудятся, чем мужчины...», они, кроме женского вида работ, нередко выполняют и мужскую [8, с. 26]. Женщина в традиционном хакасском обществе считалась неплатежеспособной, с нее не взимался ясак, она не могла руководить обществом, при выдаче в замужество калым часто приобретал форму покупки невесты.

В традиционном хакасском обществе дети являлись главным достоянием как подрастающая сила и опора общины, как ее будущее, а женщина как центральная фигура в их рождении и воспитании пребывала в уважении, то есть женщина выполняла значимую роль не только в пределах семьи, но и общества, она являлась его ценностью. Так, женщина, родившая и воспитавшая девять сыновей, пользовалась всеобщим уважением. По степным законам, ей разрешалось ездить на освящаемой лошади «ызыхе» [1, с. 137]. Н.В. Тутаркова указывает, что хакасская женщина вопреки общепринятому мнению об ее «забитом» положении, являлась доминантной фигурой в области всего, что касалось домашнего быта,

мужчина же имел приоритет в отношении ритуала и общественной жизни [17, с. 54]. В подтверждение этого хочется привести в пример описание священника П. Попова «В его (то есть хакаса кызыльской управы) семейном быту нет того деспотизма, при котором женщина являлась бы бесплодной рабой: напротив здесь заметна некоторая равноправность между мужем и женой...» [14, с. 24]. Итак, социальное положение женщины в хонгорском обществе характеризуется ее неравным положением относительно мужчины, высокой степенью занятости домашними обязанностями, выполнением важнейшей социальной функции по рождению и воспитанию детей, всеобщим почитанием пользовалась многодетная мать.

Такое социальное положение женщин обусловило наличие специфических женских социальных проблем и, соответственно, наличие особых форм поддержки и помощи в рамках семейно-родственных отношений и аальной общины.

Одной из социальных женских проблем, которая и по сей день волнует общественность, является насилие в семье, прежде всего физическое. Право мужчин на телесное наказание женщины в традиционном хакасском обществе было формально закреплено. Как пишет знаменитый юрист того времени Д.Е. Лаппо, к практике наказания розгами применительно к ответчикам Абаканской и Аскизской инородной управы прибегали часто и по разным делам [10, с. 26]. Так, женщины Хонгорая по степным обычаям подвергались телесному наказанию за: нарушение супружеской обязанности и развратное поведение. Наказывались они по приговору общества родовых старост и публично мужчинами из ближайших родственников. По данным Степной думы, за 5 лет с 1872 по 1877 года была наказана всего одна женщина – Азаракова [21]. Опять же достоверность и надежность данной информации представляется сомнительной. Что же касается домашнего жестокого обращения с женщинами, то в качестве наиболее яркого примера целесообразно привести следующий: Байка (Анна) Аева в прошении от 1899 года пишет, что муж ее, находящуюся беременной, бил головнями в юрте, поленьями и выбросил на улицу на сгоревшие поленья, отчего она в тот же день и разрешилась. А муж ее в это время находился в прелюбодеянии с другой женщиной [23]. Для предотвращения жестокого обращения женщина имела право подать родовому старосте на рассмотрение заявление о разрешении развода. Так, например Маранай Федоровна Тюмерекова указывает в заявлении: она, будучи больной, вынуждена была вести домашнее хозяйство, муж ей не помогал, а постоянно наносил побои, жить с мужем далее не желает и требует раз-

вода [19]. И это, не смотря на то, что развод в традиционном обществе строго осуждался, а женщина получала название «хозянды» – отверженная и ее переставали уважать [4, с. 137]. Видимо традиционные устои в исследуемый период начинают терять свою силу, и женщины, не желая мириться с жестокостью по отношению к себе, решались на крайние меры.

Кроме прошения развода женщины просили защиты и помощи у общины. Так, в Центральном Государственном архиве Республики Хакасия имеется такое дело: жена, воспитывающая трех детей, отчаявшаяся от постоянных побоев и неукротимости мужа, просит изолировать его. Обвиняет его в четырех кражах и приводит доказательства его виновности [27].

Социальной проблемой также принято считать экономическую несостоятельность, полную социально-экономическую зависимость женщины от мужчин. Женщина не считалась платежной душой, не получала в надел покосов и пашен, не имела права наследования и экономически полностью зависела от мужа [4, с. 138]. Но наследство, которое женщина получала от отца при выходе в замужество, являлось гарантированной экономической базой жены и давало некоторую материальную свободу. Экономическая и социальная зависимость жены от мужа была беспрекословной в традиционном хакасском обществе, но уже в период конца XIX – начала XX века женщины стали проявлять некоторую самостоятельность и пытались отстоять свои имущественные интересы через обращения к системе административного управления. Обращения женщин к родовым старостам подавались как родителями супруги, так и непосредственно самими обиженными женами. Так, например, отец Елены по мужу Тиниковой просил родовое управление взыскать со своего бывшего зятя (он просто вернул дочь обратно, сказав, что не желает с ней жить) имущество, перешедшее ему в качестве приданого и возместить затраты на свадьбу – 106 рублей серебром [26]. Самостоятельно поданные прошения имели приблизительно такое содержание: женщина либо после смерти мужа, либо вследствие его расточительного поведения, либо после развода с мужем, жалуясь на притеснения самого мужа, его родственников, просит выделить часть имущества на проживание и воспитание оставшихся детей [29], либо выбрать из числа общинников человека, который бы являлся опекуном имущества семьи [24], либо вернуть наследство родителей, выданное в виде приданого на свадьбе [20]. Здесь справедливо будет отметить, что большинство хакасских женщин были все-таки кроткого нрава и не осмеливались публично устраивать разбирательства, а те, что прониклись новаторскими идеями, часто использовали общественность даже для

реализации своих не всегда чистых помыслов. Так, например, через обращение к родовому старосте Бача Созыева пыталась взыскать с родственников умершего мужа средства на содержание сына, сама она якобы с сыном проживает у своего брата. После проведенного разбирательства выяснилось, что ребенок живет в доме родственников мужа и находится там на полном обеспечении [25].

Еще одно обстоятельство, вследствие которого женщина приобрела статус социально уязвимой – вдовство. Семья – крайне важный социальный институт в традиционном обществе хакасов, и поэтому люди считались полноценными лишь тогда, когда имели семью. Муж с женой являлись собой единое целое [15, с. 25]. Это имело символическое проявление в обычае плетения кос замужней женщине: в правую косу супруги вплетались т.н. сугынды (накладные косы) из волос мужа. Этот обычай олицетворяет представление хакасов о единстве мужа и жены. Он также имел место и в женской прическе: у молодой незамужней девушки волосы были заплетены во множество маленьких косичек – «сурмес», во время свадьбы эти косички распускали и заплетали две косы, в одну из них вплетались волосы с головы мужа, вдова после смерти мужа должна была распустить волосы и ходить так до 40 дней, затем ей заплетались две косы, но обратным плетением [3, с. 63]. Существует заметка священника Николая Орфеева, который описывает поведение вдовы: «...женщина после похорон мужа рвет на себе волосы, пока не оторвет обе косы, а так как косы татар очень густы и крепки, то женщины заранее подрезают их. Такая вдова у инородцев пользуется почетом...» [12, с. 9]. Вероятнее всего священнослужитель как раз наблюдал обычай распускания волос и убирания сугынды – накладных волос из кос вдовы, что послужило основанием для такого рода вывода. Раздел единого целого после смерти супругов также проявлялся в разрезании супружеского ложа, часть которого необходимо было положить в гроб умершего [5, С.157]. Женщина после смерти мужа целый год до последних поминок носила название «тул кізі» – траурный человек, а затем «окіс кізі» – осиротевший человек [4, с. 138].

Существовала специальная система запретов, которую необходимо было выполнять овдовевшей женщине, так как она была связана с душой умершего в течение сорока дней. После истечения этого срока женщину могли пригласить родственники и оказать как моральную, так и материальную помощь, ее угощали и одаривали одеждой. Данный обычай у хакасов носил название «иннін кодіреге» – поднимать плечи [4, с. 139].

Традиционное хакасское общество выработало свои формы помощи вдовам. Вдова была социально защищена степными законами: женщина наследовала все имущество мужа и могла им распоряжаться до совершеннолетия детей; если женщина имела детей, то ее попечительством занимались дети. Так, исследователь степного права хакасов Н.Н. Несар-Несарцев пишет: «Если умирает отец, имевший малолетних детей, то все имущество переходит во владение вдовы, которая считается полноправной хозяйкой и собственницей до тех пор, пока не подрастет один из сыновей и не женится...» [11, с. 42]. Женщине также разрешалось вторично выйти замуж, при этом ее приданое и личные вещи оставались при ней [2, с. 163]. Что касается последнего, то в семейно-родственных отношениях хакасов имел место левират. При согласии, а иногда и принуждая, молодую вдову отдавали в замужество за младшего брата умершего мужа или за младшего родственника, деверя (халдых – букв. остаток) женили на невестке (нигиче) и назывался данный обычай «халдыхха киргени» [13, с. 98]. Положительной стороной заключения подобного брака было то, что семья сохранялась в рамках рода, дети оставались и воспитывались внутри сеока, имущество семьи сохранялось, и семья оставалась полноценной, не разваливалась. Некоторые авторы отмечают, что существование такого обычая показывает заботу хакасов о целостности и благосостоянии семьи, о том, чтобы дети имели и мать и отца, могли наблюдать взаимоотношения между супругами [30, с. 48]. При выполнении норм степных законов хакасами также имелись и перегибы, когда женщину против ее воли выдавали замуж родственники умершего мужа, и она искала поддержку у общины через обращение к родоначальнику. Так, Федосья Адиякова написала прошение о том, что ее свекровь и родственники мужа требуют, чтобы она вышла в замужество за младшего брата, отобрали у нее все имущество. Родоначальник постановил, чтобы родственники умершего прекратили все притеснения по отношению к Федосье, так как они (Федосья и свекровь) приняли крещение и степными законами более не должны руководствоваться [22].

Кроме того, вдовы имели особое расположение к себе общины и все их обращения с жалобами разрешались положительно, общество старалось их не обидеть. Так, например, в книге общественных приговоров Абаканской инородной управы существует жалоба от вдовы, у которой родственники мужа забрали нажитое вместе имущество, а родовой староста постановил вернуть забранное и строго отслеживал выполнение предписания [28]. Также в архиве имеется дело о разбирательстве с покосом

между двумя инородцами - Варламом и вдовой Евдокией. Суть разбирательства заключалась в том, что покос, который после смерти мужа перешел в пользование жены, был выкошен Варламом Тугужековым. После проведенного анализа, управа постановила вернуть вдове половину выкошенного сена или отдать деньгами 27 рублей [7].

Одной из форм проявления соучастия в похоронах и помощи при утрате близкого человека является обычай «теезиг», суть которого заключалась в том, что родственники навещали вдового человека, таким образом разделяя с ним горечь потери [4, с. 55]. Согласно этому обычаю родственники привозили с собой специальные подарки, состоявшие из продуктов и одежды.

Социально-ущемленной женщина могла оказаться и при другом обстоятельстве: при рождении внебрачного ребенка. Вообще все проявления неполной семьи в традиционном хакасском обществе воспринимались как социальная аномалия. Рождение внебрачного ребенка для девушки считалось большим позором, это очень осуждалось в обществе. Рожденного в таких обстоятельствах ребенка называли сурас-пала [6, с. 122]. Как говорят люди старшего поколения, детей, рожденных вне брака «тын сокленер», сильно дразнили. Девушки, родившие ребенка вне брака, не были в почете, они уже не могли рассчитывать на то, чтобы выйти замуж. Девушка, родившая внебрачного ребенка, должна ходить с одной косой. Хакасская пословица гласит: «Палгастыг чирче чорбе, палаллыг хат алба, тлолыг чирче чорбе, тулунныг хат алба – по грязному месту не ходи, бабу с ребенком в жены не бери, по болоту не ходи, женщину с косой не бери» [18, с. 3]. Степные законы в данной ситуации были на стороне обманутой девушки. Как пишет губернатор Енисейской губернии: «за любовь незаконную нет никакого наказания», узнавали имя отца ребенка и заставляли жениться, если он отказывался, то должен был дать семье девушки коня, овчинную шубу и 25 рублей, такую же лошадь отдают и мужу за бесчестие [16, с. 26]. Степной закон обязывал воспитывать ребенка до семилетнего возраста семьей матери, а затем до совершеннолетия – семьей отца [2, с. 161].

Традиционное общество хакасов в ходе этнической истории выработало механизмы защиты и помощи своим членам, находящимся в социально уязвимом положении. Анализ этнографических данных показал, что женщина в традиционном хакасском обществе была социально защищена в рамках общинно-родового устройства. Она постоянно находится под опекой мужского населения: в детстве – в родительской семье под опекой

отца, затем ответственность за нее нес муж. В случае возникновения особых ситуаций, когда женщина находилась в социально-ущемленном состоянии, то род и община содействовали ее социальной реабилитации.

Литература

1. Бутанаев В. Я. Архаические обычаи и обряды Саянских тюрков / Авт. Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В. – Абакан: Издательство Хакасского Государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2005. 187с.

2. Бутанаев В. Я. К истории семьи и семейного права хакасов (XIX-нач. XX века) // Традиционные верования и быт народов Сибири XIX-нач. XX века. отв. ред И. Н. Гемуев, А. М. Сагалаев. – Новосибирск: Издательство «Наука» Сибирское отделение, 1987. 197 с.

3. Бутанаев В. Я. Свадебные обряды хакасов в конце 19 начале 20 в. // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1987. 216с.

4. Бутанаев В. Я. Степные законы Хонгорая / Авт. Бутанаев В. Я. – Абакан: Издательство Хакасского Государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2004.260 с.

5. Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов: пособие для учителей: Абакан: Хакасское книжное издательство, 1996.157с.

6. Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Учебное пособие для преподавателей гуманитар. вузов тюркоязычных республик России. – Абакан: УПП «Хакасия», 1999. 257с.

7. ГАКК,Ф.- 142. Оп. 1. Д.1. Л.32.

8. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. / Под общ. ред. П. П. Семенова. Том 12, ч.1. Восточные окраины России. – Санкт-Петербург: издание товарищества М.О. Вольф, 1895.160 с.

9. Костров Н. Кизильские татары // Из журнала Москвитянина.-1877.- №11. отдельный оттиск.- С.149.

10. Лаппо Д. Е. Преступления и наказания по степному праву Сибирских кочевых инородцев (Минусинские татары) // Известия Красноярского подотдела Восточно - Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, т. III, вып.1., Красноярск, 1906. С.17 - 35.

11. Несар-Несарцев Н. Н. Материалы к изучению обычного права инородцев Минусинского уезда // Сибирский наблюдатель. Кн.3. 1905.- С.32-46.

12. Орфеев Н. Шаманство у инородцев Минусинского округа // Енисейские епархиальные ведомости.- 1886. -С.9.
13. Патачаков К. М. Семейно-родственные отношения у хакасов // Вопросы этнографии Хакасии - Абакан: ХАКНИИЯЛИ, 1981. С.81-101.
14. Попов П. Инородческие улусы по берегам реки Чулыма //Енисейские епархиальные ведомости.-1884.- №14. Красноярск. - С. 24.
15. Семейная обрядность народов Сибири: опыт сравнительного изучения. – Москва: издательство «Наука», 1980. 240 с.
16. Степанов А. П. Енисейская губерния, ч.1 , Санкт – Петербург, 1835. 230с.
17. Тутаркова Н. В. Хакасская женщина в традиционном обществе // Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий» 6-12 октября 2001г. // Под ред. Анжигановой Л. В., д.ф.н. – Абакан: Издательство Хакасского Государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2002. С.54-57.
18. Хакасские пословицы, поговорки и загадки (на хакасском и русском языках) Сост. и перевод У. Н. Кирбижековой. – Абакан: Хакасская областная типография, 1960. 89 с.
19. ЦГАРХ, Ф.И-2. Д. 1235. Л.22.
20. ЦГАРХ, Ф.И-2. Оп.1. Д. 1157. Л.27.
21. ЦГАРХ, Ф.И-2. Оп.1. Д.1209. Л.4.
22. ЦГАРХ, Ф.И-2. Оп.1. Д.812. Л.1-9.
23. ЦГАРХ, Ф.И-5 Оп.1. Д. 33 Л.80.
24. ЦГАРХ, Ф.И-5. Оп.1. Д. 32. Л.39.
25. ЦГАРХ,Ф.И.-5. Оп.1. Д. 33. Л.69.
26. ЦГАРХ,Ф.И-2,Оп.1. Д. 1235. Л.152.
27. ЦГАРХ,Ф.И-2. Д. 1374. Л.25.
28. ЦГАРХ,Ф.И-2. Оп.1. Д.1. Л.233-243.
29. ЦГАРХ,Ф.И-5. Оп.1. Д. 32. Л.268.
30. Шафиرو И. Б., Ултургашев С. П., Музяев В. Ф., Анжиганов В. С. Долголетие. Долгожителю Хакасии. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 1960. 69с.

© А.И. Макина, 2014.

© «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

Исследование смысложизненной концепции суицидентов в Республике Тыва

Т.В. Пфау, С.Ф. Ооржак. *Хакасский государственный университет им.
Н.Ф. Катанова», Абакан*

В последнее время актуальность проблемы суицида значительно возросла и из года в год приобретает все более глобальный характер, а попытки суицида все чаще становятся формой поведения, к которой прибегает человек в тех или иных неблагоприятных жизненных обстоятельствах.

По данным Всемирной организации здравоохранения в мире за год происходит до 1 млн. суицидов, а число суицидальных попыток на фоне поливалентной социально-психологической дезадаптации достигает 10 млн. случаев [1]. Россия занимает 3 место в мире по частоте суицида среди несовершеннолетних; за последние 5 лет 14157 несовершеннолетних совершили суицид. Еще более пугающая ситуация в возрастной категории 14-18 лет. 2500 молодых людей свели счеты с жизнью в прошедшем году. Кроме того, совершили суициды 50 малолетних детей в возрасте от 5 до 9 лет. Республика Тыва входит в десятку регионов с наибольшей частотой суицидов, лидирует по количеству подростковых самоубийств – 120 случаев на 100 тысяч подростков; после нее следуют Бурятия – 87 случаев, Якутия – 74 случая. Высокая частота подростковых суицидов в Забайкалье, Хакасии, Калмыкии.

В отечественной психологии проблема суицида изучалась В. М. Бехтеревым, В.А. Тихоненко, Ф.С.Сафуановым, А.Г. Амбрумовой и др., в зарубежной психологии - А. Адлером, К. Юнгом, З. Фрейдом, Дж. Хиллменом, Э.Дюркгеймом, Э. Шнейдманом и др. [1]. Психологическая причина суицида заключается в деформации одной из самых важных этических категорий человека – смысла жизни. Человек решается на самоубийство, когда под влиянием тех или иных обстоятельств его существование утрачивает смысл. Утрата смысла жизни – необходимое условие суицидального поведения [2].

Как отмечает Д.А. Леонтьев, то что придает жизни смысл, может лежать и в будущем (цели), и в настоящем (чувство полноты и насыщенности жизни), и в прошлом (удовлетворенность итогами прожитой жизни).

Осмысленность жизни – неоднородная структура; по мнению Д.А. Леонтьева, индикаторами смысла жизни являются смысложизненные ориентации, которые можно соотнести с основными периодами жизни: прошлым, настоящим и будущим. Человек может черпать смысл своей жизни в каком-то из этих периодов или во всех вместе [3].

Несмотря на большое количество работ, посвященных проблемам суицида и смысла жизни, особенности людей, склонных к суициду, изучены недостаточно, в связи с чем имеется потребность более глубокого исследования данной проблемы с тем, чтобы расширить систему представлений о смысложизненной концепции людей, имевших попытку суицида.

Целью исследования явилось изучение смысложизненной концепции людей, имевших попытку суицида. Использовались следующие психодиагностические методы: тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. Крамбо, Л. Махолика в адаптации Д.А. Леонтьева; опросник «Отношение к жизни, смерти и кризисной ситуации» А.А. Бакановой. Статистическая проверка гипотезы осуществлялась с помощью U-критерия - Манна Уитни, SPSS Statistics 20.0.

В исследовании приняли участие женщины и мужчины, совершившие попытку суицида, находящиеся на лечении последствий попыток суицида. Экспериментальная группа – 24 женщины и 6 мужчин, совершивших попытку суицида, состояла в основном из молодых людей: 30% (9) совершили попытку суицида в юношеском возрасте, 20% (6) – в период ранней зрелости, 50% (15) – средней зрелости. Средний возраст в группе составил 28,5 лет. В основном представлена тувинцами 80% (24), 20% (6) русские. Образовательный уровень испытуемых: 20% (6) обучаются в общеобразовательной школе, 23,2 % (7) имеют высшее образование, 56,6% (17) – среднее специальное. 46,7 % (14) имеют стаж и опыт работы в различных видах профессиональной деятельности, 53,3% (16) – не имеют. 63,3% (19) являются не замужними и не женатыми, 13,3% (4) – состоят в законном браке, 13,3% (4) – в гражданском, 6,6% (2) – разведенные, 3,3% (1) – вдова. 53,3% (16) имеют от 1 до 3 детей, 46,7% (14) – не имеют детей.

Контрольная группа – 30 женщин и мужчин, не совершавших суицидальных попыток.

Обе группы были уравнены по всем перечисленным характеристикам.

Анализ результатов исследования особенностей смысложизненной концепции людей, имевших попытку суицида, показал отсутствие удовлетворенности от процесса жизни, для них жизнь не является эмоционально

насыщенной. Эти люди не удовлетворены самореализацией и сам результат жизни их не удовлетворяет ($p < 0,05$).

Результаты исследования также зафиксировали различия в локализации контроля между двумя группами. Люди, не склонные к суициду, набрали больше баллов по субшкале «Жизнь» (средние значения: 30,46 и 25,86), а суициденты – по субшкале «Я» (средние значения: 33,33 и 26,82). То есть последние более склонны считать себя сильной личностью, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы изменить свою жизнь в соответствии со своими целями и задачами, в частности, способными даже на то, чтобы свести счеты с жизнью. Но, в то же время, респонденты, имевшие попытку суицида, считают, что они не в состоянии контролировать сам процесс своей жизни. Они полагают, что все события происходят без их участия и ничего с этим сделать невозможно. Не склонные к суициду участники исследования убеждены в том, что они могут контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их ($p < 0,01$).

Анализ результатов исследования системы **отношений испытуемых к основным экзистенциальным ценностям** показал, что суициденты не принимают жизнь со всеми ее проблемами и успехами. Для них характерно своеобразное «отторжение» собственной жизни, исключение себя из ее процесса, непринятие, что и приводит к внутренней дезинтеграции личности ($p < 0,05$). Исследование также показало наличие у респондентов, имевших попытку суицида, в личном опыте актуальных неразрешенных детских конфликтов, а также недоверия, ощущения опасности, дискомфорта в отношениях с собой, другими людьми и окружающим миром ($p < 0,05$).

Таким образом, по результатам исследования можно сделать следующие выводы:

У респондентов, имевших попытку суицида, диагностируется неудовлетворенность процессом жизни, самореализацией и результатом жизни.

Суициденты, с одной стороны, считают себя сильной личностью, способной изменить свою жизнь в соответствии со своими целями и желаниями, но, в то же время не в состоянии контролировать сам процесс своей жизни. Они убеждены, что все события происходят без их участия и с этим ничего невозможно сделать.

Мужчины и женщины, имевшие попытку суицида, не принимают жизнь со всеми ее проблемами и успехами; для них характерно своеобразное «отторжение» собственной жизни, исключение себя из ее процесса, непринятие и, как следствие, внутренняя дезинтеграция личности.

В личном опыте суицидентов фиксируются актуальные неразрешенные детские конфликты, а также недоверие, переживание опасности и дискомфорт в отношениях с собой, другими людьми и окружающим миром.

Литература

1. Дрёмова, Н.В. Динамика клинико-неврологических электроэнцефалографических показателей после незавершенных суицидальных отравлений димедролом и феназепамом [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. мед. наук. / Н.В. Дрёмова. – Москва КГМУ ФА по ЗСР, 2008. – 3 с. [Режим доступа]: URL: <http://www.allbest.ru/>

2. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности [Текст]: учеб. Д.А. Леонтьев. - М., 1999. — 487 с.

3. Психологические особенности лиц, совершивших попытку суицида, гендерный аспект [Электронный ресурс]: [Режим доступа]: URL: <http://www.allbest.ru/>

© Т.В. Пфау, С.Ф. Ооржак, 2014.

© «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

УДК 159.9

Уровень развития психометрического интеллекта у младших школьников Московской агломерации

П.В. Сабанин. *Московский городской педагогический университет,
Москва*

Введение

Психическое развитие детерминируется различными причинами, факторами и условиями. В разных условиях жизнедеятельности человека соотношение социальной и биологической детерминации развития (филогенетического и онтогенетического) складывается по-разному [3].

В психологии при исследовании влияния среды на психическое развитие, в том числе когнитивное, выделяют внутрикультурные и межкультурные исследования. При внутрикультурных исследованиях учеными

исследуются особенности психического развития у людей, живущих в одной географической среде и культуре, но испытывающие влияние различных микросред (например, влияние семьи на когнитивное развитие ребенка).

Одним из факторов, влияющих на уровень когнитивного развития, является социально-экономические условия жизнедеятельности ребенка. Данные условия зависят от общественного устройства, включая государственный, региональный и местные уровни. Общество является системой, в которой устанавливаются связи и отношения между индивидами (и их общностями), которые выступают как существенные необходимые условия существования и развития индивида, в том числе и психического. Поэтому при изучении развития психики ребенка необходимо учитывать условия, в которых происходит формирование его ведущей деятельности, которая в свою очередь деятельность обуславливает важные изменения в психических процессах и психологических особенностях личности ребенка на определенном этапе развития [2].

В психолого-педагогической практике для оценки возрастных и индивидуальных особенностей психического развития широко распространены являются тесты, исследующие уровень интеллектуального развития, но по сути диагностирующие психометрический интеллект [1].

Учитывая вышесказанное и тот факт, что в младшем школьном возрасте происходит активная интеллектуализация психических процессов, а построение и реализация школьной программы должна учитывать возрастные и индивидуальные особенности психики, исследование уровня развития психометрического невербального интеллекта у младших школьников Московской агломерации является весьма актуальным. Необходимо отметить, что для более объективного представления результатов должны учитываться данные, полученные при обследовании детей проживающих как в городских, так и сельских поселениях. Это обусловлено тем, что данные поселения представляют собою системные элементы Московской агломерации, объединенные интенсивными социально-экономическими и культурно-бытовыми взаимосвязями в динамическую систему с центром в городе Москва.

Цель исследования: определить уровень развития психометрического невербального интеллекта у младших школьников Московской агломерации, проживающих в разных социально-территориальных общностях (село и город).

Организация и методика исследования.

В исследовании приняли участие 225 младших школьников в возрасте 9-10 лет проживающих на территории Московской агломерации. Испытуемые были разделены на 3 группы, в зависимости от типа населенного пункта, в котором они проживают и обучаются:

1 группа – школьники, проживающие в г. Москве в количестве 92 человека;

2 группа – школьники городской местности агломераций 2-го порядка (г. Чехов и г. Троицк) в количестве 78 человека;

3 группа – школьники сельских поселений агломераций 2-го порядка в количестве 55 человек.

Для исследования психометрического интеллекта (невербального) использовался Тест «Цветные Прогрессивные Матрицы» (ЦПМ) Дж. Равена – параллельная форма (Издательство «Когито-Центр») [4; 5]. Основное назначение теста – оценка общей способности к систематизированной, планомерной интеллектуальной деятельности. В процессе выполнения теста актуализируются такие когнитивные процессы как зрительное восприятие, внимание и образное мышление.

Статистический анализ результатов исследования производился при помощи статистического пакета IBM SPSS Statistics 20. Для анализа полученных результатов использовались методы описательной статистики; однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) с последующими множественными сравнениями использовался для выявления различий между тремя независимыми выборками.

Результаты и их обсуждение.

Анализ результатов показал, что у младших школьников Московской агломерации средний балл полученный по методике ЦПМ равен $28,40 \pm 4,7$, что соответствует возрастным нормативам выполнения методики [4, 5].

Анализ результатов полученных в сериях показал, что лучше всего младшие школьники справляются с такими познавательными операциями как дифференциация основных элементов структуры и раскрытие связей между ними, и идентификация недостающей части структуры и сличение ее с представленными образцами (серия А); аналитико-синтетическая мыслительная деятельность (серия Ab). Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Групповые показатели по методике ЦПМ (баллы)

	Московская агломерация	1-я группа (г. Москва)	2-я группа (город агломерации 2 порядка)	3-я группа (село)
Общий балл ЦПМ	28,4±4,7	29,7±4,3	28,4±4,5	26,2±5
Серия А	9,72±1,3	9,9±1,4	9,7±1,2	9,5±1,3
Серия Аb	9,9±1,8	10,2±1,7	10,1±1,8	9,2±2,2
серия В	8,7±2,6	9,6±2,3	8,7±2,7	7,5±2,6

Далее были проанализированы результаты, полученные в группах. В 1 группе у городских детей средний балл по методике равен 29,68±4,3, что более чем на один балл выше среднего результата по выборке Московской агломерации в целом. Также как и для младших школьников Московской агломерации, лучшие результаты отмечены в решении матриц серий А и Аb. Средний балл по методике во 2 группе равен 28,42±4,5 и соответствует результату выборки Московской агломерации в целом, по результатам полученным в сериях ситуация аналогична 1 группе.

Результаты в 3 группе имеют свои отличительные особенности: средний балл по методике ниже результата выборки Московской агломерации (26,2±4,9) более чем на 2 балла, а лучший результат отмечен в серии А.

Выявление различий в результатах по общему баллу ЦПМ между тремя независимыми выборками с помощью ANOVA показало, что имеются статистически значимые различия по общему баллу ЦПМ на уровне $p < 0,001$. Множественное сравнение по критерию Шеффе показало, что более высокие показатели отмечаются у московских детей (1 группа) и городских детей агломераций 2-го порядка (2 группа), а статистически самые низкие результаты наблюдаются у детей из сельской местности (3 группа). Результаты представлены в таблице 2.

В результатах по сериям Аb и В выявлено различие между тремя независимыми выборками с помощью ANOVA на уровне $p < 0,01$ (серия Аb) и $p < 0,001$ (серия В). Множественное сравнение по критерию Шеффе выявило ситуацию, аналогичную обнаруженной по общему баллу ЦПМ, где самые низкие результаты наблюдаются у детей сельской местности. Статистически значимых отличий в результатах серии А не выявлено.

Таблица 2. Множественные сравнения групповых показателей ЦМП с помощью критерия Шеффе

Зависимая переменная		Разность средних (I-J)	Стандартная ошибка	Значение	
Общий балл ЦМП	1 группа	2 группа	1,262	0,700	0,199
		3 группа	3,485*	0,775	0,000
	2 группа	1 группа	-1,262	0,700	0,199
		3 группа	2,223*	0,800	0,023
	3 группа	1 группа	-3,485*	0,775	0,000
		2 группа	-2,223*	0,800	0,023
серия Ab	1 группа	2 группа	0,155	0,282	0,860
		3 группа	1,025*	0,313	0,005
	2 группа	1 группа	-0,155	0,282	0,860
		3 группа	0,869*	0,323	0,028
	3 группа	1 группа	-1,025*	0,313	0,005
		2 группа	-0,869*	0,323	0,028
серия B	1 группа	2 группа	0,884	0,385	0,074
		3 группа	2,031*	,426	0,0001
	2 группа	1 группа	-0,884	0,385	0,074
		3 группа	1,147*	0,440	0,035

	3 группа	1 группа	-2,031*	0,426	0,0001
		2 группа	-1,147*	0,440	0,035

Примечание: * - Разность средних значима на уровне 0.05.

Полученные результаты показывают, что для всех трех групп детей наибольшую сложность представляют задания серии В; это объясняется тем, что тест ЦПМ построен по принципу прогрессивности, а в структуре теста это самая сложная серия матриц. Наилучший результат у городских групп отмечен в промежуточной серии Ав, а у сельских детей в серии А, самой легкой из всех 3-х серий теста.

Рисунок 1. Уровни интеллектуального развития детей разных групп по результатам теста «ЦПМ»

Для дальнейшего анализа полученные результаты были сгруппированы в соответствии с уровнем интеллектуального развития (рисунок 2). Разделение данных на процентные доли и группировка респондентов с определенным уровнем интеллектуального развития показало, что в I уровне («суперинтеллектуал») по сравнению с другими группами домини-

руют дети второй группы (город агломерации 2-го порядка). Для детей из первой группы (город Москва) свойственно развитие интеллекта на среднем уровне и выше среднего. В 3 группе наблюдается наибольшее количество детей с показателями среднего и ниже среднего уровня умственного развития. Для детей из 1 группы свойственно наименьшее количество детей с V и IV уровнем.

В целом по Московской агломерации больше всего детей (47,6 %) со средним уровнем интеллектуального развития. Детей с очень низким уровнем развития интеллекта всего 4,4%, а с высоким (суперинтеллектуал) 7,6%, детей с уровнем развития ниже среднего 24% и выше среднего уровня и 16,4%.

Выводы

Младшие школьники Московской агломерации при выполнении методики ЦПМ показывают результаты соответствующие возрастным нормативам для данной методики.

Выявлены статистически значимые различия в результатах между городскими и сельскими детьми, как по общему баллу ЦПМ, так и по сериям матриц А и Аb.

Определено, что по самому высокому уровню интеллектуального развития лидируют младшие школьники из городской местности агломераций 2-го порядка (2 группа). У детей из 1 группы (город Москва) преобладают показатели среднего и выше среднего уровня развития интеллекта. У большинства детей 3 группы выявлены показатели среднего и ниже среднего уровня интеллектуального развития.

Заключение

Полученные результаты дают возможность при определении стратегии психологического развития младших школьников в процессе школьного обучения более полно определять особенности развития когнитивных процессов детей, относящихся к разным социально-территориальным общностям Московской агломерации и выстраивать индивидуальный подход в обучении ребенка.

Литература

1. Айзенк Г.Ю. Понятие и определение интеллекта // Вопросы Психологии. 1995. № 1. С.111-131.

2. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. I —М.: Педагогика, 1983.— 392 с., ил.— (Труды д. чл. и чл.-кор. АПН СССР).

3. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

4. Равен Дж. К., Корт Дж. Х., Равен Дж. Руководство к Прогрессивным Матрицам Равена и Словарным Шкалам: Раздел 2: Стандартные Цветные Матрицы (включая Параллельные версии Теста), Изд. 2-е стереотип. / Пер. с англ. М.: «Когито-Центр», 2009. 80 с.

5. Семаго Н. Я., Семаго М. М. Теория и практика оценки психического развития ребенка. Дошкольный и младший школьный возраст. СПб.: Речь, 2005. — 384 с.

© П.В. Сабанин, 2014.

© «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

УДК 316.6;159.922.736.3

Дети эпохи перемен: иерархия ценностей

Т.А. Салчак. *Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан*

Стало приметой времени в отечественном социально-гуманитарном дискурсе уделять особое внимание обсуждению проблемы деформации системы ценностей и идентичности молодёжи. Это объясняется рядом факторов. Во-первых традиционно негативным восприятием «старшим поколением» норм, ценностных ориентаций и стереотипов поведения «молодого поколения». Во-вторых, дата рождения большинства учащихся нынешних десятых и одиннадцатых классов приходится на начало 2000-х. Это дети, рожденные в период радикальных социально-политических и экономических перемен, слома прежней общественной парадигмы.

Период их воспитания в жизни родителей совпало с жестко продиктованной реальностью требованием выработать новые адаптационные механизмы и жизненные стратегии для приспособления, а подчас и выживания в динамично меняющейся реальности. Как такое детство сказалось

на нынешних старшеклассниках, их мировоззрении и жизненных планах? Представляется значимым изучение того, как проектируют свое будущее сегодняшние выпускники школ, поскольку в их ценностных ориентациях и выборе жизненного пути содержатся элементы новых характеристик будущего российского общества ближайших десятилетий.

В феврале-марте 2013 нами было осуществлено социологическое исследование: «Жизненные планы и ценностные ориентации старшеклассников РТ и РХ». Цель исследования – выявление и анализ динамики ценностных и профессиональных ориентаций старшеклассников, влияния, которое оказывают на них социально-демографические трансформации. Использовался метод опроса с квотой по полу и возрасту. Опрос проводился в 2-х школах республик Тыва и Хакасия. Выборка составила 200 респондентов.

Полученные в ходе исследования данные, по нашему мнению, свидетельствуют о серьезных изменениях в молодежном сознании. Было установлено, что престиж высшего образования у современной молодежи чрезвычайно высок. И это притом, что лишь чуть более половины родителей старшеклассников имеют высшее образование (54% отцов и 53% матерей), 85% учащихся десятых и одиннадцатых классов твердо намерены после школы продолжить учебу в вузе.

То, что профиль высшего образования родителей слабо повлиял на профессиональный выбор молодых людей, не останавливает динамичного роста престижа учебы в вузе. Только 21% старшеклассников выбирают ту же профессию, что у отца или матери. Снижение роли мнение родителей при выборе профессии детей свидетельствует о том, что родители нынешних старшеклассников, пережившие сложный период активной социальной модернизации и снижение социального, профессионального и финансового статуса, выработали адаптационный механизм для своих детей, как бы предлагая им не копировать их опыт. Родители активно (в отношении профориентации существенно активнее, чем школа) участвуют в процессе социализации подростков, ориентируя их на более устойчивые и менее зависящие от социально-политических изменений жизненные стратегии и ценности. Старшеклассники приняли такую модель поведения и готовы тратить время на подготовку к предложению образования.

Как для родителей, так и для школьников становится нормой не только сам факт получения высшего образования, но и его содержания и качества. Учитывая распространённость стереотипа приоритетности «бесплатного» образования, 41% опрошенных школьников предпочитает каче-

ственное платное некачественному бесплатному образованию. Только 35% выбрали бесплатное образование, вне зависимости от его качества. Полученные результаты позволяют предположить, что образование воспринимается старшеклассниками не как формальная, а как содержательно востребованная составляющая профессиональной стратегии.

То же относится к содержанию труда. В выборе между «интересной работой» и «высокими заработками» мнения старшеклассниками разделились: 18% готовы предпочесть интересную работу высокой зарплате, 28% скорее, согласны на этот вариант, 23% безусловно остановят свой выбор на высоких заработках и 31%, скорее, примут такое решение. Мотивация высоких заработков лидирует, но с незначительным отрывом, что свидетельствует о не безразличии старших школьников к содержательной стороне будущей профессии.

Если учесть, что спрос на рынке труда на специалистов с высшим образованием отстаёт от потенциального предложения, а через 5-6 лет это отставание может достичь критической отметки, мы должны ожидать, что вскоре перед всем обществом и экономикой встанет альтернатива: пренебречь этим мощным ресурсом или ускорить экономическую модернизацию. Будет ли востребовано такое количество специалистов с высшим образованием, зависит от ситуации в стране.

Исследование показало также, что базовая специализация школьного образования, если таковая имеется, не столь уж сильно влияет на выбор выпускниками будущей профессии. Например, 48% учащихся физико-математических классов и школ выбирают ту же профессиональную сферу для продолжения обучения, а другая половина делит предпочтения между финансами и экономикой (28%), гуманитарными специальностями (11%) и другими профессиями нетехнического профиля. В школах и классах с гуманитарной специализацией только 24% выбирают социально-гуманитарные профессии, 35% экономику и 18% технические специальности. В школах, где базовой специализацией является иностранный язык, будущих гуманитариев ещё меньше – 20%; 43% выпускников языковых школ выбирают финансовую сферу и 22% техническую. Что касается иностранного языка, можно утверждать, что его хорошее знание действительно пользуется широким спросом на рынке труда при самых разных направлениях профессиональной специализации.

Но не столь уж жесткое влияние других базовых школьных специализаций на дальнейший профессиональный выбор позволяет сделать и более широкое допущение. Опыт поколений, переживших сложный период

адаптации, или «стресс социальных изменений», говорит необходимости накопления ресурса социальной мобильности. Какие же профессии выбирают для себя сегодняшние выпускники? На основании опроса старшеклассников, собирающихся продолжить учёбу в вузе, был составлен список профессий, отражающий их предпочтения: служащие МВД/ФСБ/МЧС – 30%; инженер/технолог – 20%; экономист/бухгалтер – 19%; менеджмент/управление – 18%; программист – 15%; юрист/врач/ветеринар – по 13%; филолог/переводчик, психолог – по 14%; реклама/пиар, художник/хореограф, социолог/политолог/философ – по 12%; эколог, конструктор/дизайнер, журналист – по 7%; культуролог/искусствовед, актёр/актриса, архитектор/дизайнер – по 5%. Если сравнить эти данные с результатами других опросов, посвящённых профессиональной ориентации старшеклассников за прошедшие годы, можно обнаружить существенную динамику изменения предпочтений. Из новаций 2013 года обратим внимание на более устойчивую выраженность предпочтений и меньший разброс при выборе профессий. Возможно, некоторое сужение спектра профессионального выбора можно объяснить формированием более предсказуемых тенденций и некоторой стабилизацией на самом рынке труда, с одной стороны, и соответственно более адекватной и реалистичной оценкой его состояния старшеклассниками – с другой. Тогда профессиональный выбор сегодняшних выпускников можно охарактеризовать как более реалистичный, правда несколько суженный рациональной оценкой профессионального спроса на рынке.

Мы уже отмечали значимость для старшеклассников мнения семьи. По данным 2013 года родители и учителя старшеклассников оказывают значимое влияние на профессиональный выбор; позиция родителей оказывается решающей при выборе профессии у 64% школьников, ещё 31% при выборе профессии прислушиваются к советам учителей. Кроме того, две трети школьников в нашем опросе оценили свои отношения с родителями позитивно, 51% считают, что учителя относятся к ним справедливо, и ещё 61% оценивает свой класс как дружный. Представляется, что в отношении семьи, школы и ближайшего окружения в целом за десять лет сформировалась настолько отличная модель отношений, что можно говорить о смене ценностной ориентации: от старшеклассников, принадлежащих как бы другому поколению с иными ценностными устремлениями.

Столь высокая степень сплоченности, солидарности в обычно конфронтационной системе отношений «отцов и детей» (и со старшими из ближайшего окружения) формируется у подростков как своего рода сред-

ство защиты. В их суждениях о «большом мире» преобладают скептически-негативные оценки, без идеализации. Так, «отрицательно» и «скорее отрицательно» оценивает работу российского правительства соответственно 21% и 42% респондентов. А 53% респондентов считают, что честно разбогатеть в нашей стране нельзя. С тем, что в престижные вузы можно поступить только за взятку, согласны 26% и частично согласны еще 35% опрошенных.

Настороженно-скептическое отношение к социальным институтам и статусам «взрослого мира», скорее всего, сказывается на снижении интереса к профессиональным позициям, с которыми традиционно связано представление об активном воздействии на широкую социальную среду, к социально-профессиональным статусам, в той или иной мере связанным с публичной деятельностью (журналиста, политолога, юриста, социолога, психолога). Этой же причиной может объясняться низкая популярность работы в силовых структурах, которые отличает столь же активная форма взаимодействия с социальной средой. Судя по данным нашего опроса, в предпочтениях сегодняшних старшеклассников доминируют виды деятельности, востребованные практически при любой социальной ситуации, мало подверженные влиянию социальной или политической конъюнктуры, не сверхвысоко, но и не низкооплачиваемые, оставляющие старшекласснику широкое поле для выбора места работы.

Следует отметить, что профессиональным выбором нынешние выпускники школы повышают вероятность своего попадания в российский «средний класс». К нему, по мнению современных исследователей, по социально-профессиональным критериям относятся «те, кто имеет дипломы о высшем образовании, имеет регулярную занятость на рынке труда, занят не физическим трудом и при этом не относится к числу руководителей».

Выпускники ориентированы на долгосрочную стратегию созидания, выстраивания собственного мира на фундаменте предсказуемости и стабильности профессионального будущего, то есть той части жизненного пути, которая в большей степени зависит непосредственно от них. И высокий социальный статус перемещен для нынешних старшеклассников в область частных достижений, успешности в частной сфере: семьи, карьеры, финансовой стабильности, дружеского общения. Причем, в сознании старших школьников этот «частный мир» определяет высокая степень семейной солидарности, неконфронтационно принимаемая ими иерархия авторитетов, дружеская сплоченность в противовес макросоциальному

миру, который оценивается с высокой степенью критики, но вызывает при этом желания активно влиять на его изменение.

Более чем две трети школьников считают себя целеустремленными, упорными, методичными и успешными людьми. Даже если такого рода самооценка описывает «идеализированный» образ «Я», а не реальный характер, все равно она не дает возможности для объяснений потери интереса к решению макросоциальных проблем через психологическое клише «подросткового эскапизма». Как представляется, выбор жизненного пути, цели которого преимущественно лежат в границах приватности, свидетельствует о том, что поколение выпускников 2013 года уходит от романтизировано-революционных поведенческих стратегий 1990-х годов к прагматической ревизии системы ценностей, где общественно значимые задачи уступают место индивидуально значимым.

Разумеется, материалов описанного исследования недостаточно, чтобы превратить наши предположения из гипотез в утверждения. Для этого требуется время и дальнейшее более детальное изучение рассматриваемых в статье тенденций.

© Т.А. Салчак, 2014.

© «PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

УДК 101.1

Обычаи и традиции тувинцев-тоджинцев, связанные с традиционными видами хозяйства

М.Р. Саны. *Тувинский государственный университет, Кызыл*

Тувинцы – коренное население Республики Тыва (Тува) в составе Российской Федерации. На территории Тувы, расположенной в бассейне Верхнего Енисея (площадь 175, 5 тыс. кв. км.), проживают 223150 тувинцев (общая численность 310200 чел.).

Жители каждого региона Тувы, будь то западный, южный, восточный, центральный или северный, имеют свои отличия как в сфере общественно-хозяйственного устройства, так и в культурной сфере. Наиболее

своеобразной и отличающейся от других этнической группой являются тувинцы-тоджинцы (самоназвание – тожулар).

Тувинцы-тоджинцы – уникальный коренной субэтнос, проживающий в Тоджинском кожууне (районе) Республики Тыва. Тоджинский район по праву называется самым красивым, экологически чистым и богатым природными ресурсами.

Тоджинский кожуун (район), территория которого является местом исторического проживания тоджинцев, приравнивается к районам Крайнего Севера. Со всех сторон Тоджа окружена высокими горными хребтами. По сравнению с другими районами в Тодже расположено самое большое количество озер и рек, которые спускаются с вершин и впадают в могучий Бий-Хем, чтобы соединить свои силы с великой рекой Улуг-Хем (Енисей). Издревле тувинцы-тоджинцы состояли из нескольких больших родовых ветвей. Перечислим некоторые из них: род Ак-Чооду, населявший бассейн реки Хам-Сыра, подножия и склоны гор Улуг-Даг; род Кара-Чооду – горы Өдүген, река Серлиг; родовые общины Кол, Тодут, Ак и т.д. Впоследствии все эти и другие родовые сообщества были объединены в три самых многочисленных рода – Чооду, Тодут и Кол, остальные родовые ветви являются незначительными по количеству и населяют разные районы Тоджи, в большинстве своем в бассейне реки Бий-Хем. В настоящее время остались в Тодже родовые сообщества: Ак, Кол, Бараан.

Традиционными видами хозяйствования тувинцев-тоджинцев являются оленеводство, рыболовство, охотничий промысел и сбор ягод, орехов, трав и т.п. Реки и озера Тоджи богаты ценными породами рыб (таймень, хариус, сиг и пр.). Охота на зверя – главное занятие мужской части населения Тоджинского кожууна, и к этому промыслу они приучаются с юных лет. Мужчины в Тодже постоянно уходят в тайгу на охоту или на берега рек и бескрайних озер за рыбой. Можно сказать охотой и рыболовством занимаются 97% мужчин в Тодже. Жилищем пастуха оленей, рыбака или охотника является чум, который изготавливается или из бересты, или из оленьих шкур, но также встречаются деревянные хижины. В настоящее время чум как традиционное жилище тоджинцев стал использоваться все реже.

Дети тувинцев-тоджинцев с самого раннего возраста постоянно, а не от случая к случаю, выполняли множество трудовых поручений, которые с годами все больше и больше усложнялись. Подрастающий ребенок в тоджинской семье был постоянно ориентирован на труд. Ориентированность детей на труд не была лишь следствием реализации «педагогиче-

ских задумок» родителей, хотя и имела глубокий педагогический смысл. Она была суровой необходимостью, поскольку трудовая жизнь тувинцев-тоджинцев была столь тяжелой, что обойтись без детского труда не представлялось возможным. Можно сказать, что трудовое воспитание подрастающему поколению давала и сама жизнь, а не только родители. Единственным способом выжить среди тайги была охота, рыболовство и собирательство. Суровые условия жизни тувинцев-тоджинцев не позволяли детям жить по законам своего возраста, когда на первом месте игры и развлечения, а требовали от них сознательности взрослых людей, отягощенных повседневными заботами о «хлебе насущном».

Именно по этой причине дети тувинцев-тоджинцев рано взрослели, учились смотреть на мир глазами взрослых. С подростков тринадцатичетырнадцати лет был почти такой же спрос за труд, как и со взрослых. Такая ситуация отражена в тувинских пословицах: «Эргээ оорениринден бергээ оорен» (Нежность расслабляет, трудности закаляют); «Хол шимчээрге хырын тодар» (Руки работают, и живот сыт).

С самого начала дети тувинцев-тоджинцев, как и родители бережно, уважительно относились к природе. Их экологический опыт передавался из поколения в поколение как норма поведения в повседневной жизни. Экологические традиции тувинцев-тоджинцев – один из примеров гуманного экомышления. Их справедливо называли вечными кочевниками на оленях. Действительно, в поисках лучших пастбищных и охотничьих угодий они постоянно кочевали. Поэтому вся их система хозяйственной и духовной культуры была приспособлена к кочевой жизни. В виду своей кочевнической жизни они были тесно связаны с природной средой. Им всегда было свойственно то, что сейчас называется экологическим отношением: это мудрое отношение к тайге как к среде обитания и глубочайшая экологическая интуиция. Тувинцы-тоджинцы свой опыт природопользования отразили в своих обычаях и верованиях. Важно сказать что, у тувинцев жанры фольклора – сказки, загадки, пословицы, заповеди – обучали молодое поколение взаимодействию с природой, через них передавались из поколения в поколение экологические знания народа.

Коренные жители Тоджи всегда занимались охотой, рыболовством и оленеводством. Для правильного понимания традиционного отношения к рыбе, оценки приемов и орудий рыбной ловли следует учитывать, что рыба не являлась продуктом питания, которому тувинцы отдавали предпочтение. Рыбу тувинцы называют балык, но в обиходном языке больше распространено второе название, точно отражающее традиционное отно-

шение к рыбе – суг курту «водяной червь». Причина подобного отношения к рыбе в том, что живых существ, обитающих в воде, тувинцы называли червями по аналогии с паразитами в живых организмах. Вода в традиционном понимании считалась жизнью. Такое отношение к рыбе было в Туве преобладающим, но не абсолютным. Часто в жизни возникали ситуации, когда рыба становилась единственным источником пищи [2, с. 128].

В настоящее время по сравнению с другими районами тувинцы-тоджинцы продолжают более активно заниматься рыболовством и теперь, так как в силу социально-экономических факторов – безработицы, отсутствия других источников доходов – охота и рыболовство одна из возможностей прокормить семью.

Тоджа сумела сохранить для нынешнего поколения природу, чистоту воздуха, все, что окружало человека, все это обожествлялось. Познание экологических традиций и обычаев у человека происходит с рождения, в семье. Именно в семье воспитывается экологическое понятие малой родины, устанавливается органическая связь с природой, воспитывается этика поведения в природе [1, с. 56].

В данной работе мы исследуем экологические традиции тувинцев-тоджинцев. Из высказываний информатора можно узнать о некоторых запретах и традициях в рыболовстве. Например, запрещалось ловить рыб, как поднимающихся вверх по течению для зимовки, так и спускающихся вниз с наступлением весны: тувинцы-тоджинцы считали священными омуты и заливы, где зимуют рыбы (С.А. Бестек). Они крайне бережно относились к рыбам, зверям, птицам. Есть такая притча [3, с. 65]. У народа были заповеди: рыба – дар природы; рыбу не убивают во время зимней спячки; не перегораживают речку с рыбой; ловят рыбу в меру, по надобности, зимой старались не ловить рыбу; рыбу не ловят сетями...

В тоджинской семье знают систему запретов и предписаний, что является стержнем воспитания и мировоззрения в целом. Запреты и предписания играли значительную роль в процессе формирования воспитанных, заботливых и послушных людей.

Экологическая мудрость является замечательной особенностью национального характера тувинцев. Существовала целая система правил – запретов. Тяга к миру природы, стремление чувствовать себя свободно, как птица, брать, не разрушая – в крови бывших кочевников. Например, существует особые предписания и запреты в отношении огня. Огонь считался духом, который может принести вред, если его рассердить. Поэтому его нельзя ругать, в него нельзя плевать. Детям запрещалось прыгать че-

рез огонь, зажигать головню в огне очага и выносить из жилища. Нельзя было «играть» с огнем. Огонь был священным древних времен.

Священные родовые горы почитались тувинцами как старшие родственники, так же как у алтайцев и хакасов. Многочисленные этнографические материалы свидетельствуют, что представление о плодородии почвы и богатом урожае тувинцев-тоджинцев связаны с культом животворящего источника. Детям запрещалось играть у источников, загрязнять их, кидать в источник предметы быта. Почетными старейшинами аала запрещалось без надобности около источника создавать шум, играть в игры, заходить в источник босиком и т.д. Говорили, что источник может «уйти», иссякнуть. Нужно избегать употребления проточной воды зимой, когда есть снег, чтобы не беспокоить водяного духа.

Таким образом, можно сделать вывод, что этноэкологические традиции имеют большое влияние на подрастающее поколение.

Тувинцы-тоджинцы своих детей все еще учат почитать природу, бережно относиться к ней и соблюдать все запреты и предписания предков: «Ада созун ажырып болбас, ие созун ижип болбас» (Наказ отца запоминать, слова матери уважай).

В Тоджинском кожууне большинство жителей охотники, оленеводы и рыбаки. Мудрое отношение оленевода, охотника, рыбака к тайге как среде обитания, его глубочайшая экологическая интуиция направлены на сохранение экосистемы.

Природа для тувинцев-тоджинцев родной дом, она – первооснова существования, источник жизнеобеспечения. Нанести природе вред означает для них большой грех. Они твердо знают меру – не брать у природы больше, чем нужно и, самое главное, они уважают и ценят свою природу. Запреты и предписания в отношении природы для них – неписанный закон жизни. Одним из примеров являются рыболовные обряды, правила, приметы и запреты, через которое мы узнаем об особом отношении к природе тувинцев-тоджинцев. Так, тувинец-тоджинец обязан был уважительно относиться к пойманной рыбе, нельзя было надругаться над добычей, ловить рыбы больше, чем необходимо семье для пропитания (А.С. Кол).

Жизнь тувинца-тоджинца проходила в постоянном общении с природой, неповторимой степной ковыльной красотой. Она давала ему все: жизнь, уверенность в благополучном будущем. Его постоянно сопровождали смертельные опасности, его жизнь полностью зависела от стихий природы. Каждый тувинец-тоджинец знает, что их будущее зависит от воспитания их детей.

На сегодняшний день становится все более очевидным, что каждый этнос может сохранить себя, только опираясь на собственную традиционную систему воспитания.

Литература

1. Вайнштейн С.И. Тувинцы Тоджи (историко-этнографический очерк): Дисс...канд.ист.наук.– Кызыл: 1965
2. Даржа В.К. Традиционные мужские занятия тувинцев: Хозяйство, охота, рыбалка. Том I. – Кызыл: Тувинское кн.изд-во, 2009. – с. 60-65
3. Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная культура тувинцев. Тув. кн. изд. – Кызыл, 2006.

Информанты:

Бестек Сергей Александрович 1965 г.р.

© М.Р. Саны, 2014.

© «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

УДК 159.9

К вопросу о толерантности будущих педагогов

Е.Н. Теселкина. *Колледж педагогического образования, информатики и права, Абакан*

Одной из важнейших характеристик демократического государства в наши дни признается толерантность взглядов, суждений, людей. Способность принять иную точку зрения становится одним из критериев человека, обладающего устойчивыми социальными и нравственными убеждениями, способного усваивать и перерабатывать новую информацию, способного к социальной адаптации и социальному творчеству.

Современные условия развития общества выдвигают новые требования к педагогу, предусматривающие формирование педагогической толерантности. Толерантность может рассматриваться, с одной стороны, как средство

достижения поставленных воспитательных и образовательных задач, с другой, — как одна из целей процесса воспитания.

Психолого-педагогические аспекты сущности формирования и развития толерантности рассмотрены в трудах А. Г. Асмолова, Г. В. Безюлевой, Г. М. Шелаховой, О. Г. Шаврина, В. С. Чернявской, В. А. Паниной, О. А. Беньковой, Г.В. Степанова и др. Анализируя особенности толерантности учителя в педагогическом процессе, Ю.П. Поваренков [2] определяет два вида толерантности педагога: социальная (или социально-психологическая) и психологическая (или психофизиологическая). Наличие социальной толерантности позволяет учителю эффективно взаимодействовать со всеми участниками образовательного процесса, а сформированность психологической толерантности обеспечивает высокую устойчивость учителя к многочисленным профессиональным стрессам и способствует эффективному построению профессиональной карьеры.

Толерантность является многоаспектным качеством будущего учителя, определяется его готовностью и способностью к активной позиции в профессиональной деятельности по отношению к детям. В школу должен прийти новый учитель, с новым мышлением, способный реализовать задачи, выдвинутые ФГОС, готовый принять детей с ограниченными возможностями здоровья. Выборку нашего исследования составляли студенты 4 курса колледжа педагогического образования, информатики и права в количестве 45 человек. В ходе исследования мы использовали психодиагностическую методику диагностики общей коммуникативной толерантности (В.В. Бойко) и «Диагностический тест отношений» Г.У. Солдатовой, О.А.Кравцовой.

Проведенное эмпирическое исследование позволило выявить, что большая часть опрошенных занимают толерантную позицию (85%). В группе толерантных студентов выявлены следующие личностные характеристики в межличностном взаимодействии: умение видеть мир глазами других, понимать его, так же как и они, воспринимать поступки других людей с их же позиции и в то же время умение сказать другим о своем понимании и дать возможность подтвердить или опровергнуть эти представления; способность не только чувствовать, но и показывать людям свое доброжелательное отношение, уважение и симпатию, умение принимать их даже тогда, когда не одобряешь их поступки, готовность поддержать других; отсутствие страха при непосредственном соприкосновении со своими чувствами или чувствами других людей; умение не только испытывать какие-то чувства в общении с людьми, но и показывать их, выражать го-

товность принимать эмоциональную экспрессию со стороны других людей, но при этом отсутствие стремления навязать окружающим свои чувства, чтобы они осознавали свою ответственность за них; умение с глазу на глаз общаться с другими людьми с полным осознанием своей ответственности и заинтересованности; умение давать оценку себе, своим действиям и поступкам, действиям и поступкам других людей, умение познавать свой внутренний мир.

Интолерантных студентов характеризует низкая степень важности мирных и дружеских отношений между нациями, агрессивность. У них выявлены следующие личностные характеристики в межличностном взаимодействии: проявление агрессивности в деструктивных действиях, целью которых является нанесение вреда или оскорбления окружающим; особенность взаимодействия с другими людьми, обусловленная противоположностью или существенным различием взглядов, интересов, целей и их неприятием; предрасположенность отвечать на внешние воздействия с различной степенью нервного возбуждения; неумение отстаивать свои взгляды и позиции и осмысленно принимать и понимать позиции других людей; предрасположенность субъекта к тревоге и предполагающая наличие у него тенденции воспринимать достаточно широкий «веер» ситуаций как угрожающие, отвечая на каждую из них определенной реакцией; озабоченность и занятость самим собой, проявляющаяся в сосредоточении всех мыслей и действий и привлечение внимания других людей к своим проблемам и своей персоне.

Одна из приоритетных проблем образования – подготовка педагога, владеющего не только технологией профессиональной деятельности, но и способного к сотрудничеству со своими учениками, умеющего ориентировать их на самостоятельную мыслительную активность, интенсивность эмоций, саморазвитие, эмоциональную гибкость, терпимость к чужому мнению, вере, культуре. Позиция терпимости и доверия в области образования и воспитания – это основа для развития будущих поколений в духе культуры мира, мирного существования человечества, а не конфликтов.

Литература

1. Асмолов А.Г. Практическая психология и проектирование вариативного образования в России: от парадигмы конфликта – к парадигме толерантности // Вопросы психологии. 2003. № 4. С. 3–12.
2. Клепцова Е.Ю. Психология и педагогика толерантности: Учеб. пособие. М., 2004.

3. Поваренков Ю.П. Психологическая характеристика профессиональной толерантности учителя // Вопросы психологии внимания: сб. науч. трудов / под ред. проф. В.И. Страхова. — Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 2003. — Вып. 21. — 256 с.

4. Психодиагностика толерантности личности/Под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А.Шайгеровой. М., 2008.

© Е.Н. Теселкина, 2014.

© «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

УДК 159.9.07

Особенности работы психолога в формате телефонного консультирования

Н.В. Чиркова. *Республиканская служба психологической помощи «Единый социальный телефон», Абакан*

В сентябре 2010 года в Российской Федерации Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, совместно с субъектами Российской Федерации введен единый общероссийский номер детского телефона доверия 8-800-2000-122. Такой телефон вот уже более 3-х лет успешно функционирует на территории Республики Хакасия³.

³ Служба экстренной психологической помощи «Телефон доверия» (ТД) функционировала в Хакасии с 1994 г. В г. Черногорске ТД был ликвидирован в 2001 году, но продолжал работать после 2001 г. в г. Абакане и отметил свое 10-летие, собрав тех, кто стоял у истоков службы «Телефона доверия» в Хакасии. Мэрия Абакана отметила ценными подарками всех участников «сабантуйа». См.:

1. Чупров Л.Ф., Осинина В.В., Суворова О.М. Телефон доверия и СМИ // Психологическая газета (ИМАТОН). — 2001. — № 6.- июнь. — С. 22-23.

2. Чупров Л.Ф. Телефон доверия и средства массовой информации: обзор публикаций и опыт взаимодействия. // Психология и школа. — 2003. — № 3. — С. 119-124.

3. Чупров Л.Ф. «Писать, выступить, чтобы выжить». История успеха // Психологическая газета [Электрон. ресурс] — Режим доступа: World Wide Web. URL: <http://psy.su/interview/2433/> Размещено 16 марта 2012 г. [Прим. Л.Ф. Чупрова].

Вопрос о том, как работает психолог, и чем он может помочь, часто задают люди, столкнувшиеся с той или иной непредвиденной ситуацией. Когда собственные силы исчерпаны, а советы знакомых и друзей не принесли результата, – самое время обратиться к специалисту.

Некоторые люди достаточно сильны, чтобы справиться с проблемами сами. Но часто они не могут до конца открыться даже друзьям и знакомым, поделиться каким-либо мучающим их переживанием. В таких случаях психолог может выслушать клиента и обойтись без вопросов и прямых рекомендаций. Иногда все, что нужно запутавшемуся человеку – это беседа. И он либо понимает, как действовать дальше, либо снимает с души тяжелый груз.

Даже самый высококлассный специалист не сможет ничего сделать за клиента. И профессионал не вправе распоряжаться жизнью того, кто просит у него помощи. Так что клиент должен быть готов сам работать над собой.

Психолог помогает человеку, самостоятельно обратившемуся за помощью, разобраться в себе, найти способы и возможности для выхода из трудной жизненной ситуации. Он не решает за него проблемы и не делает выбора, а направляет процесс самопознания на раскрытия внутренних возможностей, обучая новым способам решения старых ситуаций.

Психолог – не волшебник, он не даёт готовых советов, а обучает искать собственные пути выхода из трудностей. Чаще всего требуется время для появления результатов работы, так как проблемы, с которыми обращаются к психологу, имеют глубокие причины, которые длительно живут внутри человека и так просто не уходят.

В чем же конкретно состоит психологическая помощь? Во-первых, это индивидуально построенный план работы с клиентом в зависимости от актуальной проблемы. Психолог делится с клиентом своими знаниями, опытом, помогает разобраться в себе, умело строит диалог, подводя вас к самостоятельному пониманию и решению возникшей проблемы. Во-вторых, дать советы на все случаи жизни не представляется возможным. Помощь психолога заключается в том, чтобы дать возможность разобраться в себе и своих переживаниях, понять, чего клиент хочет на самом деле, чего ему не хватает для достижения цели и принятия правильного решения.

Телефонное консультирование во многом похоже на работу психолога при очной консультации, но есть и ряд особенностей:

нет необходимости заранее записываться на прием, вы можете позвонить в любое удобное для клиента время; телефон доверия работает круглосуточно;

есть возможность получать психологическую помощь в тех условиях, которые удобнее клиенту (не выходя из дома, или во время перерыва в учебе, на работе и т.п.);

тайна обращения гарантируется, т.к. анонимность и конфиденциальность – главные принципы работы Телефона доверия;

Телефон доверия позволяет получить психологическую поддержку людям из отдаленных районов республики, где нет возможности прийти на очную консультацию;

звонки со стационарных и мобильных телефонов абсолютно бесплатны, за психологическую консультацию не надо платить.

Основные задачи службы детского телефона доверия:

снижение психологического дискомфорта в семьях;

снижение уровня агрессивности родителей по отношению к детям, а также детской агрессивности, направленной на родителей и сверстников;

снижение уровня детской аутоагрессии, предупреждение суицидов среди детей и подростков;

выявление и профилактика случаев жестокости по отношению к детям (физического, психического, сексуального, экономического насилия, фрустрация основных потребностей);

своевременное принятие мер по защите детей от жестокого обращения и ликвидация возможных неблагоприятных последствий (передача сигнала);

предоставление информации о других службах, организациях и учреждениях данной территории, где запросы обратившихся могут быть удовлетворены более полно и квалифицированно.

Ребенок может позвонить на Телефон доверия если:

ему грустно и не с кем поговорить;

одна и та же проблема беспокоит его уже очень долго, и он не знает, как ее решить;

он не встречает понимания среди близких людей;

им совершен поступок, о котором он хочет, но не может никому рассказать;

он чувствует усталость и нежелание жить;

ему трудно общаться со сверстниками;

ушел близкий человек;

никак не может принять важное решение.

Как помочь своему ребенку:

Расскажите ребенку о детском телефоне доверия и его праве обратиться самостоятельно за помощью.

Занести номер 8-800-2000-122 в мобильный телефон ребенка.

Объясните детям, что у них появился «невидимый взрослый друг», с которым в любое время суток они могут поделиться своей проблемой, найти выход из сложной ситуации.

За 9 месяцев 2014 года в республиканскую службу психологической помощи «Единый социальный телефон» поступило 10623 звонка. За прошедшие 3 года — более 30 тысяч! С каждым годом количество звонков только увеличивается. Все более популярной становится помощь психолога среди мужчин старше 20 лет. Теперь, наравне с представительницами прекрасного пола, все чаще задаются вопросом воспитания детей, сохранения семьи и отношений. Однажды обратившиеся с осторожностью, зачастую становятся регулярными абонентами. Вероятно, помощь в изучении ситуации «со стороны» является эффективной в практической жизни.

Общая же тематика обращений жителей Республики в службу психологической помощи «Единый социальный телефон» самая разнообразная – от вопросов семейной психологии, отношений со сверстниками до консультаций по юридическим и иным проблемам.

Литература

1. Егорова М.О. Детский телефон доверия. В 3т. Т.1-М.: Издательство «Смысл», 2011.-274с.
2. Колесник Г.И. Психологическое консультирование. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004.-288с.

© Н.В. Чиркова, 2014.

© «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

Научно-практические конференции Южной Сибири, как площадка межэтнического и международного сотрудничества ученых и специалистов

Л.Ф. Чупров. *Научный журнал «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири», Черногорск.* **Е.К. Янакиева,** *Юго-Западный университет им. Неофита Рильского, Благоевград*

Основная миссия любого СМИ – интеграция вокруг себя авторов и читателей. Для научного журнала – это своеобразная площадка для обмена идеями, мнениями представителей научной общественности, объединенных тематикой и целями издания. Научный журнал выполняет свои главные функции – обмена научной информацией, обсуждения, корректировки и планирования исследований.

Таковыми площадками становятся ЭНЖ (электронные научные журналы). Электронная публикация – равноправный вид научной публикации наряду с ее традиционной формой на бумажном носителе, но такая фиксация научной информации более управляема и контролируема самим автором материала, который имеет все права не только на окончательное оформление материала, но на многих ресурсах и на последующую правку текста. Поэтому среднестатистический психолог чувствует силу в подобных средствах передачи информации [5, с. 55].

С развалом СССР и социалистического лагеря нарушились межнациональные и интернациональные связи между учеными, между представителями научных школ и направлений. Но и сейчас перед представителями сходных научных направлений стоят в целом похожие проблемы. Проблемы образования, в частности, так и остались в сфере научных интересов моих бывших соседей по аспирантскому общежитию АПН СССР.

Интернет и, в частности, ЭНЖ стал площадкой для международного общения.

Бывшие аспиранты научно-исследовательских институтов АПН СССР, к моменту создания журнала уже остепененные и имеющие научные звания, решили объединиться в своеобразное научное сообщество. Это профессор, доктор педагогических наук М.В. Воропаев (Москва), профессор, доктор педагогических наук Е. Янакиева (Благоевград), кандидат педагогических наук, доцент С.В. Якимец (Орск), кандидат психологических

наук Л.Ф. Чупров (Черногорск), выпускник ХГУ им. Н. Ф. Катанова, А.С. Щукин (Санкт-Петербург) и составили инициативную группу по созданию научного журнала на юге Сибири, в Черногорске. Со временем в состав редакционной коллегии вошли представители Украины, республики Беларусь: кандидат психологических наук, доцент Г.В. Вержибок (Минск), кандидат технических наук И.Н. Козубцов (Киев).

Расширился и список авторов журнальных публикаций. Из сетевого ресурса журнал перерос в издание на бумажном носителе, появилась возможность организовывать и проводить «Международные научно-практические конференции Южной Сибири». В настоящее время объединенная реакционная коллегия вместе с коллегией рецензентов представлена более чем 50-ю учеными и специалистами из России, Болгарии, Узбекистана, Украины, Беларуси, Македонии. Сама же объединенная редакция обслуживает выпуск журналов «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» [1; 2], ЭНЖ «РЕМ: *Psychology. Educology. Medicine*» [3] и «Наука. Мысль: электронный периодический журнал» [4]. Абаканские ученые представлены преподавателями ХГУ им. Н.Ф. Катанова. Это доктор психологических наук, профессор В.Г. Морогин и доктор психологических наук, доцент Т.А. Фотекова.

Начиная с первого выпуска печатного издания журнала, редакционная коллегия «Вестника по педагогике и психологии Южной Сибири» стала инициатором и организатором научно-практических конференций в рамках тематики журнала.

Помимо российских авторов, в проводимых научными журналами объединенной редакции конференциях и выпусках журнала принимают участие представители Болгарии, Украины, Узбекистана, США, Кипра, Македонии, Йемена. Ряд научно-практических конференций проходит при участии университетов Болгарии и ХГУ им. Н.Ф. Катанова.

Web-сайты объединенной редакции журналов [1; 2; 3; 4] стали своеобразной научной профессиональной сетью, открытой для свободного доступа, предоставляющей возможность использования опубликованных на них научных материалов.

Литература

1. Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. - URL: <http://bulletinppfdc.1gb.ru/>

2. Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. - URL: <http://bulletinpp.esrae.ru/>

3. ЭНЖ «Наука. Мысль: электронный периодический журнал». - URL: <http://wwenews.esrae.ru/>

4. ЭНЖ «PEM: Psychology. Educology. Medicine». - URL: <http://pem.esrae.ru/>

5. Щукин А.С., Чупров Л.Ф. Ретиальная коммуникация и информационная технология в психологической практике //Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. – 2014. - №3. – С. 51-59.

© Л.Ф. Чупров, Е.К. Янакиева, 2014.

© «PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

— • —

УДК 159.9.072

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ КОНФЕССИЙ)

¹Щербаков А.В., ²Сорокоумова С.Н.

¹НИУ «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия

²ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», Нижний Новгород, Россия

В статье рассматриваются точки зрения отечественных и зарубежных авторов на проблемы религии, религиозности и этнической идентичности. Целью публикуемого исследования являлось выявление различий в религиозных установках и этнической идентичности у представителей разных вероисповеданий, а также связи между изучаемыми показателями. Для проведения исследования были сформированы три группы мужчин в возрасте 20-30 лет в количестве 92 человек, открыто выражающие свои религиозные убеждения (мусльмане - 30 человек, православные – 31 человек, атеисты - 31 че-

ловек) и добровольно согласившиеся участвовать в исследовании. Для диагностики применялись: анкета «Религиозность» А.В. Орлова, опросник «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой и методика «Социальные семейные роли» Е.Н. Васильевой, А.В. Орлова. В результате анализа полученных данных, были определены характерные особенности религиозности и этнической идентичности представителей трех различных конфессий (ислам, православие, атеизм). Получены данные, свидетельствующие о закономерном росте национализма при падении уровня религиозности у респондентов. Кроме того, выявлена взаимосвязь между религиозностью, этническими установками и семейными ролями родителей респондентов. Полученные нами результаты могут быть положены в основу разработки комплексной программы по формированию и развитию религиозной и этнической толерантности в условиях российского современного общества.

Ключевые слова: религия, религиозность, этническая идентичность, национализм, толерантность, социальные семейные роли

Познание человеком любого явления окружающего мира, чаще всего, является результатом анализа предмета исследования с определенной мировоззренческой и методологической позиции. Наибольшее влияние на этот процесс оказывают индивидуальные и общественные стереотипы, когда целью изучения являются феномены, выходящие за границы обычного осознания. Это, в первую очередь, относится к религии. Проблема изучения религии, религиозности, специфики мироощущения религиозной личности, способы ее социальной адаптации привлекает все большее внимание научного сообщества.

Психологический подход к изучению религии оформляется в самостоятельную дисциплину к концу XIX в., в первую очередь, благодаря работам У. Джеймса, В. Вундта и З. Фрейда. Ее предмет составляли индивидуальные чувства, связанные с религией (религиозный опыт индивида), и «религиозное обращение», обретение веры или переход из одной веры в другую, воздействие религиозного опыта на поведение индивидов и групп людей. Религия рассматривается как стержень, основа внутренней духовной жизни личности, а затем и как средство групповой и социальной интеграции (социальная психология). Со временем центральное значение в психологии приобретает вопрос о мотивах человеческого поведения [3].

Основатель психологического подхода к изучению религии У. Джеймс в работе «Многообразие религиозного опыта» предлагает свой собственный взгляд на то, что такое религия. Здесь У. Джеймс, обозначает пограничную линию, проходящую через всю область религии, отделяя тем самым понятие «религия» от понятия «религиозность». «По одной стороне ее находится религия как учреждение, по другой – как личное переживание» [4, с. 263].

Религиозность человека определяется Джеймсом через понятие опыта. Высшая степень религиозности – это переживание опыта «обращения», что означает, что религиозные мысли, которые до того находились на периферии сознания человека, заняли центральное место, что религиозные стремления образовали постоянный центр. Мистическое познание близко по своей сущности, с точки зрения Джеймса, интуитивному познанию мира; кроме того, эти два вида познания тесно переплетены друг с другом [4].

Иной подход предлагал В.Вундт. Он ищет объяснение феномена религиозности путем реконструкции недавнего прошлого самой религии, считая, что развитие религиозности есть неотъемлемая часть эволюционного процесса, берущее начало в элементарных и безрелигиозных субъективных событиях. Он убежден, что религия как язык и этика есть творение человеческого общества, поэтому постичь многозначительность религиозного опыта и переживаний возможно лишь рассматривая их в контексте, из которого они возникли. Религиозность представляет собой ощущение того, что наш мир есть часть чего-то большего, сверхъестественного, где осознаются и осуществляются высшие цели человеческого существования [2].

3. Фрейд видел в религиозности, религиозном поведении человека инфантильный реликт, закрепленный в аффективной зависимости, который порой из-за веры в авторитет приводил к сдерживанию мышления. Именно поэтому он с таким удовольствием и интересом вскрывал психологические корни религии.

Ставя вопрос о религиозности человека, Фрейд квалифицирует ее как симптом, т. е. как реактивное начало, в сущности тождественное болезненным реакциям человека, находит ее инфантильные корни в ранних детских потребностях и переживаниях [7].

Юнг определяет религию как совершенно особую установку человеческого ума, соответствующую изначальному использованию понятия «religio» (лат. – благочестие, святыня, предмет культа) и рассматривает ее как внимательное наблюдение за «нуминозным» динамическим существо-

ванием или действием, вызванным произвольным актом воли. То есть религия определяется Юнгом как сосредоточенность человеческого ума на некоторых динамических, психических факторах как таковых, получивших название «высших сил», образов, идей, символов, законов, богов [9].

Согласно Фромму религия - это «любая разделяемая группой система мышления и действия, позволяющая индивиду вести осмысленное существование и дающее объект для преданного служения» [8, с. 230] Автор различает два типа религий и религиозности: авторитарный и гуманистический. Существенным элементом в религии авторитарного типа является самоуничижительное подчинение силе, которая выходит за пределы человечества.[8]

Психология религии сегодня, как и всякая другая научная дисциплина, предполагает наличие теоретической гипотезы и ее эмпирического подтверждения. Описания индивидуального религиозного опыта, игравшие главную роль в начале века, стали уступать место количественным (статистическим) методам изучения религиозного поведения и состояний сознания, интерпретации данных, полученных с помощью анкетирования и опросов. Внимание направлено на изучение тех воздействий, которые религиозный опыт оказывает на поведение индивидов и групп, мотивов обращения к религии, т.е. взаимодействия личностных и социальных факторов, того, что обуславливает социальную значимость религии для индивида.

Большинство ученых сходятся во мнении, что религия выступает как фактор, поддерживающий этничность и тесно с ней связанный [5].

Этническая идентичность – это не только принятие определенных групповых представлений, готовность к сходному образу мыслей и разделяемые этнические чувства. Это также построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях. Таким образом, субъект определяет свое место в многонациональном обществе и усваивает способы поведения внутри и вне своей группы. Чем больше членов этнической группы разделяют общую идентичность, тем больше вероятность совместных действий в ее защиту. Устойчивость идентичности и ее позитивность – центральные моменты для ощущения группой психологической безопасности и стабильности. Индивиды стремятся повышать свою позитивную идентичность и защищать ее. Этническая идентичность выступает психологической основой этнополитической мобилизации, которая рассматривается Г.У. Солдатовой как готовность людей, объединенных по

этническому признаку, к групповым действиям по реализации национальных интересов. [5]

Выделяют несколько психологических причин роста этнической идентичности – поиск ориентиров и стабильности в перенасыщенном информацией и нестабильном мире и интенсификация межэтнических контактов, как непосредственных (трудовая миграция, студенческие обмены, перемещение миллионов эмигрантов и беженцев, туризм), так и опосредованных современными средствами массовой коммуникации от спутникового телевидения до сети «Интернет». Повторяющиеся контакты актуализируют этническую идентичность, так как только через сравнение можно наиболее четко воспринять свою «русскость», «еврейство» и т.п. как нечто особое. Психологические причины роста этнической идентичности едины для всего человечества, но особую значимость этнос приобретает в эпоху радикальных социальных преобразований, приводящих к социальной нестабильности [6].

Таким образом, несмотря на увеличивающийся интерес исследователей к различным формам религиозности, остается открытым вопрос о связи этого феномена с социальными, этническими и семейными установками.

Материалы и методы

Для проведения исследования были сформированы три группы мужчин в возрасте 20-30 лет в количестве 92 человек, открыто выражающие свои религиозные убеждения (мусульмане - 30 человек, православные – 31 человек, атеисты - 31 человек) и добровольно согласившиеся участвовать в исследовании.

Целью исследования являлось выявление различий в религиозных установках и этнической идентичности у представителей разных вероисповеданий, а также связи между изучаемыми показателями. Кроме того, нами изучалась взаимосвязь социальных семейных ролей родителей респондентов с выраженностью религиозных установок и этнической идентичности самих респондентов.

Для достижения поставленной цели нами был сформирован психодиагностический комплекс, включающий в себя анкету «Религиозность» А.В. Орлова и опросник «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой [5] и методику «Социальные семейные роли» Е.Н. Васильевой, А.В. Орлова [1].

Бланк анкеты «Религиозность»
ВЫБЕРИТЕ ВАРИАНТ ОТВЕТА НА ВОПРОСЫ ТАБЛИЦЫ, ОТМЕТЬТЕ
КРЕСТИКОМ

1. Среди моих друзей, есть религиозные люди?						
Нет	Есть 1-2 человека	Некоторые	Значительное количество	Многие	Большинство	Только они
2. Как часто Вы посещаете место культа (церковь, мечеть или др.)						
Не посещаю	Изредка	1-2 раза в месяц	1 раз в неделю	2-3 раза в неделю	4-6 раз в неделю	Ежедневно
3. Как часто Вы читаете духовную литературу?						
Не читаю, и не собираюсь	Не читаю, но собираюсь	Изредка	Периодически, когда позволяет время	1 раз в неделю	2-3 раза в неделю	Почти ежедневно
4. Как часто Вы совершаете молитвы?						
Не молюсь	Очень редко	Редко, при определенных обстоятельствах	Время от времени, когда чувствую необходимость	Часто, когда того требуют обряды	Чаще, чем того требуют обряды	Постоянно
5. Готовы ли Вы потрудиться на благо церкви?						
Нет желания	Нет времени	В зависимости от обстоятельств	Да, это возможно	Я иногда это делаю	Я часто это делаю	Я постоянно это делаю
6. Я хотел бы, чтобы мои дети были верующими						
Категорически, нет	Пожалуй, нет	Скорее нет, чем да	Не знаю	Скорее да, чем нет	Пожалуй, да	Абсолютно точно, да
7. Полагаю что церковь в некоторых вопросах ...						
Категорически, не права	Как правило, не права	Чаще не права, чем права	Бывает права, а бывает и не права	Чаще права, чем не права	Церковь редко ошибается	Всегда права
8. Церковь нуждается в реформе?						
Абсолютно точно, нуждается	Наверное, нуждается	Скорее да, чем нет	Возможно, в отдельных моментах	Скорее нет, чем да	Пожалуй, нет	Категорически, нет.
9. Я готов посвятить свою жизнь церкви ...						
Категорически, нет	Пожалуй, нет	Скорее нет, чем да	Не знаю	Скорее да, чем нет	Да, в будущем это возможно	Это так и есть, в настоящее время
10. Я уделяю внимание религиозному воспитанию и образованию						
Нет	Да, иногда в отношении своих детей	Постоянно, в отношении своих детей	В отношении всех членов семьи	В отношении не только своих, но и чужих детей	В отношении всех, кто меня окружает, по обстоятельствам вам	Считаю это своим долгом

Анкета «Религиозность» А.В.Орлова включает в себя 10 вопросов и 7 вариантов ответа на каждый. Она позволяет выявить религиозные осо-

бенности, отношение к различным аспектам религиозной жизни. Обработка проводится по вариантам ответа в бланке слева направо: от 1 до 7 баллов. Под религиозностью в данном случае автор понимает степень выраженности следования религиозным установкам и церковным правилам, что выражается во внешних проявлениях религиозности, в том числе частота посещения мест религиозного культа, чтения религиозной литературы, отношение к религиозному воспитанию.

Опросник «Типы этнической идентичности» был разработан Г. У. Солдатовой, поставившей перед собой цель — определить тенденции трансформации этнического самосознания в условиях роста межэтнической напряженности. По ее мнению, одной из форм кризисных трансформаций этнической идентичности является рост этнической нетерпимости (интолерантности). Типы идентичности различного качества и степень выраженности этнической толерантности были выделены Г.У. Солдатовой на основе широкого диапазона шкалы этноцентризма. Автором предложены следующие виды этнической идентичности:

- **Этническую идентичность по типу нормы** характеризуют высокая толерантность и готовность к межэтническим контактам. Человеку с нормальной этнической идентичностью свойственно естественное предпочтение собственных этнокультурных ценностей. Позитивная этническая идентичность характерна для большинства людей и представляет собой такой баланс толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам, который позволяет рассматривать ее как условие самостоятельного и стабильного существования этнической группы и как условие мирного межкультурного взаимодействия в полиэтничном мире. Остальные типы этнической идентичности — это отклонение от нормы.

- **Этническая индифферентность** (космополитизм) — это идеология гражданина мира.

- **Этнонигилизм** представляет собой форму гипоидентичности. Этнонигилистические тенденции отражают нежелание поддерживать собственные этнокультурные ценности, выражаются в ощущении этнической неполноценности, ущемленности, стыда за представителей своего этноса, иногда негативизма по отношению к ним проявляются в трудностях общения.

- **Гиперидентичность** существует в формах этноэгоизма, этноизоляционизма, национального фанатизма.

• **Этноэгоизм** может выражаться в безобидной форме конструкта «мой народ», но способен вносить напряженность и раздражение в общении с представителями других этнических групп или признание за своим народом права решать проблемы за «чужой» счет.

• **Этноизоляциялизм** проявляется как убежденность в превосходстве своего народа, в признании необходимости «очищения» национальной культуры, негативном отношении к межнациональным брачным союзам, ксенофобии.

• **Национальный фанатизм** — это готовность идти на любые действия во имя так или иначе понятых этнических интересов, вплоть до этнических «чисток», отказа в праве пользования ресурсами и социальными привилегиями другим народам, признания приоритета этнических прав народа над правами человека, оправдания любых жертв в борьбе за благополучие своего народа [5].

Обсуждение результатов

Сравнительный анализ полученных данных проводился с использованием статистического критерия U Вилкоксона-Манна-Уитни.

Как видно из данных таблицы 1, религиозность всех групп выражена в средней степени и соответствует статистической норме. Наблюдаются достоверные ($p < 0,05$) различия по общему показателю анкеты. Как видно из представленных данных, наибольшее значение церковной деятельности и посещению мест религиозного культа придают мусульмане. Возможно, это связано с более строгим религиозным воспитанием в мусульманской среде.

Также имеют место достоверные различия между группами по некоторым пунктам анкеты «Религиозность». У группы, исповедующей мусульманство достоверно ($p < 0,05$) выше количество верующих друзей в их круге общения. При этом достоверных различий между выборками православных и атеистов по этому аспекту не наблюдается, причем показатель количества религиозных друзей у атеистов даже выше, чем у православных.

Достоверные различия мы наблюдаем по частоте посещения мест религиозного культа. Атеисты предсказуемо реже всех посещают церковь, хотя православные тоже имеют достаточно невысокий показатель, что может говорить о невысокой религиозности или слабой необходимости посещения церкви. Также можно отметить, что в группах православных и мусульман достоверно ($p < 0,05$) чаще читают религиозную литературу, по сравнению с атеистами, что закономерно

Таблица 1

Различия групп респондентов по проявлениям религиозности

Признак	Исповедующие ислам		Исповедующие православие		Атеисты	
	Группа 1 n=30		Группа 2 n=31		Группа 3 n=31	
	Среднее	Стд. отклонение	Среднее	Стд. отклонение	Среднее	Стд. отклонение
Наличие религиозных людей среди друзей	3,50 ^{2,3}	0,71	2,27 ¹	0,79	2,36 ¹	0,92
Посещение места культа	2,90 ^{2,3}	0,74	2,09 ^{1,3}	0,54	1,09 ^{1,2}	0,30
Чтение духовной литературы	2,50 ³	0,85 ³	1,91 ³	1,04	1,00 ^{1,2}	0,00
Чтение молитв	3,00 ³	1,05	2,55 ³	0,69	1,00 ^{1,2}	0,00
Готовность трудиться во благо церкви	2,70 ³	0,82	2,18 ³	0,75	1,00 ^{1,2}	0,00
Желание видеть религиозными своих детей	5,00 ^{2,3}	0,67	3,09 ^{1,3}	1,14	1,91 ^{1,2}	1,38
Отношение к правоте церкви	4,30 ^{2,3}	0,67	2,91 ^{1,3}	1,04	2,00 ^{1,2}	1,00
Отношение к реформированию церкви	4,20 ^{2,3}	1,32	2,82 ^{1,3}	1,17	1,82 ^{1,2}	0,87
Готовность посвятить жизнь церкви	2,80 ^{2,3}	1,14	1,82 ^{1,3}	0,60	1,09 ^{1,2}	0,30
Внимание религиозному воспитанию и образованию	1,90 ^{2,3}	1,66	1,45 ^{1,3}	0,52	1,09 ^{1,2}	0,30
Анкета «Религиозность», сумма	32,80 ^{2,3}	6,86	23,09 ^{1,3}	6,46	14,36 ^{1,2}	3,14

Примечания: надстрочным индексом обозначены номера групп с которым имеются достоверные отличия (при $p < 0,05$)

В исследовании также был проведен сравнительный анализ проявлений этнических установок в группах респондентов по методике «Типы

этнической идентичности». Степень этнической толерантности при этом оценивается на основе следующих критериев: уровень негативизма в отношении к собственной и другим группам; уровень порога эмоционально-реагирования на иноэтническое окружение; степень выраженности агрессивных и враждебных реакций по отношению к другим группам. Данные представлены в таблице 2.

Таблица 2

Различия групп респондентов по проявлениям этнических установок

Примечания: надстрочным индексом обозначены номера групп с которым имеются достоверные отличия (при $p < 0,05$)

Можно отметить, что этнические установки всех групп выражены в средней степени и соответствуют статистической норме.

Наблюдаются достоверные отличия между исследуемыми группами по позитивной этнической идентичности, или «этнической идентичность по типу нормы», которая характеризуется высокой толерантностью и готовность к межэтническим контактам. При этом человеку с нормальной этнической идентичностью свойственно естественное предпочтение собственных этнокультурных ценностей. Исходя из данных таблицы 2, у исповедующих ислам и православие достоверно ($p < 0,05$) выше идентичность по типу нормы.

Также достоверные различия можно наблюдать по показателю этническая индифферентность, причем у мусульман он выше, чем у православных. Этническая индифферентность - это космополитизм, идеология гражданина мира. Различия между группами можно объяснить тем, что многие мусульмане живут на территории, которая не является их этнической территорией, отсюда и склонность к индифферентности.

У атеистов достоверно ($p < 0,05$) выше показатель этноизоляционизма, что говорит о более выраженном этническом неприятии других, по сравнению с верующими. Этноизоляционизм проявляется как убежденность в превосходстве своего народа, в признании необходимости «очищения» национальной культуры, ксенофобии. У атеистов данный показатель не выходит за пределы нормы, то тем не менее достоверно выше, чем у православных и мусульман. Также у атеистов выше, чем в других группах, показатель национального фанатизма, при этом он также не выходит за пределы статистической нормы.

Далее мы выявляли связь религиозности с этнической идентичностью у исследуемой группы мужчин (таблица 3).

Таблица 3

Связь религиозности с этническими установками

	Позитивная этническая идентичность	Этническая индифферентность	Этнонигилизм	Этноэгоизм	Этноизоляционизм	Национальный фанатизм
Религиозность	0,37	0,48	0,11	-0,04	-0,39	-0,36

Примечание: достоверные коэффициенты корреляции ($p < 0,05$) выделены жирным шрифтом.

По результатам этой таблицы видно, что религиозность связана достоверной ($p < 0,05$) положительной корреляцией с показателями позитив-

ная этническая идентичность и этническая индифферентность. Это может указывать на то, что у религиозных мужчин сильнее выражена готовность к межэтническим контактам, толерантность, при естественном предпочтении собственных этнокультурных ценностей, а также космополитизм, ощущение себя частью большого мира людей. В то же время, чем меньше религиозность у мужчин, тем больше у них наблюдается этноизоляционизм (убежденность в превосходстве своего народа) и национальный фанатизм.

Также в своем исследовании мы изучали корреляционные связи и религиозности и этнических установок с ролевыми позициями отца и матери респондентов. Результаты представлены в таблицах 4 и 5

Таблица 4.

Связь религиозности и этнических установок со значимостью семейных ролей отца

Семейная роль	Религиозность	Этническая индифферентность	Этноизоляционизм	Национальный фанатизм
Авторитет	-0,26	-0,22	0,34	0,32
Воспитатель	-0,05	-0,33	-0,01	-0,09
Дисциплинатор	0,13	0,33	-0,06	0,07
Защитник	0,41	0,27	0,08	0,05
Опекун	0,29	0,43	-0,37	-0,17
Учитель	-0,54	-0,47	0,01	0,02

Примечание: Достоверные коэффициенты корреляции ($p < 0,05$) выделены жирным шрифтом.

Нами установлены достоверные ($p < 0,05$) корреляции выраженности некоторых ролей отца в семье с проявлениями религиозности и этнических установок. На основании данных таблицы 4 мы видим, что ролевая позиция отца в семье «Авторитет» связана достоверной положительной корреляцией с такими типами этнической идентичности как этноизоляционизм и национальный фанатизм. В данном случае это может означать, что в семьях, где отец является ярко выраженным «авторитетом», то есть лицом, являющимся неким идеалом личности, примером для подражания, это препятствует развитию этноизоляционизма и национального фанатизма. И наоборот, чем меньший авторитет имеет отец семье, тем больше вероятности появления этих негативных этнических установок у детей.

Чем чаще отцы берут на себя роль «Воспитатель», то есть целенаправленно стараются чему-то научить, тем больше вероятности формирования установок этнической индифферентности, то есть не выделения этнических особенностей и рассмотрения себя безотносительно своей

этнической группы. Об этом свидетельствуют достоверные ($p < 0,05$) коэффициенты корреляции между значениями роли «Воспитатель» и показателем «Этническая индифферентность» по методике ТЭИ ($r = - 0,33$). Применительно к роли «Дисциплинатор» мы видим обратную картину. Чем чаще отец наказывает своего ребенка, тем меньше вероятность развития космополитизма. Соответствующий коэффициент корреляции ($r = 0,33$) достоверный ($p < 0,05$).

Можно отметить также, что религиозность респондентов связана с такими ролевыми позициями отца как «Защитник» и «Учитель». При этом, религиозность выше у тех респондентов, отец которых редко демонстрировал роль защитника, а также тех у кого он часто брал на себя задачи учительства. Об этом говорят соответствующие достоверные коэффициенты корреляции. Ролевая позиция отца-учителя также способствует проявлениям этнической индифферентности, то есть равнодушию к собственной культуре и этносу. Частое проявление роли «Опекун» со стороны отца способствует этноизоляции и препятствует космополитизму.

В таблице 5 представлены корреляционные связи выраженности ролевых позиций матерей респондентов и проявления у последних религиозных и этнических установок.

Таблица 5.

Семейная роль	Религиозность	Этническая индифферентность	Этнонигилизм	Этноэгоизм	Этноизоляция
Воспитатель	-0,04	0,02	-0,03	0,32	0,33
Дисциплинатор	-0,07	-0,04	0,34	0,06	0,04
Помощник	- 0,18	-0,31	-0,27	-0,08	0,14
Собеседник	0,12	0,36	0,30	-0,02	-0,02
Эстет	0,21	0,31	-0,03	-0,12	-0,23

Полученные данные говорят нам о том, что не выявлено достоверных корреляционных взаимосвязей между социальными семейными ролями матерей респондентов и религиозностью самих респондентов.

Нами установлены достоверные ($p < 0,05$) корреляции выраженности некоторых ролей матери в семье с проявлениями этнических установок. На основании данных таблицы 5 мы видим, что ролевая позиция матери «Воспитатель» в семье связана достоверной положительной корреляцией с такими типами этнической идентичности как этноэгоизм и этноизоляция. В данном случае это может означать, что в семьях, где мать

интенсивно занимается воспитанием и образованием детей, это препятствует развитию этноэгоизма и этноизоляционизма. И наоборот, данные этнические установки, проявляющиеся в отрицательном отношении к представителям иных национальностей и культур, выше в тех семьях, где мать не очень стремится воспитывать детей.

Также можно отметить, что чем чаще матери берут на себя роль «Дисциплинатор», то есть берутся за распределение наказаний, тем меньше вероятности формирования установок этнонигилизма. Об этом свидетельствуют достоверные ($p < 0,05$) коэффициенты корреляции между значениями роли «Дисциплинатор» и показателем «Этнонигилизм» по методике ТЭИ ($r = 0,34$)

Стоит отметить, что выраженность в материнском репертуаре роли «Помощник» сказывается на проявлении у детей этнической индифферентности. Об этом свидетельствуют достоверный ($p < 0,05$) коэффициент корреляции. Применительно к ролям «Собеседник» и «Эстет» у матери мы видим обратную картину. Чем чаще мать берет на себя роль собеседника, служит источником информации для ребенка и занимается эстетическим воспитанием и образованием, тем меньше вероятность развития этнической индифферентности, то есть равнодушия к собственной культуре и этносу.

Выводы

1. Наибольшее значение религиозной жизни и посещению мест культа придают мужчины-мусульмане, по сравнению с православными. Возможно, это связано с более строгим религиозным воспитанием в мусульманской среде.

2. У мусульман и православных выше позитивная этническая идентичность, толерантность и готовность к межэтническим контактам, по сравнению с атеистами.

3. У мужчин - атеистов сильнее выражены проявления этноизоляционизма и национального фанатизма, что говорит о более выраженном этническом неприятии других людей у этой группы, по сравнению с верующими.

4. На основании данных, полученных при корреляционном анализе, мы можем предположить, что истинная религиозность, не только не способствует национализму, но даже препятствует его проявлениям. Она, по видимому, способствует толерантности и готовности к межэтническим контактам.

5. Такие социальные роли отца как «Защитник» и «Учитель» влияют на уровень религиозности респондентов. Материнские социальные роли не являются фактором, приводящим к изменению уровня религиозности.

6. Выявлена взаимосвязь между параметрами этнической идентичности респондентов и социальными ролями их родителей:

- Этническая индифферентность является параметром личности респондентов, наиболее чувствительным к следующим родительским ролям: «Воспитатель», «Дисциплинатор», «Опекун», «Учитель», «Помощник», «Собеседник» и «Эстет».

- Феномен этноизоляции также коррелирует с такими родительскими ролями как «Авторитет», «Опекун», «Воспитатель».

- Социальная роль матери «Дисциплинатор» напрямую связана с этнонигилизмом респондента

- Социальная роль матери «Воспитатель» напрямую связана с этноэгоизмом респондента

- Социальная роль отца «Авторитет» напрямую связана с выраженностью национального фанатизма у респондента

Полученные нами результаты могут быть положены в основу разработки комплексной программы по формированию и развитию религиозной и этнической толерантности в условиях российского современного общества.

Литература

1. Васильева Е.Н., Орлов А.В. Ролевая структура детско-родительского взаимодействия как составляющая психологической готовности к родительству // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. - 2013. - № 4. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.es.rae.ru/bulletinpp/205-911

2. Вундт В. Проблемы психологии народов - СПб.: Питер, 2001. - 152 с

3. Гараджа В.И., Руткевич Е.Д. Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии - М.: Аспект-Пресс, 1996 - 775 с.

4. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта / Пер.с англ. - М.: Наука, 1993 - 432 с.

5. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности - М.: Смысл, 1998 - 389 с.

6. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология - М.: Институт психологии РАН, Академический проект, 2000. - 320 с.

7. Фрейд З. Будущее одной иллюзии - М.: АСТ, 2011 - 253 с.

8. Фромм Э. Психоанализ и религия – М.: Сумерки богов, 1989.– с. 143-221.

9. Юнг К.Г. Ответ Иову. – М.: Канон, 1995.– 384 с.

© А.В. Щербаков, С.Н. Сорокоумова, 2014.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2014.

*Объединенная редакция научных журналов это:
«Вестник по педагогике и психологии Южной
Сибири» URL: <http://bulletinpp.esrae.ru/>*

*Свидетельства о регистрации СМИ: ТУ19-
00145; Эл № ФС 77 – 56160
РИНЦ: Лиц. дог. № 453-07/2014 * ISSN 2307-
7018 (Print), ISSN 2303-9744 (Online)*

*ЭНЖ «PEM: Psychology. Educology. Medicine»
URL: <http://pem.esrae.ru/>*

*Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77 – 56160
РИНЦ: Лиц. дог. № 453-07/2014
* ISSN 2312-9352 (Online).*

*ЭНЖ «Наука. Мысль: электронный периодический
журнал». URL: <http://wwenews.esrae.ru/>
Свидетельство о регистрации СМИ:
Эл № ФС 77 - 46701 от 23.09.2011. * ISSN 2224-0152 (Online).*

УДК 378.01;372.8:50

What are the psychological, pedagogical and social factors that influence successful learning in environmental education?

Full Professor Snezana Stavreva Veselinovska
Faculty of Educational Sciences, University "Goce Delcev", Stip
R. Macedonia

Abstract. Successful learning in environmental education is closely related to the methods used by teachers and students, and the preparation of students for their future requires active classrooms and successful learning. Students spend almost a third of their lives in schools, shaping their personalities which are difficult to change later. Their later integration into society depends on their personal qualities and abilities that are largely the product of a well-organized and well-completed education, including warm atmosphere of mutual understanding and experience in all school subjects. Trying to implement this idea we have encountered several problems: Considering the rapid development of the world, in which way should the educational process be organized so that students can study and learn throughout their lives? What are the psychological, pedagogical and social factors that influence successful learning? How should successful learning be evaluated? These questions make the foundation of a successful society tomorrow. These challenges motivate us to try and find some solutions. This paper discusses issues related to effective learning in environmental education, educational goals, approaches to learning, organization of main ideas, and key designs an innovative model for environmental education.

Keywords: Successful learning, environmental education, educational process, innovative model.

— ● —

⁴ Материалы этого раздела опубликованы в авторской редакции..

Резюме. Успешное обучение в области экологического образования тесно связано с методами, применяемыми преподавателем для студентов, а также с подготовкой студентов к их будущей профессии, и требует активного и успешного обучения. Студенты проводят почти треть своей жизни в школах, где и происходит формирование их личностей, которые трудно в дальнейшем изменить. Их интеграция в общество происходит гораздо позже, зависит от их личных качеств и способностей, которые в основном есть продукт хорошо организованной и хорошей образовательной подготовки, в том числе теплой атмосферы взаимопонимания и опыта по всем школьным предметам. В попытке реализовать эту идею, мы наткнулись с несколькими проблемми. Какой при быстром развитии мирового образовательного процесса должно организовано обучение так, чтобы студенты могли учиться и учиться в течение всей своей жизни? Какие психологические, педагогические и социальные факторы, влияют на успешное обучение? Как успешное обучение должно быть оценено? Эти вопросы составляют фундамент успешного общества завтра. Эти проблемы мотивировали нас к попыткам поиска какого-то решения. В этой статье будут обсуждены вопросы, связанные с эффективностью обучения в области экологического образования, образовательных целей, подходов к обучению и организации основных идей и основной структуры инновационной модели экологического образования.

Ключевые слова: успех обучения, экологическое образование, учебный процесс, инновационные методы обучения.

Апстракт. Успешното учење во еколошкото образование е во тесна врска со методите кои се користат од страна на наставниците и учениците, а подготвувањето на учениците за нивната иднина бара активни училиници и успешно учење. Учениците поминуваат речиси една третина од својот живот во училиштата, оформувајќи ги своите личности, кои тешко може да се променат понатаму. Нивната интеграција во општеството подоцна многу зависи од нивните лични квалитети и способности кои во голема мера се производ на добро организирано и добро завршено образование, вклучувајќи пријатна атмосфера на взаимно разбирање и искуство во сите училишни предмети. Обидувајќи се да се спроведе оваа идеја најдовме на

неколку проблеми: На кој начин во брзиот развој на светот воспитно-образовниот процес треба да биде организиран така што учениците ќе можат да учат успешно во текот на нивниот живот? Кои се психолошките, педагошките и социјалните фактори кои имаат влијание врз успешното учење? Како успешното учење треба да се оценува? Овие прашања ја градат основата на успешното општество утре. Овие предизвици не мотивираат да се обидеме и да најдеме некои решенија. Во овој труд ќе се разгледаат проблемите поврзани со ефективното учење во образованието за животната средина, образовните цели, пристапите кон учењето и организирањето на основните идеи и главни конструкции на иновативен модел за образованието на животната средина.

Клучни зборови: Успешно учење, едуцирање за животната средина, воспитно-образовниот процес, иновативни методи за учење.

ВОВЕД

Во овој труд ќе се образложат проблемите поврзани со ефективното учење во образованието за животната средина, образовните цели, пристапите кон учењето, организирање на основни идеи и главни конструкции на иновативен модел.

Обидувајќи се да се спроведе оваа идеја наидовме на неколку проблеми:

На кој начин во брзиот развој на светот, воспитно-образовниот процес треба да биде организиран така што учениците ќе можат да учат успешно во текот на нивниот живот?

Кои се психолошките, педагошките и социјалните фактори кои имаат влијание врз успешното учење?

Како успешното учење треба да се оценува?

Овие прашања ја градат основата на успешното општество утре. Овие предизвици не мотивираат да се обидеме и да најдеме некои решенија.

Значење на наставните методи

Успешното учење во еколошкото образование е во тесна врска со методите кои се користат од страна на наставниците и учениците. Во времето на брзо зголемување на информации целата образовна парадигма постојано се менува и се одразува на непрекинатите социјални и технолошки промени. (Gang 1989). Многу проблеми поврзани со

успешната настава се под мониторинг: работа на учениците во мали групи, дебатирање, внимателно учење, конкуренција и соработка, учење со размислување, работа со проекти, решавање на проблеми, мотивации и оценување на наставниците. Улогата на наставниците е да ги организираат, управуваат, водат, помагаат и подржуваат когнитивните активности на учениците со испрашување. Ученикот е во центарот на образовниот процес (Ellis, Sinclair, 1990; Marzano, 1997; Gang, 1989). Не е доволно за наставникот само многу да знае, тој треба да биде способен да објасни на едноставен и интересен начин и да има своја харизма. Тој или таа треба да го олесни и насочи учењето преку стимулација на учениците да поставуваат прашања, помагајќи им да ги прифатат предизвиците и несогласувањата, да дискутираат за противречностите, да размислуваат критички и да понудуваат креативни решенија. Особено е важно за учениците да ја надминат зависноста од наставникот преку развивање на свои сопствени стилови на успешно учење и вештини за објективно и реално самооценување. Тоа ќе им помогне да ја превземат одговорноста за нивното образование и личниот развој и да го избегнат префрлувањето на вината за нивните неуспеси врз некој друг.

Во денешно време заинтересираноста за стратегиите на учење е обновена поради неколку причини. На пример, општеството им дава приоритет на студентите и ги насочува стратегиите на предавање и учење кон развојот на неговата или нејзината автономија. Ова основно право на студентите бара стекнување на когнитивни методи и методи на само-проценка, саморазмислување и самоорганизација.

Успешно учење

Проблемот на успешно учење е во центарот на многу современи студии. Тој се занимава со развој на способности (Bandura and Schunk, 1981), набљудувајќи димензии на учење (Brown, 1995), развивајќи седум интелигенции (Gardner, 1987), и предавање со пет димензии на учење (Интерактивна дидактика, 1998). Според Марцано, пет типови на размислување, наречени пет димензии на учење, се од суштинско значење за успешно учење (Marzano, 1997). Тоа е она што е од суштинско значење да се разликува процесот на учење од своите резултати и да се види тесната врска меѓу нив.

Учењето како процес значи свесно настојување на ученикот за остварување на личните образовни потреби, интереси и цели во согласност со социјалните услови за ефективно адаптирање и

интегрирање во општествениот живот, а во согласност со сегашната состојба на науката и култура. Тоа подразбира процеси за стекнување на знаења и вештини преку пракса, учење или информирање. Учење преку работа се препорачува во денешно време и е дефинирано како процес на стекнување на разбирање, знаење, вештини и ставови преку практични и применети активности.

Учењето како резултат е претставено со очекуваните резултати, стекнати од страна на ученикот, што може да биде основа и средство за понатамошно учење. Знаењето го менува знаењето. Знаењето треба да се користи во донесување одлуки, решавање на проблеми, постигнување на одредени цели, експериментални испитувања, истражувања и анализи на системот (Marzano, 1997). Ефективното учење се оценува преку постигнатите резултати во однос на претходно поставените цели.

Образованието во современиот свет не е ограничено на одреден период од човечкиот живот туку тоа е доживотен процес. Тоа е “чукање на срцето на општеството” (Delors, 1996), мост помеѓу минатото, сегашноста и иднината и неговото значење постојано станува подлабоко и подлабоко. Delors укажува дека “луѓето треба да се вратат на учењето со цел подобро да се справат со новите ситуации кои настануваат во нивниот личен и работен живот. Оваа потреба е многу очигледна и станува се посилна и посилна. Единствениот начин за негово постигнување е кога секој учи како да научи (Delors, 1996). За таа цел, потребно е да се држиме до четирите столба: “учење за живеење заедно, учење за знаење, учење за дејствување, и учење да се биде” (Delors, 1996).

За живеење во дваесет и првиот век, потребни се некои лични карактеристики - меморија, физички способности, естетски чувства, комуникациски вештини, харизма на лидерот. Знаењето е динамично и постојано преминува од една во друга состојба, тоа е она кое треба да се стекне, да се обнови и да се користи во животот (Delors 1996).

За да учењето биде успешното, студентите треба да задоволат одредени барања: свесен пристап кон когнитивни задачи, љубопитност, толеранција, самокритика, реалистичен став, отвореност, активно учење, како и организација. Тие треба да развијат “моќни навики на умот кои ќе им овозможат да мислат критички, да размислуваат креативно, и да го контролираат своето однесување” (Marzano, 1997).

Постои разлика меѓу когнитивните способности и капацитетот за самостојна едукација. Когнитивните способности се подготвуваат за остварување на краткорочни цели и се иницирани од страна на

надворешен фактор (Национални образовни стандарди). Капацитетот за самостојно образование бара обединета стратегија за учење и развој на лични планови и желби. Ученикот мора да ги преиспита своите методи за постојано учење, да експериментира во потрагата за стекнување на нови методи, додека во исто време активно бара цел на само-оценување.

Воведувањето на образовни иновации во училиницата развива независност кај учениците и им дава способност да бидат повеќе самоуверени и сигурни во себе во борбата за стекнување на сопствени цели и стремежи, како и да бидат подготвени за успешно доживотно учење.

Успешното учење бара промена во ставовите на образованието и на наставникот и ученикот. Секој ученик има свој придонес за позитивна атмосфера, во пријатна и стимулирачка училиница и при учење надвор од училиницата во отворена или друга средина за учење. Наставникот е партнер, олеснувач, лидер, стимулатор, сила, господар на умот на ученичкото успешно учење.

Успешното учење бара нов однос кон науката, гледајќи на тоа не како изолиран систем на знаење, туку како динамична структура која се поврзува постојано со сите други делови на културата.

Цели на современата еколошка едукација

Образованието е патување до стекнување на знаење, вештини и вредности за успешна реализација преку постепен и ефективен личен и социјален развој.

Патувањето е успешно кога крајната дестинација е позната однапред, кога ќе знаеме каде да одиме и како да стигнеме до таму. Целта на еколошкото образование, како суштински дел од образованието за одржливиот развој, може да се смета за стекнување на здравствено-еколошка компетентност (Табела 1). Нејзината основа е изградена од единства на знаења за здравјето на луѓето и здравјето на животната средина.

Современата криза е антропоколошка, бидејќи проблемите во целите и стремежите на луѓето и во начинот на нивната интеракција со околината (проблемите во нивните души), се причините за создавање и влошување на еколошките проблеми што од своја страна предизвика многу здравствени проблеми.

Табела 1: Значење на здрава-средина компетенција

Компонен ти	Содржина
Знаење	Систем на факти, концепти, закони, врски, генерализација, хипотези, теории, прогнози, научна слика на светот, поврзана со структурата и функцијата на биосферата и на интеракцијата на општеството со природата.
Вештини	Подготвеност и стручност за активности поврзани со учењето и заштита на природата и за одржување рамнотежа на животната средина; систем од вештини за учество во активностите за чување на природата.
Вредност и	Контрола на сопственото однесување (самоконтрола) во согласност со систем на вредности (точни и неточни, добри и лоши) кој превзема одговорност за идните генерации (етика), ја почитува природата и биосферата, како и сите вредности на човештвото и одржува на научно цврсти правила за однесување, го бара тоа од самиот себе и од другите и се држи до принципите на еколошки одржлив развој.

Здравствено-еколошката компетентност се темели на знаење, вештини и вредности за заштита на природата надвор и внатре во нас. Човечките суштества се природни производи исто така како што тие доаѓаат во битие и структурите и функциите на нивните тела се регулирани со природните закони. Оваа компетентност му дава на ученикот можност да ги види проблемите во ноосферата, да се изнајдат решенија и да се спречи создавањето на нови проблеми. Тоа вклучува разбирање на меѓусебната зависност на луѓето и народите и вештини за ефективна интеракција и соработка во присуство на културната разноликост. Вредносната компонента на оваа компетентност е изразена преку односот кон сопствената личност, односот на други луѓе, и на животната средина во сите нејзини аспекти (Kohlberg, 1973; Knapp, 1981; Gilligan, 1982; Caduto, 1985; Maranto, 1990; Dispoto, 1997;

Здравствено-еколошката компетентност е во блиски односи со другите основни компетентности: јазичните, информативните, социо-културни и когнитивните. Секоја од овие основни надлежности има свој

придонес во личниот и општествениот развој на учениците (Sauve, 2002, Atasoy, 2006) и градење на систем на односи кон својата личност, кон другите луѓе и кон природата.

Чекор кон образованието за животна средина

Образованието за животната средина кое се занимава со комплексните системски објекти има безброј внатрешни и надворешни врски и не бара сложени студии на нивните структури и функции. Поради оваа причина интеракцијата на голем број пристапи се користи во образованието за животна средина (Табела 2). Пристапот кон концептот е дефиниран како "активно ориентирана цел, став на човечкото суштество во реалноста, која го вклучува својот теоретски став и стратегија и неговата практична активност". Пристапот е имплементиран во наставната пракса, со помош на група методи.

Табела 2: Систем на пристапи во еколошко образование

Училиш ни содржини	Знаење	Разбир ање	Развој на вредност
Компле кс	Интрадисциплин арност	Објасну вачки	Деонто лошки
Систем на анализа	Интердисциплин арност	Решава ње на проблем	Аксиол ошки
Интегра тивен		Хеурист ичен	Прогно стички
		Испраш ување	

Природата сама по себе е хиерархиски организирана. Таа претставува здрав мегасистем во кој што живите системи се најсложено организирани живи системи, почнувајќи од вирусите како најниско организирани живи суштества, а кои се поставени на границата помеѓу живо и неживо, окупирајќи го местото помеѓу молекуларните и биосферските нивоа на организација и се изложени на влијанието од космичката организација. Системот на организација на природата се базира на два принципа: принципот на хиерархија и принципот на појавата (Odum, 1983; Reiss, 1998). Секој систем во природата има комплекс од

својства кои се составени од својствата на градбените компоненти како и некои нови својства карактеристични само за овој специјален систем. Секој нареден систем ги вклучува претходните системи во јадрото. Сите природни системи изградиле гигантско јадро и за да се разбере сето тоа, интеграцијата на знаењата од различни биолошки дисциплини е неопходна. Постојат девет еколошки закони кои треба да бидат околу центарот на биологијата и во себе ги вклучуваат другите научни области. Поради тоа, за да се разбере хиерарската поставеност на биолошките системи во природата и да се имплементира за успешно разбирање на значењето на Образованието за животната средина, неизбежна е интердисциплинарноста во процесот на изучување на еколошките проблеми. Едностраниот и еднодимензионалниот пристап во изучувањето на оваа проблематика е невозможен. Педагогијата не е подготвена целосно да ги полемизира поставените еколошки проблеми затоа што претходно е потребно длабоко познавање на биолошките законитости. (Табела 2, колона 1.)

Во образовниот процес треба да се постави интрадисциплинарноста (интеграција во еден наставен предмет, на пример Биологија), како и интердисциплинарност (интеграција со други наставни предмети, на пример, биологија, хемија, физика, географија), а синтеза само кога се занимава со проблеми од реалниот живот (Табела 2, колона 2). Глобалните еколошки проблеми од ден во ден сè повеќе завземаат планетарно ниво, продирајќи во екосистемите на целата планета. Нивното изучување и разбирање бара интеракција како од наставните предмети така и од наставниците.

Личниот развој на студентите е невозможен без инсталирање на еколошки вредности во нив. Сето ова имплицира одредени квалитети, како должност и одговорност кон нивните сопствени битија, па и кон сегашните и идните генерации. Природата и здравјето се исто така вредности. Студентите стекнуваат вештини за да ги предвидат прашањата кои произлегуваат од било каква одлука во врска со проблемите во животната средина или од нивните сопствени однесувања (Табела 2, колона 4).

Основни конструкции на моделот на еколошкото образование

За успешното истражување на заштитата на природата, иновативниот модел на еколошка едукација е составен од три конструкции - *дидактички, концептуални и технолошки.*

Дидактичката - обезбедува современ образовен процес во кој сите достигнувања на педагогијата и психологијата се ставени во пракса. *Концептуалната* - ги опфаќа еколошките концепти и ги проучува од различни аспекти: когнитивни вредности, етички, акција и контрола (повратни информации и мониторинг). Сите аспекти земени заедно во блиска интеракција се од суштинско значење за развојот на личноста на ученикот.

Третата конструкција го смета еколошкото образование како процес кој треба континуирано да е подложен на осмислување, критичко преиспитување и актуализација на секој чекор од неговото спроведување во согласност со развојот на состојбата на животната средина, екологијата и педагогијата.

ЗАКЛУЧОЦИ

1. Теоретските студии докажаа дека методи на успешно учење беа учени, развиени и испробани од страна на многу научници и професори. За успехот на методите, теоретската класификација на цели е приоритет, вклучувајќи добро разбирање на компетивна здрава-природна средина.

3. Многу проблеми беа откриени што имаа потреба од понатамошно изучување. Примената на секој метод треба да биде евалвиран по наставни содржини и треба да биде проценета најдобрата структура за секој метод.

4. Беше потребно многу време за подготовка на професорот со цел да може да ги изведе експерименталните студии и да потребите на високо квалификуваното предавање.

5. Наставниот план и учебниците толку оптоварени со информации што беше многу тешко да се најде време за иновативни методи на предавање и за учениците да научат како да учат. Покрај тоа, учениците не можеа да си дозволат или пак не беа мотивирани да купат работни книги кои нудеа практична примена на нови методи за ефективно учење. Националните стандарди, иако добри затоа што го поставија почетокот на преминување од степен во степен, беа препрека за одличните ученици бидејќи не ги стимулираа да постигнат повисоки перспекти.

6. Социјалната тежина и психолошкиот замор од недостиг на апирации и добри идни перспекти, исто така беа бариери до успешно учење.

7. Употребата на иновативни методи за ефективно учење наложувааше адекватни квалификации на професорите, адекватни

компетенции, и детерминација да се постигне соработка помеѓу професорите, учениците, учениците и професорите, и исто така инволвирање на родителите. Родителите не треба да стоја на страна кога нивни деца растат, и тоа не само физички туку и интелектуално.

КОРИСТЕНА ЛИТЕРАТУРА

- Atasoy, E. (2006). **Çevre İçin Eğitim. Çocuk-Doga Etkilesimi**. Bursa: Ezgi Kitabevi,
- Bandura, A. & Schunk, D.H. (1981). Developing competence, Self-efficacy and Intrinsic Interest Through Proximal Self-motivation. **Journal of Personality and Social Psychology**, 41 (3), 586-598
- Brown, J.L. (1995). **Observing Dimensions of Learning in Classrooms and Schools**. Alexandria, VA: ASCD
- Delors, J. (1996). **L'Éducation: Un Trésor Est Caché Dedans**. Paris: UNESCO (Преведено на бугарски)
- Dispoto, R.G. (1997). Moral Valuing and Environmental Variables. **J. Research in Science Teaching**, 14 (4):273-280
- Ellis, G. & B. Sinclair. (1990). **Learning to Learn English. Learner's Book**, Cambridge University Press
- Gardner, H. (1987) **The Minds New Science. A History of the Cognitive Revolution** **The Journal of Environmental Education**, Basic Books
- Gilligan, C. (1982). **In a Different Voice**. Harvard University Press, Cambridge MA & London
- Interactive Didactic (1998). **Teaching with the Five Dimensions of Learning**. University of Amsterdam
- Knapp, C. & J. Goodman. (1981). **Humanizing Environmental Education: A Guide for Leading Nature and Human-Nature Activities**. American Camping Association, Martinsville, IN, 182-184
- Kohlberg, L. (1973). The child as a Moral Philosopher. In B.I. Chazan and J. F. Soltis (Eds) **Moral Education**, Columbia University Press, N.Y.
- Maranto, G. (1990/1992). Emotions-How They Affect Your Body. In **Annual Editions, Psychologist**. The Duskin Publishing Group, Inc, Guilford
- Marzano, R.J. et all. (1997). **Dimensions of Learning. Teacher's Manual**. ASCD
- Odum, E.P. (1983). **Basic Ecology**. CBS College Publishing
- Reiss, M. J. & J.L.Chapman (1998). **Ecology and Conservation**. Cambridge University Press

- Sauve, L. (2002). **Environmental Education: Possibilities and Constraints**. UNESCO, Connect, 27, 1-2: 1-4.

© Снежана Ставрева Веселиновска / Snezana Stavreva
Veselinovska, 2014.

© «PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

— ● —

УДК 301.085

Соціально-психологічні засади проектування життєвого шляху

М. В. Семиліт, лабораторія психолого-педагогічних основ управління
образовательним процесом Київського гуманітарного лицезя при
університеті ім. Т. Шевченка, Київ

У дисертаційному дослідженні реалізовано психодинамічний гештальт-підхід в соціальній психології, в межах якого розроблено оригінальну концепцію розгортання варіантів життєвих шляхів у соціальному середовищі. Ключова ідея наукової роботи: проектування життєвого шляху є **процесом розкриття можливостей** для знаходження індивідуально неповторного життєвого шляху. Отже, йдеться про «сліди» минулого, інтроекти, психотравми та феномен трансгенерації родових програм, що у своїй сукупності й є тим фоном, на якому людина може бути творцем власного варіанту майбутнього.

Робота має чотири фундаментальні ідеї:

1. Дослідження «слідів минулого», інтроектів, психотравм (індивідуального несвідомого). У практичній роботі вони мають прояв у процесі розгортання Я- концепції у груповому просторі.

2. Розкриття дії трансгенераційного механізму (родового несвідомого), унікального для кожної людини і який включає колективні та індивідуальні стратегії.

3. Створення умов для власної моделі проектування життя (прогнозуюча функція від теперішнього до життя після смерті).

У практичній роботі це розгортання операційної моделі проектування майбутнього у семантичному просторі групи. Використання графічно-семантичного методу дозволяє розглянути структуру групи як графічний образ міжособистісних взаємин, дослідити суперечності колективно-го(група) та індивідуального (Я-концепція).

4. Особистісний вибір як усвідомлення дії колективних та індивідуальних факторів, їх взаємодії.

1.

Дослідження «слідів минулого», інтроєктів, психотравм (індивідуального несвідомого)

Кожна особистість протягом життя взаємодіє з певними об'єктами які лишають в психіці **емоційно заряджений слід**. Ці сліди як семантичні коди мають рівневу структуру (свідомий та несвідомий, «забутий» репресований рівень), а також невербальні тілесні прояви (завмирання, спазми, «скуті ноги», «камінь у грудях», нестача повітря). Цей забутий рівень може проявлятися в розгортанні стадій психологічного контакту.

Коли сильні емоційні потрясіння, що перевищують можливості захисту та здолання інтроєктуються (переходять) в психіку людини через механізм ототожнення (ідентифікації) – вони набувають статусу **психотравми**, які як неусвідомлювані сліди захищені підсвідомим (фіксованими способами захисту) зберігають психічну енергію і зв'язуються з іншими травмуючими подразненнями – відбувається накопичення і генералізація цих негативних впливів.

Психотравми як «рани» породжують закапсульовану енергію, яка транслюється (передається) наступним поколінням (трансгенераційний аспект), що актуалізується в ситуаціях невизначеності, соціальної напруги та дезорганізації. Жити з травмою – це значить притягувати нові («одне горе не ходить» каже народна мудрість). Пережиті травмуючі події ведуть до розщеплення особистості на дві, або декілька: Я-соціальне, демонстративно-декларативне, раціональне – вигідне для даної ситуації; Я-вітиснене, репресоване, емоційно заряджене, таємне, слабке. Якщо травми численні, колективні і мають спільного «агресора» - вони слугують об'єднанню спільноти (спільна травма як групотворююча функція), стану «злиття групи» (відсутність меж Я – один виконує функцію вибору за всіх), сприяють «вза-

еморозумінню» маніпуляціям з однієї сторони, а з іншої – замовчуванню, виконують функцію об'єднуючої таємниці. Зв'язана, конденсована енергія пережитих слідів може резонувати між собою і зростати, що породжує, в ситуаціях невизначеності, напруги некеровані дії.

Інтроєктом можуть бути не тільки якості об'єкту, партнера-зразка але й певні стилі, стратегії поведінки, культурні жести, варіанти життя, прийоми спілкування, батьківські настанови, але всі ці характеристики з минулого життя. **Інтроєктовані способи життєдіяльності виявляють тенденцію відтворитись як певні життєві плани.** В соціальній взаємодії це подібно до «відігрування» пережитих сцен, ситуацій, варіантів життя (в центральній Україні «гра та посвята у козаків» на Західній – «лови москаля»).

В ході емпіричного дослідження динаміки розвитку груп різного типу виявлено, що кожна особистість і група в цілому проходять певні етапи (універсальні стадії розвитку) від ототожнення себе з лідером, групою в цілому (**ідентифікація**), **поляризація** між двома її полюсами «сильним» і «слабким» як **відступ**, **дезинтеграція** як збільшенні відстані між Я-реальним Я-ідеальним, реальною групою й ідеальною групою (бажаною), а також **інтеграція** як зростання цілісності групи і особистості в ній. Група як соціальний організм, особистість в ній може пройти всі ці стадії у випадку переробки (психотерапії) травмуючого досвіду, або зафіксуватись на одній із них, відігруючи, проектуючи пережите минуле в майбутні події життєвого шляху.

Розроблена соціально–психологічна модель трьох-факторного семантичного простору може використовуватися як метод об'єктивації особистісних характеристик Я-концепції учасників груп, прогнозування їх подальшого життєвого шляху, можливості інтеграції в колективі. Значення координат (ВПА) є об'єктивною характеристикою особистості й відповідає реальному статусу особистості в суспільстві (ми порівнювали крайні найвищі та найнижчі статуси в групі з займаними посадами учасників процесу проектування).

2.

Розкриття дії трансгенераційного механізму

В роботі представлені результати еволюції авторського бачення проектування життєвого шляху, яке почалось з футуропрактики, безпосереднього моделювання майбутніх подій життя дітьми та дорослими. Робота в групах проектування майбутнього показала, що часто воно є перенесенням пережитих в минулому подій, втрат з якими пов'язувались ба-

жані образи перевтілення в майбутньому. Тому, ми вийшли на необхідність цілісного дослідження життєвого шляху з врахуванням подій, послань пращурів, тобто **трансгенерації родових програм**. Розроблено методики: «квантифікації життєвої перспективи – лінія мого життя», «Фігура і фон» як спосіб усвідомлення символізованих змістів і перенесення їх у міжособистісну взаємодію.

Родова свідомість має прояв на таких рівнях: «*суспільство (етнос)* – спільнота як велика група людей, що мають спільні уявлення про світ, – *родина – особистість*». Групове несвідоме зберігає інформацію як родову програму життя того, чи іншого представника певної статі. Не перероблена, неусвідомлювана інформація (витіснена) задає динаміку руху до повторення подій, при відсутності розвитку.

Особистість, будучи представником певного етносу, є носієм його визначальних рис (менталітет). Будь-яку спільноту живлять *соціальні міфи*, що містять окрім актуальної інформації історичний перебіг травматичного досвіду від далекого минулого до теперішнього. Сім'я в її історичній ретроспективі та проєкції є носієм *родових програм* а також стратегій подолання травматичного досвіду. І, нарешті, особистість, за умов усвідомлення, визначає свою участь у *родових програмах поведінки* та можливості виходу за їх межі.

Особистість у груповому несвідомому зберігає пережиті родові травми, при переробці та усвідомленні яких вона може:

1. Неусвідомлено їх повторювати, притягуючи подібні ситуації, коли замкнене коло з роками звужується. Неусвідомлені родові травми викликають дію психологічного механізму вимушеного повторення в проєкті майбутнього життя. Таким чином родово превалює над індивідуальним, особистість «захоплена» груповим несвідомим потрапляє в ситуацію «замкненого кола». Тут ми виходимо на родову «Я-концепцію» особистості, яка з однієї сторони надає їй певної захищеності, впевненості, а з іншої, – обмежує варіанти особистісного вибору в межах родових нормативів.

2. Особистість може обирати незалежну стратегію поведінки, здійснювати над нормативні вчинки (нестандартні) з метою виживання. Здатність ризикувати або «пливти за течією», підкорятись долі, що є більш характерним для українського менталітету.

3. Працювати над усвідомленням травматичного досвіду, власних родових програм, що саме по собі підсилює «Я» та укріплює рід. Це стратегія не лише виявлення та усвідомлення власних травм, але й «очищення» колективного несвідомого роду (потенціал зростання на

засадах травмую чого досвіду). Катарсис як перетворення («преображение») негативних емоцій, страждань в позитивні, прийняття неусвідомлюваної частини психіки (не-Я) в основну Я-концепцію є необхідною умовою особистісного зростання (адже відомо, що «погані» предки впливають і на життя нащадків, відповідно, сильні, духовно розвинуті – підсилюють рід, навіть за рахунок власної смерті).

Тому, проблема зовнішніх та внутрішніх проявів психотравм пов'язана з соціальними проявами, травмами системи; з рівнем самоусвідомлення травматичного досвіду та спроможністю робити власний вибір («сила Я»); а також з рівнем відповідальності за свій рід і спів-буття з іншими людьми.

3.

Створення умов для власної моделі проектування життя

Проектування життєвого шляху це процес розгортання Я-концепції в різного типу групах, учасники яких стають об'єктами і суб'єктами проєкцій взаємин в роду, родині, емоційно-значимій групі тощо.

Тому, ми досліджували (спочатку) сам процес розвитку групи як системи в трьохфакторному вимірі: Валентність(В), Потентність(П), Активність(А). Психологічна валідність факторів ВПА забезпечується вдалою теоретичною інтерпретацією в термінах трьохкомпонентної теорії почуттів В. Вундта, згідно з якою фактор «Валентність» (В) відповідає координатам «насолода – ненасолода», «Потентність(П) – напруженість – розслабленість»; «Активність»(А) – координатам «збудженість – заспокоєність».

У роботі ці фактори досліджено у поведінковому аспекті. Запропонований підхід дозволяє реалізувати принцип системності дослідження, згідно з яким група розглядається як система взаємин, що має певні рівні: індивідуальні характеристики учасників проектування, групова організація (структура групи), група в цілому, а також рівні функціонування: вербальні оцінки взаємин за шкалами СД та малюнки, що зображують членів групи, життя в цілому з наступною їх експертною оцінкою, а також невербальні семантичні співставлення кольорів.

Отже, узагальнивши оцінки, ми можемо одержати статус особистості в групі як оцінку її іншими учасниками, позицію як оцінку особистістю всіх інших («узагальнений інший»), а також самооцінку, ідеальну оцінку (Я хотів би бути ...). Суть цих оцінок полягає в тому, що вони є результатом самосприйняття та сприйняття інших членів групи (позиція), а також у тому, на-

скільки адекватні мої уявлення про мій статус в групі, про відношення до мене інших учасників групи. Ці оцінки-характеристики ми називаємо соціально-перцептивними характеристиками. Група в цілому проходить стадію **потенційної ями**, коли всі фактори різко знижуються і зростає розсіювання особистісних характеристик (в точці К).

Операційна модель проектування майбутнього життєвого шляху є такою:

Схема проектування майбутнього

Рис.1

Розроблений спосіб опису міжособистісної динаміки у формі **статус-векторів (квантів)** дав змогу виявити три основні стратегії впливу особистості на інших людей: *особистісно-розвиваючу* (рівність статусів, діалог, інтеграція в групі), *маніпулятивну* (прилаштування «під», спокуса для імперативної особистості), *імперативну* (відступ від контакту, прилаштування «над іншими», відчуження, зростання емоційної напруги, можливої еміграції в наступних поколіннях).

4.

Вибір як усвідомлення дії колективних та індивідуальних факторів, їх взаємодії

Травматичні зміни називаються колективними, коли травми підлягають цілі співтовариства — цивілізації, регіони, етнічні, національні групи. Це можуть бути як раптові, непередбачені зміни (війни, революції, ломка суспільного устрою, масові міграції, економічні кризи і т.п.), так і тривалі, накопичувальні процеси. Сам вибір варіанту життя особистості ми представимо у формі дерева-соняшника, кожна гілка якого символізує варіант життєвого

едипової залежності, комплекс Діани). Основні переживання при цьому – подавленість та піднесеність переможця (хвилеподібна динаміка).

4. Життєвий шлях відходу (дистанціювання) від родини, часто і спільноти в якій відбувалось становлення (розщеплення на переможця та невдачу), зміна життєвих цінностей, певна втрата ідентичності, захопленість собою, милування своїм відображенням (нарцисизм), власними здобутками, використання дитячої гри – «Я найкращий/найкраща», орієнтованість на досягнення в кар'єрі, на результат. В явищі героя перед нами з'являється не просто доля, а перш за все планомірні події, за які він наче й не відповідає, але насправді несе відповідальність, тому що він завжди ігнорує невідкладне питання про своє проникнення в суспільні вимоги, щоб піднятися над іншими як герой. Основне почуття – самотність. Приклад – життєвий шлях Петра Яценка.

5. Трагічний шлях (короткотривалий, затиснутості, безвихідності) – шлях самознищення, коли особистість, переживаючи кризу (розриву взаємин, вікову тощо) тримає в собі емоції, втрачаючи контакт з реальністю, ретрофлексує, направляючи агресію на себе .

6. Психопатологічний життєвий шлях, в якому спостерігається постійне зісковзування з обраної мети, відсутність самореалізації в реальному житті, втеча у хворобу використовується вираз «якби в мене не було недуги я досягнув би багато...», центром життя стає симптом, різного роду залежності (алкогольні, наркотичні, комп'ютерні).

7. Життєвий шлях, як антисценарій: всупереч батьківським настановам, програмам («назло» батьку або матері – полярна контрзалежність) особистість займає престижну соціальну роль, стає матеріально забезпеченою та незалежною. Основними почуттями тут можуть бути образа, злість як продуктивна агресивність, що часто переходить у маніакальність, зверхню позицію. Таким чином, кожному, хто робить спробу знайти новий «чужий» суспільству шлях, загрожує небезпека втрати контакту з реальністю.

8. Життєвий шлях як захопленість образами, людьми, що померли нехтуючи власним життям ради ідеї, або значимими іншими, з якими втрачено контакт (життя обличчям у минуле), які підсилюють тенденцію особистості до психологічної смерті, проживання не відповідного власним потребам життя. Цей варіант життя проявляється у тих, хто проектує пережиту втрату, але не перероблену, в майбутнє.

Отже, кожна особистість, ідентифікуючи себе з певною групою, «взірцем-героєм» свідомо чи підсвідомо (в залежності від її цілісності та «сили

Я») здійснює свій вибір життєвого шляху, використовуючи певні механізми його символізації. Але сам вибір, його варіанти детерміновані механізмами переривання контакту, що послаблюється зовнішніми травмуючими подіями, в результаті яких емоційне збудження людини може не досягати об'єкта потреби, а заломлюючись або зісковзуючи заміщується його символом, програванням минулих травмуючих подій (відігрування).

Статус-вектори є основою вибору і по суті є процесом квантифікації у авторському розумінні, а направленість вектора вказує на подальший розвиток подій.

Розглядаючи можливі шляхи виходу з травмуючого особистість до свіду, приходжу до висновку, що людина може обрати:

Стратегію «жити з травмою», зберігаючи, утаємничуючи її, передаючи наступним поколінням;

Стратегія компенсації пережитих втрат соціальним статусом, яка розглядається як досягнення, матеріальними цінностями як витісненим потягом до матері (підкріплення символічною любов'ю матері). **Зцілююча, інтегруюча стратегія** повернення до травмуючих подій, в відтворених психотерапевтичних умовах з метою переробки і виходу з травми як подолання злиття з травмуючою подією. Тут, як правило відбувається зростання «сили Я» особистості, відчуття себе суб'єктом свого життя, звільнення від фіксації на пережитому.

Концепція життєвого шляху («Соняшника») може стати першим ступенем для усвідомлення власного життєвого шляху і шляху суспільства, що створює певний «фон» зовнішніх подій.

У дисертаційному дослідженні реалізовано психодинамічний гештальт підхід в соціальній психології, в межах якого розроблено оригінальну концепцію розгортання варіантів життєвих шляхів у соціальному середовищі. Для цього розроблена соціально-психологічна модель трьох факторного (валентності, сили, активності) семантичного простору. Розроблений спосіб опису групової динаміки у вигляді семантичного простору групи та дисперсії (розсіювання) особистісних характеристик може використовуватися як метод об'єктивної соціально-перцептивних характеристик учасників груп, прогнозування їх подальшого життєвого шляху, можливості інтеграції в колективі. Значення координат (ВПА) є об'єктивною характеристикою і з особистості й відповідає реальному статусу особистості в суспільстві (ми порівнювали статус в групі з займаною посадою). Розроблено методики: «квантифікації життєвої перспективи – лінія мого життя», «Фігура і фон» як спосіб усвідомлення символізованих особистістю взаємин.

1. Здійснено теоретичний аналіз концепцій життєвого шляху особистості, яка тлумачиться нами як система ієрархічних взаємин декількох поколінь, що передають послідовникам з потенціалом розвитку, зростання, ще й прихований потенціал пережитих колективних та індивідуальних травмуючих образів. Ці образи спонукають особистість до вибору стратегій виходу з травмуючих подій: стратегія повторення життєвих труднощів, повернення до минулого; стратегія компенсації пережитих «потенційних ям» більш високим соціальним статусом, матеріальними цінностями; стратегія «жити з травмою» – замовчування й «відігрування» на інших (вимищення).

2. Катарсичне відреагування особистості в групі, родині з метою звільнення від утаємничення подій, відтворення їх у терапевтичних умовах, веде (через відчуття психологічної смерті, розщепленості) до її інтеграції, *вирівнювання* соціально-перцептивних статусів учасників, спрощення ієрархічної структури групи і статистично-значимого зростання їх «сили Я» (95%) зцілення і успішності наступних поколінь .

3. В основі виявлених емпірично варіантів життєвих шляхів лежать механізми виходу (переривання) з психологічного контакту, що обумовлюють домінуючий вибір і відповідну стратегію поведінки.

4. Розроблений спосіб опису міжособистісної динаміки у формі статус-векторів дав змогу виявити три основні стратегії впливу особистості на інших людей: *особистісно-розвиваючу* (рівність статусів, діалог, інтеграція в групі), *маніпулятивну* (прилаштування «під», спокуса для імперативної особистості), *імперативну* (відступ від контакту, прилаштування «над іншими», відчуження, зростання емоційної напруги, можливої еміграції в наступних поколіннях).

5. Квантування часу життя в різного типу вікових групах : людей похилого віку та групі студентів виявило такі закономірності: у перших (як не парадоксально) більш стабільне життя, лінія життя має 1-3 перепади емоційного стану, їх життя (незважаючи на голод, репресії, війну, зовнішні травмуючі події має в 2 рази менше «потенційних ям») більш різнобарвне, насичене також і позитивними подіями. В людей похилого віку більш позитивне бачення перспективи, адекватні домагання (бажання участі в художній самодіяльності, мандрівки, у жінок – реалізація бажання черговий раз вийти заміж).

6. Процес міжособистісної взаємодії в групі проектування життєвого шляху проходить певні універсальні стадії розвитку: від ототожнення себе з керівником, групою в цілому (**ІДЕНТИФІКАЦІЇ**), **ПОЛЯРИЗАЦІЇ** між двома її полюсами «сильним» і «слабким» як відступ, **ДЕЗІНТЕГРАЦІЇ** як збільшен-

ні відстані між Я-реальним, реальною групою і Я-ідеальним(бажаним), ідеальною групою, а також **ІНТЕГРАЦІЇ** як зростання цілісності групи і особистості в ній. Група як соціальний організм, особистість в ній може пройти всі ці стадії у випадку переробки (психотерапії), отриманого в минулому травмуючого досвіду або зафіксуватись на одній із них, відігруючи, проектуючи пережите минуле в майбутні події життєвого шляху.

7. Виявлено два основних структурних ієрархічних принципи побудови взаємин в соціальній групі, родині – традиційний, патріархальний, східний архетип, де ієрархія взаємин вибудовується по домінуванню Батьківського архетипного принципу, а також наявність в українському суспільстві запозиченого ззахідного типу побудови взаємин у соціальній групі, сім'ї («спочатку вона сама, за нею її партнер, а потім діти»), по «материнському принципу», де домінуюча фігура в родині – мати, що розкриває більше можливостей для самореалізації жінки, є причиною статево-рольових конфліктів в умовах сьогодення, наслідком чого є численні міграції жінок на Захід, соціальне сирітство залишених в Україні, фрустрованих дітей.

8. Виявлено архетипальну символіку життєвих зразків колективного (групового) несвідомого, де протиставлено міфологеми Сіяча (що знаходить вираз в основній діяльності землероба, а на Свята Василя в посіваннях як народній практиці підготовки майбутнього господаря) та Котигорошка (козака-переможця, що подолав родову залежність). Ці архетипні образи – полярні шляхи розвитку чоловічої ідентичності, між якими виникає взаємовиручка та конфлікти.

9. Психотравми, що актуалізуються в процесі проектування майбутнього служать основою для створення «взаєморозуміючих угрупувань» за травмуючим об'єктом: «пізнавших голод», «переживших війну», «переслідувані», «чорнобильці», «переселенці», «переживших безробіття і хаос 90-х рр.».

10. Встановлено ряд психологічних феноменів: «прискорення психологічного часу, ритму життя» в ситуації страху смерті, «групової ілюзії» як неадекватних очікувань, «зростання валентності групи», актуалізації в емоційно насичених життєвих ситуаціях декількох ідентифікацій (однієї особистості) – «сильного Я» й «слабкого я», «жертви та ґвалтівника», що є проявом попередньо пережитих соціальних депривацій та психотравмуючих подій, що відображаються як в невербальних формах так і в архетипних образах.

11. Виявлено явище несвідомого об'єднання, ототожнення (негативного злиття) з соціальними об'єктами проти яких особистість свідомо протестує (стратегія майбутнього переходу).

12. Реальність невербальних форм, малюнків оточуючих людей, життєвих подій виконана субєктом життєвого шляху, більш адекватна реальним взаєминам в групі ніж прямі оцінки інших людей по шкалам семантичного диференціалу, хоча ці дві реальності (рівні) – взаємопов'язані.

13. Джерелом репертуару соціальних ролей, емоційних станів, нестандартних «наднормативних» вчинків, що виконує особистість в своєму житті, можуть бути: *архетипні образи групового несвідомого* етнічних спільнот, що засвоюються поза свідомістю, *передані* (зпроектовані) *працями послання–інтроекти*, *засвоєні* (інтроектовані) *у власному досвіді «сліді пережитих індивідуальних та колективних травм»*, а також *«запозичені зразки» образів життя створені в інших культурах*.

Таким чином на основі результатів теоретичного та емпіричного дослідження розроблено систему соціально-психологічних понять та концепцій для побудови *цілісної теорії проектування життєвого шляху, концепції квантування життєвої перспективи*. Подальші дослідження ми вбачаємо в розробці більш диференційованого підходу до варіантів життєвих шляхів, а також у знаходженні психологічних умов їх покращення.

© М.В. Семиліт / Н.В. Семилет, 2014.

© «PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

— ● —

Библиографическая ссылка

Коллектив авторов. Региональные социологические и психологические исследования // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2014. – № 3.сг.;

URL: pem.esrae.ru/4-30 (дата обращения: 13.12.2014).

Сведения об авторах

Авезов Олмос, преподаватель кафедры психологии Бухарского государственного университета, Бухара (Узбекистан), e-mail: psixologiya_jurnali@rambler.ru

Анжиганова Лариса Викторовна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и культурологии ХГУ им. Н.Ф. Катанова, Абакан, e-mail: alv_9@mail.ru

Бафаев Мухиддин Мухаммадович, преподаватель кафедры психологии Бухарского государственного университета, Бухара, e-mail: psixologiya_jurnali@rambler.ru

Богдановская Вера Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой социальной работы Медико-психолого-социального института Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, Абакан, e-mail: ethnos2012@mail.ru

Василец Нина Витальевна, аспирантка Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, Абакан, e-mail: nina.vasilets@mail.ru

Давыдов Александр Станиславович, аспирант Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, Минусинск, e-mail: asd3major@yandex.ru.

Грицаенко Евгения Викторовна, магистрант кафедры психологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, Черногорск, e-mail: evgricaenko@yandex.ru

Ибрагимов Радий Назибович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, Абакан, e-mail: dison1@mail.ru.

Кускел-оол Дина Монгушовна, педагог-психолог муниципального бюджетного образовательного учреждения Республики Тыва «Солчурская средняя школа», Кызыл.

Лейман Юлия Сергеевна, психолог СОШ, Абакан.

Мазилев Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, академик МАПН, зав. кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета, Ярославль, e-mail: v.mazilov@yspu.org.

Макарова Ирина Александровна, старший преподаватель

кафедры социологии Забайкальского государственного университета, Чита, e-mail: makir77@gmail.com.

Макина Анастасия Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы Медико-психолого-социального института ХГУ им. Н.Ф. Катанова, Абакан, e-mail: makinaai@mail.ru

Малиновская Светлана Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, институт развития образовательных систем Российской академии образования, Томск, e-mail: malina-1949@mail.ru

Манتيкова Анна Владимировна, старший преподаватель кафедры психологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, Абакан, e-mail: psychologistmantika@gmail.com.

Морогин Владимир Григорьевич, доктор психологических наук, профессор, академик МАПН, профессор кафедры психологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, Абакан, e-mail: morogin_vg@khsu.ru.

Назаров Акмаль, преподаватель кафедры психологии Бухарского государственного университета, Бухара, e-mail: psixologiya_jurnali@rambler.ru

Ооржак Сайзана Федоровна, магистр кафедры психологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, Абакан.

Останов Шухрат Шарифович, преподаватель кафедры психологии Бухарского государственного университета, Бухара, e-mail: psixologiya_jurnali@rambler.ru

Пфау Татьяна Вильевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, Абакан, e-mail: ethnos2012@mail.ru

Сабанин Павел Валерьевич, аспирант кафедры социальной психологии Московского городского педагогического университета, Москва, e-mail: convergo@mail.ru

Сабирова Дилафруз, психолог, докторант кафедры психологии Бухарского государственного университета, Бухара, e-mail: psixologiya_jurnali@rambler.ru

Саломова Гули Шодимуродовна, докторант кафедры психологии Бухарского государственного университета, Бухара, e-mail: psixologiya_jurnali@rambler.ru

Салчак Тайгана Александровна, студентка кафедры психологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, Абакан, e-mail: ethnos2012@mail.ru

Сань Мочурга Романовна, студентка филологического факультета Тувинского государственного университета, Кызыл, e-mail: mochurga_sany@mail.ru

Семилет Николай Васильевич / М. В. Семиліт, кандидат психологических наук, доцент, заведующий лабораторией психолого-педагогических основ управления образовательным процессом Киевского гуманитарного лицея при университете им. Т. Шевченко, Киев (Украина), e-mail: semilet@mail.ru

Сорокоумова Светлана Николаевна, доктор психологических наук, доцент. Профессор кафедры психологии и педагогики ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет» (Нижегород, Россия), e-mail: 4013@bk.ru

Ставрева Веселиновска Снежана / Snezana Stavreva Veselinovska. Full Professor Faculty of Educational Sciences University "Goce Delcev" Stip R. Macedonia, e-mail: snezana.veselinovska@ugd.edu.mk

Теселкина Елена Николаевна, преподаватель колледжа педагогического образования, информатики и права Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, Калинино, e-mail: zvezdo4ka.lena@mail.ru.

Токоякова Анастасия Ивановна, магистрант кафедры психологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, Таштып, e-mail: Nastya_blazhnova@mail.ru

Халилова Рухсора, филолог, преподаватель кафедры методики начального обучения Бухарского государственного университета, Бухара, e-mail: psixologiya_jurnali@rambler.ru

Чиркова Наталья Валерьевна, руководитель Республиканской службы психологической помощи «Единый социальный телефон», Абакан, e-mail: nat.chirckowa@yandex.ru

Чупров Леонид Федорович, кандидат психологических наук, профессор Российской Академии Естествознания (РАЕ, Москва), член Европейской Академии Естествознания (EuANH, London), действительный член и главный ученый секретарь МАН (Украина, Киев), главный редактор научного журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири», Черногоorsk, Хакасия, e-mail: leo-chuprov@yandex.ru

Шишкина Анастасия Юрьевна, магистрант кафедры психологии Медико-психолого-социального института Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, Абакан, e-mail: ethnos2012@mail.ru.

Щербаков Андрей Вячеславович, старший преподаватель кафедры организационной психологии НИУ «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Россия), e-mail: uavpochte@yandex.ru

Янакиева Елка Кирилова, доктор педагогических наук, профессор, почетный доктор наук НОУ ВСОА (Красноярск), действительный член МАН (Киев, Украина), профессор кафедры дошкольной педагогики и начального образования Юго-Западного университета им. Неофита Рильского, Благоевград, Болгария, e-mail: elka_yanakieva@abv.bg.

СОДЕРЖАНИЕ

Об этом номере журнала (вступительное слово главного редактора).....	3
Морогин В.Г., Чупров Л.Ф. О VII научно-практической конференции.....	6
Секция 1.....	7

Кросс-культурные и этнопсихологические исследования

Анжиганова Л.В. Этническая культура во времени и пространстве.....	8
Бафаев М.М., Останов Ш.Ш. Этнический менталитет как компонент психического склада этноса.....	23
Василец Н.В. Формирование этничности ценностно-потребностной сферы личности в подростковом возрасте.....	26
Давыдов А.С. Регрессионный анализ ценностно-потребностных индикаторов тревоги у представителей этнически однородной и смешанной популяций юношеского, зрелого и пожилого возраста.....	31
Ибрагимов Р.Н. Деформации и инверсии ценностей.....	42
Мазилев В.А. Современные кросс-культурная и этнопсихология: новые тенденции в методологии комплексных и междисциплинарных исследований.....	47

Мазилев В.А., Морозин В.Г. Некоторые методологические основания исследований в области этнопсихологии.....	78
Малиновская С. М. Состояние и перспективы развития образования коренных малочисленных народов Томского Севера.....	88
Мантикова А.В. Потребность в безопасности городских жителей Красноярского края – представителей русского и смешанного этносов в старшем подростковом возрасте.....	94
Назаров А., Аvezов О. Формирование узбекского этноса.....	100
Сабирова Д., Халилова Р. Возникновение речи и языка.....	104
Саломова Г. Билингвизм в этнопсихологии.....	108
Шишкина А.Ю. Употребление алкоголя совершеннолетними в разных этнических группах.....	112
Секция 2.....	115

Региональные социологические и психологические исследования

Богдановская В.И. Социально-медицинские аспекты жизни пожилых людей в Республике Хакасия.....	116
Грицаенко Е.В., Токоякова А.И. Средства массовой коммуникации как фактор влияния на формирование этнической толерантности.....	119
Кускел-оол Д.М. Исследование межличностных отношений со сверстниками среди тувинских школьников в начальной школе.....	122
Лейман Ю.С., Пфау Т.В. Личностные особенности, способствующие социально-психологической адаптации юношей-спортсменов.....	127
Макарова И.А. Гуманизация межэтнических отношений как социальная потребность в региональном социуме.....	133
Макина А.И. Женщина как объект помощи у хакасов.....	140
Пфау Т.В., Ооржак С.Ф. Исследование смысложизненной концепции суицидентов в Республике Тыва.....	149
Сабанин П.В. Уровень развития психометрического интеллекта у младших школьников Московской агломерации.....	152
Салчак Т.А. Дети эпохи перемен: иерархия ценностей.....	159
Саны М.Р. Обычаи и традиции тувинцев-тоджинцев, связанные с	

традиционными видами хозяйства.....	164
Теселкина Е.Н. К вопросу о толерантности будущих педагогов.....	169
Чиркова Н.В. Особенности работы психолога в формате телефонного консультирования.....	172
Чупров Л.Ф., Янакиева Е.К. Научно-практические конференции Южной Сибири, как площадка межэтнического и международного сотрудничества ученых и специалистов.....	176
Щербаков А.В., Сорокоумова С.Н. Религиозность и этическая идентичность в контексте социальных ролей (на примере представителей различных конфессий).....	178
Труды на иностранных языках	
Stavreva Veselinovska S. What are the psychological, pedagogical and social factors that influence successful learning in environmental education? [Каковы психологические, педагогические и социальные факторы, которые влияют на успешное изучение в экологическом образовании?].....	194
Семиліт М.В. Соціально-психологічні засади проектування життєвого шляху [Социально-психологические принципы проектирования жизненного пути]	205
Сведения об авторах	217
Содержание	220

Ethnoses of the developing Russia: problems and prospects: materials of the seventh All-Russia scientifically-practical conference with the international participation (Abakan, on December, 4th, 2014) / by V.G. Morogin general edition. – Abakan, 2014. – 224 p.

In the collection materials of reports on sections «Cross-country-cultural and ethnopsychological researches» and «Regional sociological and psychological researches» are presented the seventh All-Russia scientifically-practical conference with the international participation «Ethnoses of the developing Russia: problems and prospects». In published articles are discussed methodological, cross-country-cultural, psychological and social questions of interethnic relations, rises a problem of comprehension by the person of the ethnic identity, considered with a position of various methodological approaches and theories, results of the empirical researches executed in the tideway of discussed concepts are analyzed

Научное издание

«PEM: Psychology. Educology. Medicine»

Материалы международных научных конференций

Дайджест № 3. - 2014.

ЭНЖ "Психология. Эдукология. Медицина"

Этносы развивающейся России: проблемы и перспективы: материалы седьмой Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Абакан, 4 декабря 2014 года) / Под общ. ред. В. Г. Морогина. - Абакан – 224 с. [эл. ресурс] URL: <http://bulletinppfdc.1gb.ru/>

Ответственный за выпуск *А.С. Щукин.*

ISSN 2303-9744

Э91

П99